

ИГОРЬ
КОВАЛЕНКО

ЖАРА В АНОМО

ИГОРЬ КОВАЛЕНКО

**ЖАРА
В АНОМО**

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ”
1982

84P7
К56

Второе издание,
дополненное и переработанное

- Коваленко И. В.
К56 Жара в Аномо: Приключенческая повесть. —
2-е изд., доп. и перераб. — М.: Мол. гвардия,
1982. — 272 с., ил.

В пер.: 1 р. 10 к. 100 000 экз.

Действие приключенческой повести происходит в одной из развивающихся стран Африки. Рассказ о нефтеразведке, сплетаясь с рассказом о раскрытии преступления прислужников империализма, передает острые столкновения разных мировоззрений и характеров.

К 4702010200—167 257—82
078(02)—82

ББК 84P7
P2

Старинные настенные часы в порыжевшем и потрескавшемся деревянном ящике-футляре громко крикнули, отметив три часа тридцать минут утра.

Сержант Киматаре Ойбор на мгновение оторвал взгляд от двери, с ненавистью посмотрел на часы. Он был раздражен руганью, лившейся в его ухо из телефонной трубки вот уже добрых пять минут.

Отвратительно кричающие часы несколько лет назад преподнес четвертому зональному управлению полиции проезжий англичанин, кинооператор-хроникер, после того как воры дерзко похозяйничали в его гостиничном номере, а полиция с непростительно большим опозданием явилась на зов о помощи.

Как ни странно, жест потерпевшего пришелся по вкусу начальству оплошавших блюстителей порядка; было велено водрузить часы на самом видном месте для постоянного укора и напоминания.

Итак, пробило три с половиной утра. Время, в сущности, слишком раннее для посленочных тревог.

— Да, да, слушаю, — сказал Ойбор в трубку и, придав голосу максимальную любезность, спросил: — Кто говорит? Прошу вас... кому обязаны?

— О, господи!.. — послышалось в ответ.

— Что ж, если не хотите... но... вы уверены, он мертв?

— Да, черт возьми! Шевелитесь, пока нет рото-зеев!

— Момент! — воскликнул Ойбор, опасаясь, как бы его невидимый собеседник не повесил трубку. Сержант нетерпеливо поглядывал на дверь, соображая, какими бы еще словами удержать его на линии связи. — Мм... я правильно понял, близ отеля «Масаи»? Примерно в сотне шагов от советского посольства? И все же, прошу вас, кто говорит? Мы обязаны знать. Таков порядок. Чистая формальность, уверяю вас.

Сдобренное ругательствами замечание насчет оби-

лия ослов в полицейской службе было последним, что расслышал Киматаре Ойбор.

И тут в двери наконец возник дежурный связист.

— Из автомата на площади Освобождения, — скороговоркой доложил он.

— Записали?

— Естественно.

— Что?

— Виноват. Записали, гражданин сержант.

— Хорошо.

— Рад стараться, гражданин сержант.

— Если не ошибаюсь, на площади всего одна телефонная точка, — вслух подумал Ойбор, — да, всего один пластмассовый козырек на углу.

— Группа уже выехала. Бр-р-р, только идиоту придет в голову разыгрывать нас в такую рань. Похоже, вам не повезло, гражданин сержант. Придется поводить, я думаю.

— Довольно болтать.

— Виноват. — Связист не скрывал своего необъяснимого злорадства. Глуповатая улыбка растянула его заспанную, небритую физиономию.

Злорадство его было в высшей степени странным, действительно необъяснимым, поскольку Киматаре Ойбор привык к уважительному, даже почтительному к себе отношению со стороны сотрудников, включая и тех, кто не был в его непосредственном подчинении.

Связист просто давился смехом, нагло уставясь на сержанта.

— В чем дело? — сдержанно спросил Ойбор. И добавил: — Не помню, чтобы голос в трубке развлекал нас анекдотами. У меня в вашем возрасте от таких сообщений волосы вставали дыбом. Сейчас, впрочем, тоже.

— Виноват, — в который раз произнес связист, — виноват. Но мне подумалось: не будет ли каких-либо указаний насчет записи? Уж больно грубо он с вами обошелся.

Сержант взорвался:

— Мне плевать, как он со мной обошелся! Мне всегда плевать на это! И вам не следует так впечатляться всякой ерундой! Для нас важно, что сообщают, а как — неважно! Ясно?! Речь идет о смерти, а ты... Быстро у вас тут каменеют души.

— Прошу извинить, но его тирада свалила бы и сло-

на. Крепко это у него получается. Ничего подобного не слышал, сколько живу.

— Последнюю фразу насчет ослов, пожалуй, сотри, — сказал Ойбор. — Да, пожалуй, незачем ее консервировать. — Сержант надел панаму и застегнул ремень с кобурой. — И вообще, убери все лишнее. Ты меня понимаешь.

— Слушаюсь. Хотя инструкцией предусмотрено...

— Лишнее сотри!

— Слушаюсь.

— Вот и отлично, — со вздохом проворчал Ойбор. — Боюсь, запись нам не поможет.

— Пожалуй, — развязно согласился связист, — этот парень явно постарался изменить голос. Сипел, как пьяная старуха.

— Ну, довольно. Иди. А то я поверю ему относительно ослов и полиции.

Связист ушел. Из-за плохо прикрытой двери просочились топот удаляющихся шагов, прищелкивание языком и смех.

Что и говорить, день начинался отвратительно.

Сержант Киматаре Ойбор, ветеран уголовной полиции, обладатель трех золотых лент, одну из которых за долгосрочную и образцовую службу он получил уже при новом режиме из рук самого президента, вероятно, забыл, что за ночь выпит весь запас кофе, иначе бы не тряс флягу, прежде чем покинуть служебное помещение.

— Найдется у кого-нибудь глоток кофе или виски? — крикнул он.

— Никак нет, гражданин сержант, на службе не держим.

Шаркая тяжелыми сандалиями, он прошагал по анфиладе крошечных комнатшек, уставленных приземистыми столами, унылыми, как и казенные бра на голых стенах.

Тусклый электрический свет скользил по лоснящемуся лицу пожилого темнокожего человека с широкой желтой нашивкой на коротком рукаве белой форменки и нагрудным жетоном № 73.

Ойбор взял свой велосипед, что одиноко поджидал хозяина за специальной оградкой у задней стены двухэтажного особняка управления, и покатил по узким и кривым мостовым еще не проснувшейся столицы. Город, как и вся страна, в короткие часы безлюдья, мол-

чащий и застывший, будто обнаженный и выставленный напоказ, являл собой огромную строительную площадку, где глинобитное жилье соседствовало с белокаменным, где вечно зелень и вечно солнце.

В центре города начался асфальт, ехать было легче.

Пятьдесят девять лет прожил Ойбор в этом городе. Он знал его, как собственную ладонь. На краю низины, за древовидными сенециями с похожими на копыта листьями, уже различными в фиолетовой дымке рассвета, начинались кварталы ремесленников. Там, на улице Шерсти, был и его дом.

Ночная служба сержанта окончилась полчаса назад, но не домой направил он свой велосипед, а на главную площадь.

«Утверждают, что старость склонна к бессоннице, — подумал Ойбор. — Значит, я уже слишком стар. Чудно — человек, можно сказать, бодр и свеж после бессонной ночи, и это знатоки духа и плоти человеческой объявляют признаком старости».

Неторопливо двигался он. С некоторых пор вообще взял себе за правило являться на место происшествия чуть позже оперативной группы, считая, подобно многим бывалым сыщикам, что тем самым дает возможность молодым коллегам самостоятельно осмотреться на месте с большой пользой для их профессионального роста.

А может быть, никак не хотел признаться себе, что силенки уже не позволяют летать во весь дух. Не так уж он был свеж и бодр в эти минуты, как пытался мысленно себя уверить. Так или иначе, к его прибытию работа полиции, как говорится, уже кипела вовсю.

Кроме крытого полицейского грузовика, на площади Освобождения находились еще две легковые машины, они стояли поодаль, задними колесами на тротуаре перед отелем.

Сквозь тонкие нейлоновые чехлы легковушек без особого труда можно было разглядеть иностранные номера, оба либерийские. «Гринвилл», — отметил Ойбор.

Автомобили, несомненно, проделали огромный путь и стояли теперь у отеля не меньше двух-трех суток без движения. Они не представляли интереса.

Швейцар отеля наблюдал за действиями врача и фотографа, суетившихся около трупа, и вздрагивал от каждой вспышки блица.

— Уже допросили, — угрюмо обронил один из полицейских, перехватив устремленный на швейцара взгляд сержанта. — Никто ничего не видел. Разумеется, никто, ничего, никогда и нигде.

— Вот как? — Ойбор внимательно изучал окна ближних домов.

— Не сомневайтесь. — Полицейский сплюнул себе под ноги. — Так уж всегда, никто ничего не видит.

— А вы что думаете? Только без плевков.

Полицейский пожал плечами. Он был очень юн, почти мальчик. Тщательно отутюженная форма висела на костлявых плечах, как на вешалке. Ойбор никогда его прежде не встречал и поэтому решил, что он из посольской охраны и прибежал оттуда на несколько минут добровольно подсобить собратьям, полный любопытства и служебного рвения.

— Может быть, вы скажете что-нибудь интересное? — Ойбор повысил голос.

— Судя по знаку, пострадавший принадлежал к нашему движению. — Юноша не знал, куда деть свои длинные дрожащие руки. — Хотите на него взглянуть?

— Конечно. Идем.

Полицейский оцепенел, замер на месте с перехваченным дыханием, но Ойбор не заметил его испуга, он сам замешкался, размышляя.

«Пострадавший принадлежал к нашему движению», — повторял он мысленно.

Это обстоятельство меняло дело. Впрочем, дело не менялось: смерть есть смерть, а вернее сказать, это обстоятельство усложняло дело, придавало трагическому факту особую значимость.

— Я с вашего позволения... — забормотал молодой полицейский.

Но сержант не дал ему договорить, бросив через плечо:

— Да, да, идем.

— Если не возражаете, гражданин сержант, я бы не хотел еще раз... страшно, что с ним сделали.

Ойбор отвернул покрывало, тотчас же задернул его и распрямился, морщась, точно от боли.

— Не представляю, как удастся опознать, — говорил полицейский в спину сержанту, — обнаружили только сигареты, немного денег и щетку для волос. Все здесь. Вон у них.

Ойбор рассеянно кивнул и двинулся к своему велосипеду.

Молодой полицейский почему-то увязался следом. Он уже начинал раздражать сержанта.

— Осмелюсь заметить, гражданин сержант, тут дело нечисто. Тут пахнет не ограблением и не пьяной дракой, а политикой, — уже перейдя на шепот, продолжал юнец в полицейской форме, — согласны?

— Послушай, братец, — сказал Ойбор, — тебе не кажется, что ты слишком долго разгуливаешь?

— Не понял вас, — произнес тот недоуменно.

— Марш на пост!

— Гражданин сержант... я вас не понимаю...

— Ты на посту у посольства? Оттуда?

— Никак нет. Из четвертого зонального. Я в вашей группе. Вы, вероятно... я новенький, еще не представился.

— Черт бы вас побрал... Отчего не занимаетесь делом, как все?

— Мне сказали, чтобы я встретил вас и доложил... — Бедняга растерялся вконец.

Ойбор ощутил сочувствие к этому новобранцу, как видно, впервые столкнувшемуся с ужасным происшествием и силившемуся скрыть свое смятение. Он уже мягче сказал:

— Ну так докладывайте. Что там у вас?

— Осмелюсь напомнить, я уже докладывал. Никто ничего не видел.

— Видел, — сказал Киматаре Ойбор, — видел тот, кто воспользовался вон тем телефоном на углу.

— Так точно, — очумело выпалил полицейский.

— Постой-ка... — Ойбор вдруг сдвинул брови, — выходит, вы не удосужились расспросить часового? — Метрах в двухстах виднелись ворота посольства СССР. В предрассветной мгле можно было разглядеть, что ни у ворот, ни у боковой ограды, ни у застекленной до половины будки охранника не было. — Почему там никого нет?

— Спит, — предположил полицейский, — присел в будке и дрыхнет. Я бы таких в шею гнал со службы. Совсем бы не брал таких, гражданин сержант.

Ойбор не слушал, он опустил велосипед на тротуар и продолжал пристально вглядываться в сумрачное марево рассвета. Тревога отразилась на его лице.

Он приказал юнцу негромко:

— Сбегай за ним. Посмотри, что там. Бегом.

Словно почувствовав что-то, трое других полицейских, отойдя от грузовика, настороженно приблизились к сержанту. Даже врач с фотографом подошли.

Между тем швейцар отеля, бурно жестикулируя, что-то шепотом объяснял зеленщику с тележкой и еще двум ранним прохожим. С любопытством пересекала площадь парочка, как видно, загулявших влюбленных.

«Нужно поторапливаться, — подумал Киматаре Ойбор, — через полчаса тут не протолкнешься».

В сумраке отчетливо обозначилась фигура молодого полицейского, он брел обратно. Потрясенный до глубины души, он бессознательно тер ладонями уши и лепетал:

— Господи боже ты мой, что делается на свете... господи боже ты мой, что же это такое...

Ойбор резко встряхнул его за плечи.

— Что там?

— Господи... он там... в будке... тоже мертвый.. убитый...

2

Дощатый навес в тени пальм лишь создавал иллюзию прохлады, зной проникал повсюду.

Борис Корин в выгоревшей, измазанной нитролигнинном рубаше тщетно пытался освежить лицо мутноватой, теплой водой, черпая ее пригоршнями из широкого глиняного сосуда.

Желтая земля. Желтое небо. Белесо-синяя полоска озера и серые островерхие хижины на том берегу, украшенном покосившейся часовенкой, были едва различимы.

Это Африка. Тропическая Африка. Земля, которую Корин узнал немногим более двух месяцев назад.

Впрочем, познал ли он ее, эту удивительную землю, такую богатую, такую бедную, такую противоречивую, многострадальную землю, званым другом и желанным гостем которой стал?

...А далеко-далеко, дома, сейчас тоже лето. Мягкое, пряное утро Приобья, в извечном непокое которого надежный покой. Благодатное лето земли рода его с пляшущими солнечными бликами на изгибах широкой

сибирской реки, с прохладной истомой тайги, где, покрытые влажными туманами, бредут поутру таежные сосны и кедры по колено во мхах, цветастых и вздыбленных, как российские подушки. И перезвон, гул работы в портах. Лихо лязгающий бег гусеничных вездеходов. Азарт ребячьих рыбалок и хлипкие, болотные броды послевахтовой охоты, с глухариными стонами, с опаленными солнцем и кострами подберезовыми опушками. Бетонные трассы, что лучами расходятся от нефтяного Сургута к разбросанным на урманах точкам упрямого труда, и новые, белые пирамиды каменных построек, решительно врезавшихся в буро-зеленую стену леса, и приземистые бревенчатые балочки и бараки первопроходцев таежной целины. Россыпи цветов с голубикой и брусникой, вкусно, прохладно и сочно лопающейся на зубах, точно кетовые икринки. И такие птичьи хоры в сплетенье древесных крон, что ломит уши, а дышать — не надышишься, там дышать словно петь...

В знойной, удушливо жаркой африканской стране Борис Корин не расставался с пачкой зачитанных, замусоленных писем, оттопыривших нагрудный карман его рубы.

Ох как долго летят эти милые весточки от далекого Севера огромной Родины до маленькой жаркой страны, затерявшейся на другом континенте, где адрес их получателя обозначен четырьмя словами и пятью цифрами дружеского контракта, где он, как и дома, первопроходец земных недр, где немало прекрасных людей и дел, но и горя еще немало, где тревожно и трудно. Так тревожно и трудно, что нервы держи в кулаке.

От горизонта до самого лагеря нефтяников, петляя меж дюнами, пролегла дорога, по ней как-то странно рывками мчалась машина, оставляя позади себя плотную стену пыли на долгие часы. Дни стояли сухие, призрачные.

Миновав буровую вышку, возле которой копошились фигурки полуголых рабочих, «газик», резко затормозил среди хаоса сворачивающегося лагеря.

Из машины сперва выпрыгнула молодая африканка в блеклой клетчатой рубаше с закатанными рукавами и шортах, затем грузно вылез рослый мужчина в замызганном, изъеденном химикатами и мазутом спортивном костюме.

Женщина бросилась к барaku с антенной на плоской

картонной кровле. Мужчина же быстрыми шагами устремился к недовольно следившему за ним Борису Корину, размахивая на ходу руками так, что тонкая ткань изношенного спортивного костюма грозила разлететься на гиганте в клочья. Мужчина обливался потом.

— Это правда? — с ходу спросил он.

— Самовольничаешь, — строго сказал Борис, — или тебя не касается общий порядок?

— Слушай, — глаза великана сузились, — есть у тебя сердце или нет? Мы случайно услышали в утренней радиохронике. Это правда, я тебя спрашиваю? Да или нет?

Корин промолчал, отвернулся.

— Это правда... — чуть слышно сказал мужчина. — Не может быть, не верю... Он обещал вернуться утром... Габи, бедолажка... думал, не довезу ее живую, сама не своя. Как же так?.. Наши из ГКЭС уже знают? Виктор Иванович знает? И в посольстве?

— Возвращайся.

— Отвечай! — резко повысил голос великан, и веснушки на скуластом, побледневшем его лице проступили отчетливей. — Банго мой друг. Хлопцы там с ума посходили, что я им скажу?

— Гринюк! Уф!.. Не нужно было оставлять их сейчас, Серега. Знаешь, паника среди рабочих... кому это надо? — Корин положил руку ему на плечо. — И Габи не следовало везти сюда. — Борис некоторое время смотрел на людей, хлопотавших возле вышки, потом сказал: — Вы должны поднять воду точно в срок.

— Точно в срок, — вздохнул Сергей Гринюк. — Мы колодец пробуравим, не бойсь, а вот тебе теперь как? Один не потянешь, если начнем по новой, точно.

— Ну, все. Возвращайся. Успокой ребят как-нибудь, а там будет видно. Приедет Луковский — решим, как быть.

— Успокой... А меня кто успокоит? А Габи? А всех?

— Возьми себя в руки!

— Плохо дело... А ведь Габи, должно, бросит нас теперь, — сказал Сергей. — Это ж понятно. Здесь же каждая железяка кричит о Банго. Неужели застопоримся после стольких мытарств? Пока тебе сменщика, пока нового химика... застрянем надолго. Плохо дело. Два месяца варились в пекле, и вот тебе как обернулось. Плохо дело, плохо...

Густые, запыленные во время бешеной гонки по грунтовой дороге волосы топорщились на крупной, лобастой голове Сергея. Обветренные скулы были покрыты влажной шелухой обожженной кожи.

Сергей непрерывно с силой проводил кулаками от переносицы к щекам, будто хотел не только стереть с лица струившийся грязный пот, но и содрать невидимую пленку, раздражавшую до зубовного скрежета. Одежда прилипла к разгоряченному телу, вздуваясь пузырями лишь на локтях и коленях.

— Умойся, — сказал Корин, кивнув на сосуд с водой.

Сергей только рукой махнул. Ногой придвинул к себе ящик, опустил на него и, сгорбясь, устался на барак, в котором скрылась молодая африканка.

— Зачем ты ее привез? — укоризненно молвил Корин. — В самом деле, зачем? Ну ладно, повиснет на рации, будет рвать себе душу. Зачем? Бедняжка, не может поверить. Нельзя было везти ее сюда.

— Я что, идиот? — Сергей ударил себя кулаком в грудь. — У меня что, сердца нету? Я и сам не верю. Не верю! Не такой Банго человек, чтобы через вино или еще как попасть в аварию.

— Верно.

— Борь, я ж не чужак какой-нибудь, почему не общили мне сразу? Я бы хоть знал, как себя вести с нею. Обидно. Прямо голова пошла кругом.

— Не до тебя было. Прости.

— Слушай, Борис, ты в курсе, скажи честно, он случайно или... или, может, подстерегли? Это же, знаешь, чем пахнет...

— Знаю. Боюсь, что не случайно. Но об этом пока не стоит особенно распространяться. Разберутся. А нам — не отступить.

— Как же теперь?

— Как и прежде. Вперед.

— Нет у тебя сердца, старшой, нету. — Сергей вскочил, отшвырнув ящик, на котором сидел. — Раз они такое вытворяют, надо гадов поубивать на месте! Не-е, я рвану в город, я им шороху наделаю! За друга! За всех этих бедолаг! Это ж нельзя так оставлять! Не-е, я рвану сейчас же, по горячему! Передавлю гадов собственными руками! Будь что будет! Сам! Подлые! Контра — она везде контра! Я, знаешь, с разными заганбандами дипломатию разводить не буду! Они

лучших людей в гроб, а я в сторонке? Не-е-е, брат, шалишь!

Перед Кориным метался не прежний добродушный увалень, а совсем другой человек, незнакомый, страшный, почти обезумевший.

— Возьми себя в руки, — призывал Борис. — Куда ты рванешь? Кого накажешь? Кого? Где? Не будь ребенком. —

— Я их, бандюг, по роже узнаю! Хотя тут, хоть где!

— Дай ключ, Гринюк.

— Чего?

— Ключ, говорю. Дай сюда ключ от машины.

— Ну нет, старшой, ты меня не знаешь!

— Не валяй дурака, Серега.

— Слушай, бурмастер, дорогой ты наш, тебе колодец важней? Какой-то колодец важней? Да? В такой момент... Я сейчас, знаешь, что хошь сокрошу. — Сергей в крайнем возбуждении подскочил к Борису вплотную. — Если на то пошло, ты во всем виноватый. Да! Ты с ним был. Вы были вместе. Все знают, что вы уехали вместе позавчерашним вечером, так? Вот и объясни, дорогой товарищ, как с ним могло такое случиться? Да! Объясни! Всем объясни!

Борис сжал зубы. Гринюк увидел, как вздернулись желваки на побелевшем его лице и еще резче обозначилась чернота вокруг воспаленных глаз, и понял, что Корин измотан, что не спал ни минуты все это время, что очень тяжело переживает случившееся.

Из барака с антенной на крыше вышла женщина в клетчатой рубаше и шортах, Габи Амель. Она, спотыкаясь, точно слепая, направилась к «газику».

Гринюк снова провел по лицу кулаками и словно содрал наконец с себя невидимую пленку, пересилил отчаяние и растерянность, взгляд его приобретал осмысленность, движения, судорожные еще несколько мгновений назад, постепенно делались четкими, уверенными.

Он плеснул себе в лицо полную пригоршню воды, жадно напился и снова плеснул, отдышавшись.

— Ну вот, — вздохнул Борис Корин, — а теперь дай мне ключ.

— Тебе-то на кой машина? — тихо спросил великан.

— Отвезу Габи обратно. Лучше уж ей быть со всеми. И вот еще что, дружище, надо бурить на воду. Надо

успеть до нее добраться, пока не перетащили «бэушку». Зря ты оставил ребят, зря.

— Ладно уж, не бухти, и так тошно...

— Давай ключ, не дури. А сам поостынь малость. Присмотришь тут вместо меня. Я постараюсь живо обернуться.

Но Сергей зашагал прочь, огромный, сильный, разъяренный, бросив через плечо:

— Сам привез, сам и обратно доставлю. Но ты не прав.

3

Городские часы еще не отстучали девяти вечера, а в ночном баре «Кутубия» на улице Капуцинов уже извергал джазовые синкопы выдавший виды музыкальный ящик папаши Гикуйю.

Владелец заведения скучал за стойкой, равнодушно наблюдая за парой наемных танцоров, в обязанность которых, судя по телодвижениям в ритме полумузыки-полустона, входило этакое шекотание эротического воображения посетителей.

Гикуйю не имя бармена, а прозвище, коим с незапамятных времен тут наделяли многих переселенцев кенийского происхождения. Разумеется, переселенцев небелых.

Голенастая девица и ее расхлябанный долговязый партнер танцевали с подчеркнутым самозабвением, лавируя между столиками, за одним из которых какой-то молодой африканец пренебрежительно листал иллюстрированный журнал из тех, что в изобилии валяются на подоконниках претендующих на изысканность парикмахерских, аптек, кафе или чисто питейных уголков большого города.

За другим столиком, в глубине небольшого зала, стилизованного под африканскую суперэкзотику, чинно восседали европейцы: благообразного вида господин лет сорока пяти и чопорная дама весьма почтенного возраста.

Возле раскрытого, занавешенного лишь прозрачным тюлем окна, внимательно наблюдая за улицей, смаковал питье еще один субъект, белый верзила лет тридцати.

— Вуд! — внезапно прорезался сквозь грохот музыки хриплый голос сидящего у окна.

Тот, кого окликнули, не меняя ни позы, ни выражения лица, продолжал почтительно беседовать с престарелой леди.

Но Хриплый не повторил оклика, он не сомневался, что его слышали, он только поспешно перевел глаза с окна на потолок, взгляд его стал отрешенным.

С вкрадчивым треском откинулся бамбуковый полог, с улицы вошел плечистый, невзрачно одетый, небритый человек.

Его каштановых волос давно не касались ножницы и расческа, густыми волнами они стекали от широкого лба на засаленный ворот заношенной замшевой куртки, обрамляя смуглое, красивое лицо.

Взглядом ослепительно-синих глаз он медленно, словно кинокамерой, провел по залу и остановился на бармене, который, подобно прочим, казалось, вовсе не заметил его.

Так не бывает, чтобы в сравнительно маленьком помещении не обратили внимания на входящего.

Вероятно, явное невнимание к нему не понравилось мужчине в замшевой куртке, однако он не подал вида. Ухмыляясь, двинулся к стойке походкой обнищавшего принца.

Бармен безучастно принялся изучать свои ногти. Пришелец нахмурился и так хлопнул ладонью по стойке, что тот мигом поднял на него глаза.

— Ты что, Гикуйю, уже воротишь нос от бродяги Матье?

— Тебя не узнать, Ники, — нехотя отозвался папаша Гикуйю.

— Еще бы... — Человек по имени Ник Матье вновь оглядел заведение. — Целую вечность не встречались с малюткой «Кутубией». Потускнела твоя красавица. Даже курочки не порхают, как прежде.

Гикуйю развел руками:

— Да, не те времена.

— А на улицах сплошной карнавал, — сказал Матье. — Будто с цепи сорвались. Я и не подозревал, что в этом городишке столько напичкано. В этом паршивом городишке...

— Миллион без трех сотен, — сказал бармен, и в голосе его проскользнуло нечто схожее с гордостью, — трех сотен тысяч, правда.

— Плодитесь, плодитесь, я не против.

— А что с цепи сорвались — это верно, — заметил

Гикуйю. — Именно с цепи, братишка, верно сказано. Гребни поближе к стойке, ополосни глотку по такому поводу.

Ник Матье приблизился к нему и небрежно пома- хал какой-то бумажкой, вопрошая:

— Уж не ради ли паршивого глотка ты гонял по- сыльного в Шарбатли?

— Нет, — ответил бармен, глянув на записку, — я тебя не звал.

— Серьезно? — произнес Ник Матье. — Что ж, значит, мальчишка что-то напутал. Сделаем вид, что так оно и есть. Ты не против?

— Ники, — сказал бармен тихо, — повторяю, я тебя не звал, хоть и рад тебя видеть. Я ничего не имею про- тив тебя, ты же знаешь. Но я тут ни при чем.

— Значит, рад мне, говоришь? Ай, славно! Папаша Гикуйю безумно рад видеть Матье. Это уже удача. Нежданная удача, совсем нежданная.

— Вот привязался...

— Жаль, Гикуйю, что у тебя нет дочери, я непре- менно женился бы на ней в отместку за твою радость по поводу нашей встречи.

— Говорю тебе, не я тебя звал, — глухо отозвался бармен. — Век бы тебя не знать, безбожного.

— Ладно, ладно, эк набычился, того и гляди хватит удар. Лучше уж и впрямь поднеси стаканчик, что ли. До лучших времен, а? Не зря же я потратил полдня, чтобы дотащиться до твоей берлоги не по своей воле.

— Пфе!.. — Весь вид Гикуйю изображал разочаро- вание. — Сам понимаешь, лавочка на волоске, где уж мне подносить задаром.

— Подавись.

— Ты уж прости, братишка, еле свожу концы с кон- цами.

— Подавись и забудь, — презрительно процедил Матье и, отвалившись от стойки, шагнул в зал. — Хо- тел бы я знать, ребята, кто меня вспомнил. Кому я по- надобился в этой дыре? Не тебе ли, великий хозяин великой страны? — Он хлопнул по журналу молодого африканца.

— Эй, парень, полегче! — вскрикнул бармен. — Или убирайся! У меня должно быть красиво!

— Пардон, — сказал Матье африканцу, — миль пар- дон, бвана.

— В самом деле, приятель, не стоит шуметь. —

Хриплый поднялся, выключил музыкальный автомат, отстранил танцующих и подошел к Нику. — Раз у тебя свидание — сядь и жди.

— А ты откуда знаешь про свидание? — спросил Ник.

— Догадался.

— Значит, это твой почерк?

— Тебе сказано, закрой пасть, сядь и жди.

Матье улыбнулся, кивнул. И вдруг резким ударом в челюсть свалил верзилу на пол с такой силой, что тот отлетел, разметав стулья.

Хриплый лежал несколько мгновений, хлопая глазами, затем вскочил и угрожающе двинулся на Ника. Матье, запустив правую руку в карман своего пиджака.

— Прикончу! — рявкнул он.

Но прежде чем он успел выхватить оружие, Ник стремительно подскочил к нему и с чудовищной силой вновь обрушил свой кулак на его челюсть. Теперь уже, грохнувшись на пол, Хриплый глаз не открывал. Вообще, казалось, не подавал признаков жизни.

Еще не стих перезвон битой посуды, а юных танцоров уж и след простыл. Возмущенно удалился и молодой африканец, не забыв прихватить журнал.

Господин по имени Вуд властным жестом остановил бармена, выхватившего из-под стойки деревянный молоток с намерением проучить дебошира.

Пока раздосадованный папаша Гикуйю, чертыхаясь и охая, приводил поверженного в чувство, Вуд успел извиниться перед чопорной старухой, покинуть ее и обратиться к Матье с такими словами:

— Успокойся, малыш, это я пригласил тебя, чтобы обсудить одно дельце. Прости, но хотелось сперва приглядеться, осторожность никогда не вредит. — Кивнул на Хриплого. — Дурачок не учел этой истины и напоролся на твою знаменитую клешню.

— Чем обязан? — спросил Ник. — Месье или мистер, как вас?

— Киф-киф, как говорят арабы, — Вуд вытянул вперед оба указательных пальца и приложил их один к другому, — называй меня просто щедрым другом.

— Не вижу повода.

— Ты прав. — Вуд увлек Ника за ближний столик, окликнул бармена, и тот принес выпивку.

— Что это вы намекали насчет арабов? — сказал Матье, пристально глядя в глаза незнакомцу.

— Разве?

— У меня был приятель, — сказал Ник Матье, — у него тоже случались внезапные провалы в памяти. Помогало только одно средство, хороший удар по черепу. Мозги у парня встряхивались, и память тут же возвращалась.

Вуд натянуто рассмеялся:

— Уж не про беднягу ли Янсена ты мне толкуешь, сынок?

— Точно, — кивнул Ник, — про него. Ну и осведомленность у вас! А про арабов... что вы имели в виду?

— Просто так, просто так, — поспешил заверить Вуд. — Считаю, что я воображаю, будто знаком с твоей жизнью. С прошлой, я имею в виду.

— Ну ты!

— Стоп! Давай-ка помягче. — Вуд изобразил ослепительную улыбку. — С людьми надо ласково, а ты, погляжу, набит ненавистью до отказа. Хоп — и обидел моего кроткого, застенчивого слугу. Нехорошо. Бывает, любителям чесать кулаки о чужие зубы достается свинцовая пломба в кишки. Интересно бы узнать, как тебе удавалось избегать ее до сих пор.

— Угроза?

— Ни в коей мере. Обычная беседа двух умных людей.

— Что-то много тумана вокруг одного из нас. К чему бы это, а?

— Ты слишком мнительный, сынок. Несладко живется?

— А, все дерьмо. Выкладывайте дело.

— Тебе нравятся, скажем, тыщенок пять зелененьких и билет до Марселя?

— Ого!

— Итак, господину Энди Сигбьерну... о, виноват, Нику Матье это нравится. Ты ведь Ник Матье, я не ошибся?

— Не ошиблись. — Ник изо всех сил старался не выдать охватившего его беспокойства.

— Допустим, — произнес Вуд.

— Вы полицейский? Интерпол?

— Фи-и-и, — возмущенно протянул Вуд, — давай без оскорблений.

— Тогда в чем дело?

— У тебя есть шанс на пяток тысяч и прогулку до Марселя, только и всего. Но если Марсель не входит

в твои планы, — Вуд многозначительно подмигнул, — можешь податься, например, на мыс Кейп-Код, штат Массачусетс. Там, я слышал, есть чудненькие ветряные мельницы.

Побледнев, Ник молниеносно обхватил незнакомца, сковав его руки своими, но так, что со стороны их поза могла сойти за пьяное объятие, и прошипел, покосившись на зал:

— Выкладывай, что задумал. Тихо, я способен мигом раскронть твой череп об этот стол.

— Отпусти, — просил Вуд, сдавленный, точно тисками, — пусти же. У тебя все в порядке. Я действительно друг. Все объясню.

— Хорошо. Но никаких экскурсов в прошлое, только о деле. И руки на стол. Иначе не поручусь за твой череп.

— Да, да.

Матье отпустил полузадохнувшегося господина, следя за малейшим его движением, и, когда тот полностью пришел в себя, требовательно бросил:

— Ну?

Вуд долго с нескрываемой злобой рассматривал Ника, точно увидел впервые. Сказал:

— Рискованная шутка. Не делай этого больше. У тебя широкая спина, а мой человек сидит в нескольких шагах с тяжелым карманом. И то, что ты слегка помял ему физиономию, еще ничего не значит.

— Вы мне надоели. Я жду две секунды, — сказал Ник.

— Ладно. Тебе приходилось работать с русскими буровыми механизмами?

— Да. И с ними тоже. В Алжире. Давно. Хм, меня там не поняли. — Ник легонько шлепнул себя по затылку. — Барра *.

— А вот мы ценим крепкий характер.

— Кто «мы»? Вы и ваша девочка? — с откровенной издевкой спросил Ник, кивнув на пожилую даму, что не сводила глаз с их столика.

— Это неважно. Важно, что ты опытный бурильщик.

— Опытный бродяга, — поправил Ник, — скитаюсь по континенту вроде какого-нибудь кретина из шайки миссионеров.

— Наши беды оттого, что черномазые распоясались, — доверительно произнес Вуд.

* Прочь (арабск.).

Ник несколько секунд молча вертел стакан. Осушил его залпом, поставил вверх дном. Улыбнулся и кивнул точно так же, как и перед недавними ударами по физиономии Хриплого.

Вуд невольно отпрянул от него.

Однако ничего особенного не произошло. Разве что голос Ника чуть понизился, когда он наконец предупредил:

— Учтите на всякий случай, я кольт под мышкой не грею и в мокрые дела не лезу.

— Упаси боже! — Вуд замахал руками. — Я хотел сказать, что наши ребята вроде тебя остались ни с чем, а черным начхать. Зато с красными они в обнимку.

— Черные краснеют на глазах. — Ник коротко рассмехался. — Только мне терять нечего. Растерял за морями. Это вы в проигрыше с тех пор, как все тут перевернулось. Знакомы мне ваши сказочки... Но выпивка хороша, мерси.

— Может, и ты покраснел, а?

— Бросьте, — зло оборвал его Матье, — плевать мне на политику, мне в жизни выпадало достаточно уроков на этот счет. Да и мой покойный родитель в свое время свернул на этом шею. Если разобраться, я влип в историю с мельником на Кейп-Коде по его идиотской милости, будто виноват, что кто-то когда-то поставил не на ту карту. — Он с сожалением посмотрел на пустой перевернутый стакан. — Послушайте, вы, щедрый друг, если у вас серьезное предложение — выкладывайте поскорей, не топчитесь как пай-мальчик перед борделем.

— Всякая грубость сбивает меня с толку.

— Поймите, кое-кому завтра даже вонючая конура в Шарбатли окажется не по карману, а вы развлекаетесь баснями про белый пароход и зеленые бумажки.

— Это легко уладить, — сказал Вуд, — если договоримся, в пансионе «Массауа» кое-кого ждет приличная комната с видом на будущее.

— Bravo. Знаете, у меня от радости пересохло горло.

— Это тоже легко уладить. Эй, папаша Гикуйю, повтори!

Пожилая дама, поймав брошенный на нее украдкой полный оптимизма взгляд Вуда, покинула бар. Прямая и тонкая, как спица для вязания, она мелко семенила

ножками, точно карфагенская девственница, скованная у лодыжек цепочкой.

Вуд глянул на Хриплого, и тот, выждав минуту, тоже поплелся к выходу, потирая ушибленную челюсть. Брови Ника Матье недоуменно и вопрошающе поднялись, но Вуд лишь сверкнул зубами и покровительственно похлопал крепыша по спине.

— Я нарочно не гоню к делу, прежде чем мы не закрепим дружбу как следует, сынок, — сказал Вуд.

— Дружба — это хорошо, но неплохо бы и поесть за счет друга.

— Можно и подкрепиться, прежде чем отправлю тебя в пансион.

— Валяйте, — усмехнулся Ник, — лишь бы комната в «Массауа» не оказалась с видом на решетку.

Повинуясь выразительному жесту господина, бармен принес целую бутылку «Белой лошади», содовую и гору снети.

Ник понял, что странное свидание затянется. Он вдруг удивился собственному ощущению неловкости. Не то чтобы почувствовал себя не в своей тарелке, а просто не очень уверенно, чего давненько с ним не случилось.

Его угнетало прилизанное, самодовольное, лениво жующее рыльце сидящего рядом плутократа. Не терпелось поскорее узнать суть загадочной сделки и бежать в обещанный комфорт лучшего в городе пансиона, погрузиться в голубую прохладу ванны, послать всех к черту.

— Не мешает жить? — вкрадчиво спросил Вуд. — Весьма рискованная картинка. Я бы не слишком выставил ее напоказ. В этой стране, по крайней мере.

— Что? А... — Ник опустил глаза на свою правую руку с дагней татуировкой. Две пальмы, верблюд между ними и подпись: «Souvenir d'Afrigve» *.

— А утверждал, будто чураться мокрых дел, — рассмеялся Вуд.

— То была военная служба.

— Неужели?

— Почти служба. Слишком давно.

— Похоже, тебе неприятно вспоминать эту службу.

— Вы угадали, — сказал Матье.

— В таком случае непонятно, зачем ты сохранил на руке эту замечательную картинку. При сегодняшней хи-

* «Память об Африке» (франц.).

мни от нее избавиться совсем несложно. Могу помочь.

— Благодарю, не стоит беспокоиться, проживу и с ней.

— Мне приходилось встречать ребят с такими картинками. Отчаянные ребята. Надеюсь, ты из таких. — Вуд торжественно откупорил бутылку. — Какой легион? Мне как-то рассказывали о бравом капрале второго белого батальона в Эль-Маццоне...

Ник Матье оборвал его, с силой шлепнув ладонью по столу.

4

На оживленной, залитой отсветами вечерних реклам площади тучная африканка с неимоверно затейливой, многоэтажной прической и в не менее затейливо украшенном платье, плотно облегавшем ее фигуру, усердно запирала газетный киоск на два вызывающе новеньких висячих замка с таким благоговейным видом, будто это была не заурядная лавчонка, а златохранилище века. Покончив с замками, она подергала их, убеждаясь в надежности, по-хозяйски еще и еще раз осмотрела киоск, снова подергала замки и лишь после этого решила уйти.

Поравнявшись со скамьей, где сидела миловидная девушка с репортерской сумкой на «молнии», демонстративно отвернулась, поскольку заметила еще раньше, что девушка давно здесь сидит, с явным ожиданием поглядывая на нее.

— Добрый вечер, мемсаб, — вежливо произнесла юная незнакомка, поднимаясь и направляясь к ней.

— Ах, оставьте, — ворчливо отозвалась толстуха, не оборачиваясь. — Я тороплюсь. Догадываюсь, кто вы и что вам от меня нужно. Язык опух от разговоров, не стало покоя на работе. Я не даю интервью, не желаю. Все.

— Прошу прощения, но я как раз по поводу вашей работы. Всего несколько вопросов. Пожалуйста. Я вас не задержу. Это очень важно.

— Ах, по поводу работы, — женщина остановилась, повернулась с неуклюжим поклоном, — сожалею, но вы опоздали, киоск закрыт.

— Да нет же, мне нужны именно вы. Как бы вам объяснить...

— Говорите прямо, что вам от меня нужно?

— Прежде всего хотела бы спросить, когда поступают утренние газеты.

Скорчив недовольную мину, толстуха оглядела несколько смущенную своей настойчивостью девчонку с ног до головы, сказала:

— Так вы сыщик, а не репортер? То-то я смотрю, вы околачиваетесь на площади возле моего предприятия. Ваш блокнот собьет с толку кого угодно, только не меня.

— Да нет... видите ли... откровенно говоря, я действительно репортер, — сказала девушка. — Стажер. Меня зовут Джой Маллигэн, отдел хроники и объявлений «Абреже».

— Ах, оставьте, я же сказала, меня не проведешь. Держу пари, вы тоже насчет убийства неподалеку от моего киоска, верно? Ужасно. Автомобильное происшествие такая редкость, не правда ли?

— Да, но я хотела бы...

— По-моему, у вас никакой системы.

— Простите?

— В полиции нет согласованности, я говорю. Люди от вас приходят разные, а спрашивают одно и то же, просто на части разорвали. Одно и то же, одно и то же, без конца. — Толстуха тараторила взхлеб. — Нет, у вас определенно никакой системы, поэтому, поверьте, столько нераскрытых преступлений. Уж я-то знаю, все газеты проходят через мое предприятие.

— Я не из полиции, меня заинтересовало, когда и как развозят утренние пакеты.

— Я понимаю, — закивала толстуха, — зачем вам бегать по типографиям, когда можно спросить у владелицы предприятия по продаже газет. Зачем бегать по типографиям?

— Вот я, собственно, и хотела бы...

— Ваши люди подходили ко мне десять раз, не меньше, — говорила владелица киоска, не давая собеседнице закончить фразу, — а что я могу сообщить, если в такое раннее время еще сплю? К тому же в другом конце города. Я живу у вокзала. Нет, новая полиция еще не научилась работать, уверяю вас. У вас нет четкой системы, действуете вразброд. Особенно такие молоденькие.

— Я не из полиции, — напомнила девушка, ощутив легкое головокружение.

— Ах да, вы же белая. Я понимаю, отчего вы так представились. Ваша настоящая служба...

— Повторяю, мемсаб, перед вами Джой Маллигэн из «Абреже».

— Дивное имя! — с поистине детской непосредственностью воскликнула весьма почтенная женщина. — У некоторых иностранцев на редкость благозвучные имена! Мой муж знаком с бразильцем... о! Вы из Бразилии? Нет, вы, вероятно, русская! Конечно, ведь тот несчастный был большим другом русских. Как я сразу не сообразила! Теперь ясно, вы врач из нового госпиталя. Газеты много писали о русской женщине-враче. А я-то, глупая, решила, что вы тоже из полиции.

— Послушайте, мемсаб... уф!.. Я родилась в Англии, если для вас это представляет такой интерес.

— Настоящая англичанка? Изумительно! Но почему... ах, понимаю, вы частный сыщик. Ужасно жаль тех бедняжек. Полицейский, слава богу, не был женат, но у молодого инженера, говорят, осталось шестеро ребятшек, несчастные сиротки...

— Ребенок один. Крошечный мальчик. И я, повторяю, не сыщик.

— Вы знали погибшего?

— Да.

— То-то, я смотрю, вы очень страдаете из-за этого несчастья, — с глубоким сочувствием произнесла почтенная женщина. — Он был вашим родственником? Ах, простите, нет, конечно, вы же белая. Так что вас интересует?

— В какое время вам доставляют утренние пакеты из типографии?

— Фургон приезжает под утро, около трех. А что? — И тут же доверительно шепотом: — Никогда не поверю, но ходят толки, будто машина с убийцами выскочила вон из того посольства. Вы понимаете? Раннее утро, город пуст, скорость можно не ограничивать. Вы согласны? Машина с убийцами... ужас. Вы понимаете, какой ужас? Полная машина убийц!

— Заблуждаетесь, никто из советского посольства не выезжал в тот день раньше десяти. Никто из сотрудников. Абсолютно. А вот машина...

— Откуда вам известно? — быстро и с явным подозрением спросила хозяйка киоска. — Вы-то откуда знаете о таких вещах?

— Слышала от коллег. Интересовались. Да и по телевидению передавали.

— Предпочитаю газеты. Но и в них ничего вразумительного. Так что вы хотели сказать про машину русских, леди Маллигэн?

— Ее угнали в ту ночь.

— Боже!.. Кто?

— Это я и хочу узнать. Не одна, разумеется, — полиция, друзья пострадавших, общественность, в конце концов.

— Я все поняла, все поняла, — прошептала толстуха, пугливо озираясь. — В газетах действительно сплошная путаница. Только обещания о возмездии да требование немедленно поймать убийц. Извините, но вы работаете не лучше полиции. Где же хваленая оперативность, где нюх газетчиков?

— Но мы отклонились от главного. Я обещала не задерживать вас, поскольку вам ехать к вокзалу, да и ваш муж...

— Не беспокойтесь, мне очень интересно. И, признаюсь, я еще не замужем. А вы?

— Прошу вас, мемсаб, мне необходимо повидать вашего разносчика.

— Мальчишку? Зачем?

— Видите ли, в тот день, вернее, накануне вечером, один мой друг едва ли не последним покупал здесь газету у вашего помощника. Мальчик уже устраивался на ночлег. В киоске. Сегодня, когда речь снова зашла о происшествии, мой друг вспомнил об этом. Нужно ли объяснять, насколько важно расспросить мальчика...

— Мой служащий не ночует на предприятии, как и я, — уже в который раз прервала девушку толстуха, — лишь изредка я позволяю ему остаться, чтобы не прибегать к первому фургону бог весть откуда, особенно к воскресным выпускам. У меня система четкая, будьте уверены. Так вот. Действительно, в ту ночь он здесь спал. Я подчеркиваю, спал. Запершись и задернув штору. Он мне поклялся, что спал крепко и слышать не слышал ни о чем до самого звонка типографского фургона. Повторяю вам, ему нечего сказать. А раз так, и полиции и репортерам необязательно совать нос в мое предприятие. И незачем бросать на нас тень, мы не какие-нибудь бездомные, чтобы спать здесь.

— Извините мою настойчивость, — мягко сказала Джой, — и все-таки помогите мне с ним встретиться.

Не верится, чтобы он совсем, совсем ничего не слышал или не видел, когда в двух шагах от него разыгралась такая трагедия. Мой друг уверяет, что он явно не из тех мальчишек, которые способны безмятежно спать в киоске на центральной площади.

— Я отпустила его на несколько дней, он нездоров. Ребенок, что поделаешь.

— Где он живет?

— Оставьте ребенка в покое, — уже сердито бросила женщина, даже ногой топнула, всколыхнув свое мощное туловище и не менее мощную пирамиду из жестких волос на макушке. — Он ничего не знает, не слышал, не видел, он крепко спал, пока не приехал фургон. Вот его слова. Все. И не впутывайте дитя в эти ужасы. До свидания, милочка, мне пора, я опоздаю на автобус.

— Что ж... спокойной ночи.

Женщина удалялась. Рассерженная, она пересекала широкую площадь, словно плыла в отблесках неоновой разноцветья, мерцая лоснящимся шелком платья, могучая, как океанский лайнер.

Джой опустилась на скамью в тяжелой задумчивости. Она настолько была погружена в свои мысли, что не заметила, как вернулась хозяйка киоска.

— Старые люди не любят связываться с полицией. Ни с гангстерами, ни с полицией. Ни с кем, кроме бога. Старые люди прожили жизнь, чтобы в конце обрести покой. Они видели в жизни все, что доступно глазам, слышали все, что доступно ушам. Да, да, да, они слишком запуганы прожитым. Что бы ни менялось вокруг, как бы ни менялось — им все нипочем. Вы согласны?

— Нет, — не сразу ответила Джой, удивленная и обрадованная неожиданным возвращением собеседницы. — Нет, не согласна.

От недавней дородной балаболки с глуповатым выражением лица и следа не осталось. Перед Джой стояла уставшая женщина с мудрыми, слегка прищуренными глазами, поникшая под бременем грузного, утратившего вдруг вызывающие очертания, обесформленного годами тела. Она смотрела на девушку со смешанным чувством сострадания и укора, говорила спокойно, медленно и внятно:

— Ваше право не соглашаться. У каждого свои принципы. Мне кажется, вы хорошая, умная и скромная, я вам доверяю. И я хочу вам помочь. Если это

действительно поможет... поинтересуйтесь старым башмачником. Вон его окошко. Видите мансарду? Вот и отлично. Его старуха то и дело заглядывает ко мне перекинуться парой слов после обеда. Ну и пыталась намекнуть на что-то, не иначе связанное с тем, что вас интересует. Только мне это ни к чему, так ей и отрезала. А вы... хотя вряд ли удастся что-нибудь выудить из старика. Тут уже повсюду рыскали сычи, выпытывали у него, конечно. Впустую. Полиция неделикатна, вот что ей вредит. Думаю, и вам не повезет. Вам тем более — белой, хоть вы и друг.

— Очень прошу, мемсаб, если вам что-либо известно...

— Мне ничего не известно, — решительно прервала ее пожилая женщина, — и я ничего не говорила, совсем ничего. Просто тут живет старый, очень старый башмачник, кстати, самый образованный из всех на этой улице. Так вот, дети вроде моего помощника действительно могут себе позволить роскошь сновидений, старцы — нет, они цепляются за видения реальной жизни. Забудьте наш разговор. Простите мне и маленькую комедию. Прощайте.

— Спасибо, — запоздало промолвила Джой, провожая ее взглядом.

Переходя через площадь, толстуха настороженно озиралась, боясь не только помахать Джой на прощание рукой, но и просто оглянуться.

5

Бесшумно ступая по толстой, ворсистой ковровой дорожке, задерживаясь на каждой лестничной площадке перед зеркалом словно для того, чтобы проверить, на месте ли челюсть, потревоженная в баре кулаком вспльчивого бродяги, Хриплый спустился в вестибюль. На ходу бросил усатому портье через плечо: «Порядок», — пнул ногой дверь-вертушку и оказался на тротуаре перед площадью.

Оставленная поливальной машиной лужица быстро испарялась, как капля воды на еще не остывшей сковородке, и вместе с ней исчезало, таяло пронзительно голубое отражение жужжащей вывески «Masai hotel». И вот уже асфальт стал таким же сухим, как пятнадцать минут назад.

Хриплый ослабил галстук, сдвинул шляпу на затылок, заложил большие пальцы рук за пояс так, чтобы получше выглядывала из-за распахнутого пиджака шикарная рубаша, которую он только что получил в подарок от расщедлившейся пожилой дамы, приятельницы Вуда. Новую рубашу тотчас же надел, выбросив старую в мусорную корзину.

Даму он проводил, почтительно следуя чуть сзади, от «Кутубии» до самой двери ее номера в отеле. Теперь же мучительно размышлял, напрягая свой умишко, пытаясь понять, что свело его хозяина с этой надменной залетной аристократкой.

Размышлял он об этом, когда брел по тротуару, словно совершал беззаботный вечерний променада, улавливая мимолетные запахи духов, табачного дыма, мускатных орехов и винного перегара. Уличные попрошайки отскакивали от него, как мячики, получая чувствительные пинки. Визгливые призывы торговцев сладостями тонули в шорохе и рокоте людского потока.

Встречный мужчина в очках и светлом костюме нечаянно задел его плечом. Хриплый раскрыл рот, но ругательства застряли в горле. Лицо мужчины показалось ему знакомым. Обладатель светлого костюма между тем извинился, прикоснувшись к своей шляпе, и, не сбавляя шаг, продолжил путь.

Хриплый приподнялся на носках, стараясь не упустить из виду эту шляпу, уплывавшую в лавине подрагивающих макушек толпы.

В чем ином — возможно, но уж в зрительной памяти Хриплому не откажешь. Он вспомнил фото этого человека в журнале, на который работал Вуд. И он вспомнил его имя — Виктор.

Однажды случился пожар на стройке. Прихватив с собой лакея, Вуд примчался туда, чтобы сделать фоторепортаж. Он фотографировал людей, расчищавших площадку от обуглившихся остатков рухнувших строительных лесов. С особенной старательностью охотился его объектив за исцарапанным, измазанным с ног до головы человеком, не щадившим себя, устраняя аварию. Хозяин Хриплого большой мастак с помощью специальной оптики, хитрого ракурса и прочих съемочных комбинаций превратить даже полную скорби похоронную процессию на своих снимках в сюжетик, вызывающий смех несведущего созерцателя журнала.

Тогда, на стройке, шелкая затвором своего «никон»

са», Вуд то и дело подмигивал Хриплому и приговаривал: «Пусть наши получают свою долю удовольствия от того, как этот русский советник надрывает брюхо ради черномазых».

Огонь погасили и леса восстановили быстро, но, как говорится, «дыму» было много.

Хриплого несколько удивило тогда, что никто не удосужился заинтересоваться слишком своевременным прибытием иностранного журналиста на «клубничку».

Итак, Хриплый узнал в прохожем того самого советского специалиста, которого с полгода назад видел на стройке и о котором сейчас толковали кое-где как о причастном к делу об убийстве на площади.

Последнее обстоятельство и привлекло столь пристальное внимание Хриплого к ничем, в сущности, не примечательной шляпе, уплывавшей в пестрых волнах людского потока.

Поначалу он даже намерился последовать за этой шляпой из чистого любопытства, но передумал, не зная, как отнестся бы к подобному самоволию хозяин. Вуд не раз уже в прошлом жестоко наказывал Хриплого за поступки, казавшиеся тому правильными и полезными для господина.

Хриплый почесал нывшую нижнюю челюсть, болезненное напоминание о «Кутубии», и решительно направился к бару на улице Капуцинов.

А Виктор Иванович в то время уже стоял у внешней лестницы аккуратного, неброского здания, в глубине обрамленного развесистыми деревьями двора.

Единственным украшением двора была большая, разделенная на четыре части двумя скрещивающимися песочными дорожками клумба. По обе стороны дома, подобно крыльям, расходились невысокие кирпичные пристройки, левое крыло завершал гараж.

Было еще одно место для стоянки машин, у ворот. Квадратная асфальтированная площадка под легким пластиковым навесом.

Там и стояла обычно «Волга» торгпредства, которое занимало первый этаж в здании советского посольства.

Однако в ту ночь, когда машину угнали, Виктор Иванович Луковский оставил ее за оградой на улице. Он предполагал, что она понадобится молодому местному нефтянику Банго Амелю, который прибыл издали на оперативное производственное совещание с ним, советником Виктором Луковским.

Прежде чем переступить порог, Луковский взглянул на окна. За некоторыми противомоскитными шторами угадывался приглушенный свет настольных ламп. Лишь в библиотеке ярко сияла люстра.

«Банго и Габи всегда вместе приходили за книгами, если выдавалась возможность почитать, а значит, попрактиковаться в русском, который они знали неплохо», — невольно подумалось ему.

Луковскому очень хотелось сразу же пойти в библиотеку. Там, он знал, была Светлана.

Наверное, она ждала его, по привычке сидя на нижней ступеньке большой стремянки у сгеллажа, и темнел в стаканах чай со льдом на двоих, и витала неизменная песенка «Tee for two» * с ужасным произношением Светланы и чудовищным перевиранием мелодии.

Впрочем, сейчас песенки быть не могло...

В ту ночь, когда, отчаянно дымя, они с Банго колдовали над геологическим планом, сомкнувшись лбами, подобно регбистам, Светлана варила чай для троих. Молча слушала мудреные их разговоры, забравшись в кресло с ногами, точно была не гостьей, а хозяйкой. Она куталась в белый халат, пахнувший лекарствами, брошенный поверх пижамы. От ее присутствия делалось уютно, хорошо. Всегда.

Тогда ему хотелось, чтобы ночь не кончалась, чтобы длилось и длилось присутствие любимой, привносящее ощущение чего-то прекрасного и родного, как семья, которой он так и не успел обзавестись.

Неудача экспедиции пригнала Банго в город. На одну ночь. Но ее не хватило, чтобы сполна оценить и обсудить создавшееся положение в кабинете Луковского.

Банго ушел до рассвета, чтобы к полудню быть уже в лагере, где ждали его Корин, все ребята. И Габи.

Банго Амель категорически запретил Луковскому провожать его, отказался и от машины. Ушел, сказав, что хочет взглянуть на своего малыша, раз уж наведался в город. Ушел в последнюю ночь своей жизни...

Виктор Иванович поднялся на второй этаж. Постучался и вошел в кабинет посла. Через десять минут вышел, спустился вниз, к себе, включил свет, снял трубку телефона и набрал номер.

— Добрый вечер. Мне передали, что вы просили связаться с вами, как только вернусь.

* «Чай для двоих» (англ.).

— С кем имею честь? — спросил голос из трубки.

— Ах да, извините. Представитель советского комитета по экономическим связям Виктор Луковский.

— О, Виктор, добрый вечер! Я вам звонил два часа назад. Хотел переговорить относительно новой комплектации группы бурения. К нам уже поступили кое-какие предложения. Еще, правда, не вполне определенные, но достаточно обнадеживающие. Не могли бы вы приехать в корпорацию к девяти утра?

— Буду в девять.

— Отлично. Спокойной ночи.

6

Девушка стремительно вошла в прокуренный коридор. Несмотря на поздний час, в редакции, как обычно, толкалась уйма народу. Она с трудом отыскала свободную комнату, дважды повернула ключ, торчавший с внутренней стороны двери. Затем извлекла из-под вороха бумаг нужный справочник, полистала его, сняла трубку телефона и, волнуясь, набрала номер.

— Прошу прощения за беспокойство в такое время, но у меня неотложное дело.

— Слушаю вас, — отозвался из трубки деловитый бас.

— Дело касается недавнего убийства.

— Какого именно?

Вопрос невидимого собеседника показался девушке в высшей степени нелепым, и она растерялась, умолкла недоуменно.

— Говорите же, — потребовал бас. — Какого убийства? Говорите!

— Убийства инженера и полицейского на центральной площади.

— Кто говорит?

— Я... сотрудница «Абреже».

— Кто, я спрашиваю? Смелей.

— Если настаиваете, Джой Маллигэн, отдел хроники и объявлений.

— Откуда звоните? — спросил бас после короткой паузы.

— Из редакции. Мм... комната семь.

— Повесьте трубку и не отходите от аппарата, Джой Маллигэн.

— Но... почему? Мне необходимо сообщить инспектору...

— Сделайте, как я прошу.

Девушка обескураженно пожала плечами и послушно повесила трубку. Спустя две-три минуты ее телефон зазвонил.

— Да, — сказала она, схватив трубку.

— Все в порядке. Прошу извинить. — Бас звучал мягче. — Так что у вас, Джой Маллигэн?

— Случайно, почти случайно я узнала об одном обстоятельстве, которое, на мой взгляд, может пригодиться следствию. Могу я узнать, с кем сейчас говорю?

Пауза.

— Вас понял, — сказал бас негромко. — Позвоните-ка лучше в управление четвертой зоны, не теряйте времени. Это дело в их ведении. Не пишите, запомните. — И он дважды назвал номер. — У меня же к вам настоятельная просьба, Джой Маллигэн. Вас, вероятно, захочет увидеть окружной комиссар. Я доложу и оставлю пропуск, а вы потрудитесь зайти к нам завтра во второй половине дня. Сможете?

— Да.

— Вы одна в комнате, из которой звоните?

— Да.

— В четвертую зону постарайтесь также звонить без свидетелей.

— Хорошо, так и сделаю.

— И еще. На всякий случай. Не хотелось бы, чтобы у вас были друг или подруга, от которых вы ничего не скрываете. Вы понимаете?

— Да. Не беспокойтесь.

7

Вуд втолковывал заметно охмелевшему Нику Матье:

— И тогда они пригласили русских, а те нашли серу на оползнях в южных землях Брайка-младшего...

— В бывших землях бывшего Брайка, — поправил Ник, — будем реалистами.

— ...и заявили о вероятных ловушках нефти на юго-западе, — не прерываясь, продолжал Вуд. — Новые власти спешно отрядили в Россию стажеров, и они вернулись с оборудованием, чтобы расковырять участок

Брайка. С ними двое русских. Всего двое. Хм, играющие тренеры.

— Слышал. Этих я не видел в деле, но поручусь, красные — хорошие спецы.

— Возможно. Но я слышал, что в свое время ты любому нефтянику давал сто очков вперед.

— Рановато хороните, мое время еще не кончилось, — буркнул Ник.

— Тебя никто не хоронит, сынок, в том-то и дело. — Вуд наклонился к Нику со сдержанной ухмылкой. — А вот с тем черным парнем, единственным местным буровым мастером, дело другое. Газеты писали, скоро постыжно вознесся к богу.

— Ну и что?

— А то, что остался всего один бурильщик, русский.

— Вы говорили, русских двое.

— Второй не в счет, он дизелист. — Вуд откинулся на спинку стула. — Их дело гиблое: русскому мастеру срочно нужен дублер. Срочно. На пульте буровой установки такого масштаба, как у них, необходимы два сменных бурильщика, верно?

— Ваша осведомленность меня подкупает, — не без иронии заметил Матье, подливая в свой стакан.

— Ничего удивительного, я журналист.

Ник с мгновенно возросшим интересом посмотрел на собеседника и, отведя глаза, внезапно разразился смехом, от которого у Вуда на лице выступили красные пятна.

— Что это тебя так рассмешило, я могу узнать?

— Можете. Очень, знаете ли, понравилось, что вы журналист. А почему не пиротехник, например, или эстрадный чечеточник? Булочник или парикмахер тоже звучит неплохо, но я бы на вашем месте назвался лучше фельдмаршалом.

— Я журналист, — повторил Вуд.

Ник Матье с ухмылкой посмотрел на пальцы его правой руки, сказал:

— В принципе мне наплевать, но пальчики у вас явно без мозолей.

— Естественно, предпочитаю машинку или диктофон. Карандаш и паста — оружие устаревшее, сынок, годится больше для школьников и начинающих репортеров. Если бы ты читал прессу и слушал радио, ты знал бы, что я кое-чего стою, и отнесся бы ко мне с большим

почтением. — Несомненно, профессиональное самслюбие Вуда было задето саркастическим смехом бредяги, с которым тайные обстоятельства вынуждают иметь дело. — Ты, надеюсь, понимаешь, какую прессу и радио я имею в виду?

— Еще бы! Большую и жутко свободную, верно?

— Верно. Именно большую и свободную. Напрасно скалишь зубы, сынок, перед тобой не пешка в журналистике. И планету посуху обвинил столько раз, сколько астронавту в космосе не снилось. Мои статьи и фото не раз кормили даже таких гигантов, как «Тайм» или «Лук», не говоря уже о прочих бумажках на многих континентах. А радио вроде «Антильяс» на Монтсеррате и сегодня подошло бы без меня. Без нас, — вдруг распахавшись от выпитого, расхвастался Вуд.

— На что вы намекаете? — хмельно рявкнул Матте. — Хотите сказать, что я тоже подох бы без вашей жратвы и пойла?

— Нет, этого я не сказал. Ты оказал мне честь, согласившись выпить и поесть со мной сегодня.

— Мерси. Но хватит задираить нос, остановитесь, выключите микрофон, я уже поверил, что вы король всей прессы и эфира. Снимаю шляпу. Хотя, не скрою, мне эти сказки больше по душе, чем треп о нефти. Будь она проклята! Уж я-то знаю, скольких ребят она покалечила, похуже, чем в рассказах про золотую лихорадку на старом Клондайке. А всей грызней заправляют консорциумы, это я испытал на собственной шкуре. Вот это уже не смешно, как вспомню.

— А мне смешно от мысли, что Советы посылают сюда ценных парней. Нефти у них сколько угодно, известно, работы и у себя по горло, так какого же дьявола лезть из-за каких-то крох...

— Они не для себя, — Ник махнул рукой, — такая у них политика — поднимать на ноги всяких цветных и недоразвитых. Вы же знаете красных.

— Здесь у них ничего не получится.

Ник с сомнением покачал головой.

— Русские упрямые ребята, вот что я скажу.

— Но что может сделать один бурильщик без дублера, то есть твоей милости! Другого им на месте не найти. А игра раскручена. Тут, сынок, не только нефть, если пораскинуть мозгами.

— Уже пораскинул. Насчет себя, конечно. Кто-то

ухлопал черного мастера, и вы решили толкнуть меня на место покойника, так?

— Да. Есть люди, заинтересованные в этом. Я лишь посредник.

— Что-то не нравится мне, когда ни с того ни с сего выскакивают таинственные благодетели. — Ник вперился в Вуда настороженным взглядом. — К тому же я слышал, там уже пробурили скважину, и она ничего не дала.

— Вот именно. — Вуд вновь наклонился к Нику и отчеканил каждое слово: — Ты прав, они твердые ребята. Наши эксперты не сомневаются, что они нащупают пласт. А стоит туземцам получить такой подарок — мы расстанемся с последней надеждой. Нефть, шутка ли?

— Давайте поближе к делу и ко мне.

— Нужно, чтобы и вторая скважина провалилась.

— Пустой номер. — Ник встал. — Зря я уши развесил.

Вуд мягко водворил его на место.

— Шесть тысяч.

— Хоть все банки Европы и Штатов, — сказал Ник. — Я устал от шума еще лет десять назад.

— О пальбе и взрыве нет и речи, сынок. Кой-какие незаметные шалости, только и всего. Семь тысяч не валяются.

Матье задумался, тихонько присвистывая сквозь зубы. Потом сказал:

— Вы что-то говорили о десяти.

— Ты ослышался, не больше восьми.

Вошел Хриплый. Приблизившись к столику и злобно косясь на Ника Матье, он обратился к Вуду:

— Хозяин, неловко мешать вам, но мне поручили узнать, который час.

— Хорошо, я помню, — отмахнулся Вуд.

Хриплый сел за свой столик и уставился в окно, как в телевизор.

— Предположим, удастся затянуть бурение, — сказал Ник, — что это даст?

— То уже не наша с тобой забота.

— Я любознательный. Просто ужас до чего любознательный.

— Предполагаю, что, если разведка застопорится, смышленные люди сумеют внушить кому следует, что красные бессильны, и опять предложат свои услуги. — Вуд сжал пальцами горло бутылки. — Продумано до

тонкости. Во всяком случае, неосторожность голодранца, угодившего под машину, предоставила такую возможность.

— Мы все голодранцы, — жестко заметил Ник.

— Конечно, жалко его. Очень грустно. Только нам нельзя упускать такой шанс. Мы должны поддерживать своих ребят. Вроде тебя. Короче, считай, что у тебя уже... восемь футов под килем!

— Как попаду в экспедицию?

— Не довольно ли тебе шотландской водички? Не нравятся мне твои глаза.

— Как я попаду в экспедицию?

— У тебя сохранились старые рекомендации?

— Не имею понятия, что это такое, — фыркнул Матье.

— Ладно. Есть человек, который, пожалуй, устроит и бумаги.

— Черт... — Ник шарил в карманах, — табак кончился.

Вуд угостил его сигарой, принялся неловко чиркать картонными спичками, ломая их, и, вероятно, непослушные спички довели бы журналиста до бешенства, если бы Ник не пришел на помощь.

— Куда-то девалась моя зажигалка, — огорченно сказал Вуд. — На прошлой неделе брал интервью у одного дипломата, оставили обедать, развлекся немного, там, должно, и потерял. Я за нее выложил двадцать долларов в Гонконге. А может, и мой слуга украл, да не признается.

Ник не слушал пустую его болтовню, наслаждаясь сигарой.

— Сладко, — блаженно произнес Ник, — давно сигар не надкусывал.

— Так что скажешь?

— Насчет экспедиции? Что-нибудь скажу.

— Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх того, то от лукавого, как поучал Христос, — натянута рассмеялся Вуд.

— Я все думаю про того беднягу... — молвил Ник, — и не скажу, чтобы очень нравилось...

— Впервые слышу, чтобы кому-то не нравились восемь тысяч и билет до веселого порта, где можно с полным брюхом сидеть на террасе уютного домика, обнимать девочку и любоваться морем, в которое уплывает наемный легион самоубийц.

— Опять? — вспыхнул Ник Матье.

— Извини, сынок, очень уж запали в голову бывшие приключения капрала из второго батальона в Эль-Маццоне. Недавно о них прослышал. По большому секрету.

— Номер в «Массауа», вы сказали?

— У тебя хорошая память. — Вуд вручил Нику несколько банкнот, взял расписку. — Капля за благо-разумие. Море надо заработать. Сделай себя элеган-ным и валяйся в пансионе до завтрашнего полудня.

— У меня деликатный вопрос, — сказал Ник, — вы кого-нибудь любите всерьез?

Вуд интуитивно почувствовал, что это не шутка, и ответил:

— Женщину, которая меня родила. А что?

— Поклянитесь ею, что не приложили руку к гибели того мастера.

— А... понимаю. Клянусь. Послушай, не бери в го-лову таких мыслей обо мне. Прямо мороз по коже... По-хож я на убийцу?

— Пожалуй, нет, — не сразу сказал Ник, — что угодно, но это, пожалуй, нет.

Ник встал и ушел, покачиваясь как прут на ветру.

Хриплый тотчас же шагнул к Вуду со словами:

— Хозяин, мне полагается пара монет за испорчен-ный зуб.

— Твою рожу трудно испортить. Молись, что выжил. Говорят, этот строптивый малый двумя ударами на пол-года уложил в госпиталь задиру Янсена, брата Магды-Луизы, когда тот имел неосторожность зацепить его. — Вуд обернулся к бармену: — Эй, мы уходим! Вклю-чай свою шарманку, пусть ребята прибегут и пове-селятся!

Папаша Гикуйю поскреб курчавую голову, одернул жилет и робко, боком, волоча ноги, точно на них были свинцовые водолазные калоши, приблизился к журна-листу, откашлялся, заинтересовавшись трещиной на сте-не, и молвил:

— Давно собираюсь просить вас, бвана... в былые времена вы проявили милосердие... всю жизнь с бла-годарностью...

— Не напрягайся, короче.

— Я боюсь.

— Чего? Пожара в твоём гнездышке?

— Меня не касается, о чем толкуют клиенты, но... если говорить о погоде, атмосферное давление измени-

лось, и я не хотел бы рисковать. — Губы бармена растянулись в жалкой улыбке.

— Хозяин, он меня раздражает, — подал голос Хрипый, выразительно похлопывая по карману своего пиджака.

— У него вспыльчивый характер, — кивнув на Хриплого, сказал Вуд бармену, — а у меня... ты у меня вот тут, — показал кулак, — со всеми своими потрохами и трогательными воспоминаниями.

— Да, хозяин, — тихо произнес Гикуйю, — виноват.

8

Громкий, стрекочущий звук пулеметной очереди внезапно раздался совсем близко. Начальник четвертого зонального управления уголовной полиции капитан Даги Нгоро вздрогнул, вскочил и тут же плюхнулся обратно в кресло.

— Что с вами? — рассмеялся комиссар, в кабинете которого они находились. — Проклятый пневмомолоток. Всякий раз, когда рабочие открывают пальбу по асфальту, я тоже ловлюсь на их удочку.

— Не могли проложить свой дурацкий кабель где-нибудь в стороне, — смущенно проворчал капитан, — разворотили всю улицу.

— Скоро закончат. — Комиссар снял куртку, вытер влажную шею платком, подошел к окну. — Весело работают, черти. Работы теперь хватает.

Он смотрел в окно, задумчиво покачиваясь с каблучков на носки.

Окружной комиссар выглядел старше капитана, хотя обоим было не больше сорока, оттого что очень сутулился и имел привычку как-то по-стариковски складывать руки на животе.

Вид за окном открывался, мягко говоря, не слишком привлекательный. Облезлые стены домов, тесный дворик, обозначенный зарослями мимозы. Крохотный гараж не имел кровли, и оба его бокса просматривались сверху.

Улица, на которой велись ремонтные работы, была скрыта низкими постройками, однако плоские кроны высоких зонтичных акаций, тянувшихся по ее обочинам, указывали путь в город. Небо млело под палящим солнцем.

— Как вам работается у нас, капитан? Успели освоиться за эти три месяца?

— Без малого четыре, — мягко поправил Даги Нгоро. — Все хорошо. Очень хорошо... Благодарю. Разве только...

— Старина Ойбор? Это вы хотели сказать? — Комиссар с улыбкой вернулся в свое плетеное кресло. — Что вы имеете против него?

— Иногда я не могу понять, кто из нас возглавляет управление, этот сержант или ваш покорный слуга, заслуженный офицер.

— Не будем мерить с ним наши заслуги, — сказал комиссар, — но глава четвертой зоны, неоспоримо, вы. К нему же просто следует привыкнуть. Не думаю, чтобы он дерзил или не повиновался.

— Я этого не утверждаю, — сказал Нгоро, — но не раз замечал, как обращаются к нему, минуя меня. Это непорядок.

— Естественная тяга молодых к опыту. Вам я тоже советую не пренебрегать таким богатством под рукой.

— Безусловно, — кивнул Даги Нгоро, — только, на мой взгляд, излишняя самостоятельность сержанта — плохой пример моим подчиненным. Я имею в виду здоровое чинопочитание.

— Конечно, капитан. Но, повторяю, Киматаре Ойбор, насколько нам известно, учит молодых и этому. Так что же у вас с ним произошло?

— С ним? Прекрасные отношения. Но если быть откровенным, мне не совсем понятно, почему такое важное дело поручено не офицеру, как положено, а сержанту. Да еще и через голову начальника управления. Вернее, вопреки его просьбе. Я уж не говорю о том, что обычно подобными делами занимается полиция безопасности, а не мы.

— Хорошо, отвечу по порядку, — сказал комиссар твердо, не меняя, однако, радушно-доброжелательного выражения лица. — Во-первых, не следует вам определять компетенцию полиции безопасности или уголовной. Еще слишком мало служите у нас. Во-вторых, никто не отдавал распоряжений через вашу голову, просто вас не было на месте, верно?

— Да, — поспешно сказал Нгоро, — я отсутствовал два дня по служебной необходимости. Ездил в Блутовн по делу контрабанды. Это отражено в моем рапорте.

— В-третьих, — продолжал комиссар, — Ойбор

Взялся за расследование, пусть ведет, и вы окажете ему неограниченную поддержку. Что же до чинов, скажу вам: Киматаре Ойбор стоит многих офицеров, и он давно получил бы подобающий ему шлем, если бы согласно закону прошел соответствующий курс в спецшколе или удостоился бы звания в армии, как вы. Но старик упрям, не желает в свои годы познавать по бумаге то, чему его научили шрамы от всех видов огнестрельного и холодного оружия.

— Все это не вызывает одобрения сотрудников.

— Вы хотите сказать, что в четвертом управлении существуют какие-то трения между сотрудниками?

— Никак нет, просто наш ветеран своим примером не способствует воспитанию в молодежи естественного стремления продвинуться по службе. Глядя на обладателя трех золотых лент, не пожелавшего в свое время учиться на курсах, молодые могут возомнить, что учеба и совершенствование профессионального мастерства в полиции не обязательны. Я убежден, что обучение новобранцев сейчас важнее всего.

— Ваше убеждение похвально, — серьезно отметил комиссар, — но относительно старины Киматаре Ойбора, думаю, ошибаетесь. Передавать свой опыт новичкам — его страсть. Жаль только, что предпочитает натаскивать всего одного-двух по выбору. Правда, как правило, распутав с этими какое-нибудь головоломное дело, к следующему расследованию приобретает новых учеников, и это хорошо. — Комиссар усмехнулся. — А сам действительно упрямо полагается только на себя даже в постижении тех истин, которые известны коллегам. Возможно, я слегка утрирую, но суть его упрямства такова.

— Необъяснимое упрямство, — сказал Даги Нгоро.

— Объяснимое. Старики — это дети. Это самые капризные дети, капитан.

Зазвонил телефон. Комиссар поднял трубку.

— Слушаю, — сказал он, раздосадованный, что прервали его беседу с капитаном, — что, что? Некогда ждать, пока вы прожуете! Кто? — И вдруг смутился: — Простите великодушно, что-то с аппаратом... — Свободной рукой он подхватил висевшую на спинке кресла форменную куртку и набросил ее на плечи. — Да, да, слушаю. Именно так, гражданин министр. Делаем все возможное. Разрешите доложить через... в конце дня. Благодарю. Вам тоже почтительно желаю успехов. —

Положив трубку, повернулся к Нгоро: — Вы слышали?
— Нет.

Комиссар подошел к Даги Нгоро, тот встал по стойке «смирно».

— Настоятельно просит форсировать следствие по делу инженера и нашего парня из отряда охраны дипкорпуса. А что я могу доложить правительству утешительного?

— Сегодня же снова приму меры, гражданин окружной комиссар.

— А вчера?

— Уверяю вас, делаем все возможное. Постараемся сделать и невозможное. Прослежу лично.

Комиссар нахмурился. Снял куртку и вновь повесил ее на спинку кресла, промакнул лицо и шею платком.

— Потрудись объяснить, капитан, почему следователь не поставлен в известность о телефонном сообщении сотрудницы «Абреже»?

— Я не успел, — ответил Нгоро, — как раз сегодня я вызвал его к двенадцати, чтобы ознакомить с донесением.

Комиссар взглянул на часы, затем строго на капитана, бросил:

— Вас больше не задерживаю.

Без четверти двенадцать Нгоро был уже в своем управлении. Приказал разыскать Киматаре Ойбора.

Последний не получал никакого указания капитана относительно доклада на двенадцать и находился в отряде охраны дипкорпуса, в котором служил погибший полицейский, так что вестовому пришлось изрядно потрудиться, прежде чем он обнаружил сержанта.

— Есть что-нибудь? — спросил Нгоро, едва Ойбор явился в его кабинет. — Только не рассказывайте мне о заключениях экспертизы, я хочу знать, есть ли новости у вас.

— Пока ничего нового. Я немедленно доложу, как только выясню кое-что.

— Что именно?

— Картина происшествия уже вырисовывается, но еще много загадок.

— Например?

— Например, немаловажный интерес вызывает тот факт, что постовой, судя по всему, добровольно подпустил к себе убийцу и даже вошел с ним в служебную будку. Он его знал. Доверился или подчинился. А ведь

это далеко не просто даже сослуживцам — войти в будку. Любой полицейский из охраны дипкорпуса — столп дисциплины.

— Да, это странно, — согласился Нгоро. — Но меня удивляет, что вы уклоняетесь от главного. На месте происшествия должна быть какая-нибудь весома улика. Какая-нибудь вещичка, которую вы упустили при осмотре площади. Это предчувствие меня не оставляет, просто не дает покоя. Думаю, не помешало бы еще раз как следует допросить каждого, кто входил в оперативную группу.

Киматаре Ойбор выслушал эти слова капитана так, как слушают лепет внуков.

Нгоро, вероятно, и сам почувствовал цену своего рассуждения, он усмехнулся и произнес, как бы оправдываясь:

— Меня вызывал комиссар. Президент придает инциденту на площади важное значение, министр тормозит комиссара, комиссар — меня, а я, естественно, вас. Враги уже пытаются придать этому несчастному случаю политическую окраску. Очень серьезно, мой друг, очень. Так что советую вам не тянуть.

— Понимаю важность своего задания, — сказал Ойбор, — но и не могу поддаваться поспешным выводам.

— Я вас не гоню. Лишь поторапливаю. Может быть, нужны еще помощники? Мне кажется, вы избрали слишком неопытных.

— Я на них полагаюсь полностью, — сказал сержант, — с вашего позволения.

— Ну, хорошо, хорошо, действуйте, как считаете нужным, только действуйте. Кстати, поступило сообщение, будто бы какой-то башмачник, если на него нажать, может добавить ясности в следствие. Площадь Освобождения, номер сорок два.

— Кто сообщил?

— Какая-то девочка из «Абреже». Надо проверить. Но особое внимание, мне думается, следует уделить тому русскому, замешанному в деле. Луков-ский.

— Осмелюсь заметить, замешана его машина, не он.

— Конечно, конечно, — сказал Нгоро, — но я, как и вы, не люблю делать поспешные выводы. Все слишком туманно.

— Что-нибудь конкретно она сообщила?

— Кто?

— Упомянутая вами сотрудница газеты.

— Конкретного ничего, в том-то и дело, — сказал Нгоро. — Мне кажется, что с ней самой следует хорошенько разобраться. Как бы не оказалось, что она подставное лицо тех, кто хотел бы увести расследование в сторону. В нашей службе нужно быть осмотрительными, ничего нельзя исключать.

— У вас есть основание сомневаться в искреннем желании журналистки помочь нам?

— Пока нет. Сержант, не вам напоминать, что среди добровольных охотников посодействовать полиции, среди самозванных осведомителей не так уж много попадается искренних и бескорыстных граждан. Бывают, знаете, любители и хитрецы, которые так и норовят из каких-либо личных соображений, мести, например, или просто неприязни подставить ни к чему не причастного человека в поле зрения полиции и тем самым доставить ему беспокойство.

— Так точно, гражданин капитан, подобные случаи встречались и в моей практике. Однако, простите, это вовсе не означает, что ко всякому добровольному проявлению со стороны населения нужно относиться с предубеждением, а уж тем более игнорировать информацию, имеющую хоть какое-то отношение к нашей работе. Как вы сами очень справедливо только что заметили, ничего нельзя исключать.

— Разумеется, разумеется, дорогой мой. Не сомневаюсь, как и более высокое ваше начальство, что вы знаете совершенно точно и безошибочно, как нужно поступать в подобных случаях.

— Благодарю вас, гражданин капитан.

— Это я вас благодарю за вдумчивое отношение к службе, за похвальное достоинство, с которым вы держитесь в разговоре с офицером, своим непосредственным начальником.

— Я немедленно отправлюсь к башмачнику. Разрешите идти?

— Нет. Его допросите завтра. А сейчас вы нужны в управлении.

— Но позвольте, в интересах...

— К нему завтра! Сегодня вы мне нужны. Семьдесят третий, приказываю вам сегодня выехать на полигон для проведения занятий с группой «А».

— Слушаюсь.

Пассажирский самолет авиакомпании «Тюрк хава йоллари» прибыл из Африки в Анкару точно по расписанию, в одиннадцать ноль восемь по местному времени.

Стюардесса, прелестная, как все бортпроводницы мира, осветила салон обворожительной улыбкой и объявила:

— Дамы и господа! Пассажирам, следующим до Стамбула, предлагаем тоже покинуть самолет на двадцать минут, всем без исключения, оставив на сиденьях ручную кладь. В зале ожидания аэровокзала вас ожидает короткий, по, надеемся, приятный отдых.

Подчинившись, пассажиры потянулись вереницей от трапа к небольшому и приземистому аэровокзалу турецкой столицы.

Каждого тщательно обыскали аскеры* в форме армейской службы безопасности. Никто не роптал, зная, что во многих провинциях страны и в самой столице объявлено чрезвычайное положение в связи с разгулом терроризма.

Утомленные полетом люди разбрелись по отведенному для транзитников крошечному залу, рассматривая этикетки бутылок на полках крохотного бара, рекламные проспекты, плакаты на стенах, вертушки с открытками и всевозможные поделки а-ля Восток, предлагавшиеся в качестве сувениров расторопными смуглолицыми продавцами.

Один из пассажиров, худощавый, чуть прихрамывающий мужчина средних лет, обратившись к первому попавшемуся служителю, с большим трудом растолковал тому с помощью мимики и жестов, что желает видеть кого-нибудь из начальства.

— Говорите ли вы по-английски? — спросил пассажир у чиновника, к которому его привели.

— Да, сэр, — последовал ответ, — объясниться сможем, если вы будете говорить медленно. Слушаю вас.

— Я дипломат, направляюсь в Стамбул, откуда без задержки намерен вылететь дальше, в Европу. времени, как видите, мало, а мне хотелось бы повидаться с родственником, он сейчас в Измире, можно сказать, постоянный и желанный гость Турецкой республики. Рассчитываю на ваши служебные возможности, кото-

---

* Аскер — солдат (тур.).

рые, несомненно, позволят связаться с Измиром мгновенно. В этом случае мой родственник успеет прилететь в Стамбул и мы встретимся между моими рейсами. Вы меня поняли? Я говорил достаточно медленно?

У немолодого уже турка были удивительные глаза, они смеялись, хотя весь остальной его облик был воплощением чрезвычайной серьезности и внимания. Он сказал:

— С удовольствием помог бы вам, эфенди, но боюсь, что дозвониться не успеем, сейчас объявят посадку. И не уверен, что вашему родственнику удастся сразу же вылететь из Измира. Но, если хотите, могу поинтересоваться расписанием всех внутренних рейсов.

— Благодарю, не нужно. Мой родственник вылетит частным самолетом. Он состоятельный человек, подданный Соединенных Штатов.

— Очень рад, сэр, но, право, не знаю, эфенди, как помочь, аллах свидетель.

— Может быть, воспользоваться телеграфом? — раздраженно спросил пассажир, поглядывая на часы.

— Вон там, в конце зала, рассыльный, — сказал чиновник, — за сотню лир или доллар он мигом все устроит, эфенди. Только напишите ему крупными буквами, сэр, поразборчивей.

Пассажир не замедлил поступить именно так.

Текст телеграммы гласил:

«Элу Броуди, отель «Этап», 107, Измир. Срочно.

Дорогой дядя! На пути домой представилась возможность свидания. Есть новости бизнеса. Спешу на Остров. В Стамбуле останавлиюсь на день, не больше. Поторопись. Отель «Бале» или «Пинар». Нежный привет Карине и малышам. Твой Слим Нордтон».

Через полчаса после взлета самолет приземлился в Стамбуле. А еще через сорок минут Слим Нордтон расплатился с шофером такси в Галатасарае у входа в девятиэтажный треугольник не слишком фешенебельного отеля «Бале», из его верхних окон открывался вид на лабиринты старых кварталов, вскарабкавшихся на холмы, и на залив Золотой Рог, дважды пересеченный древними мостами и ошетилившийся мачтами стоявших на приколе рыбацких шаланд.

Приняв душ, Слим Нордтон позвонил портье и попросил заказать ему билет до Лондона на утренний рейс во вторник, затем спустился вниз и пообедал.

Снова поднялся на свой этаж. Выйдя из лифта, еще

в коридоре он услышал, как трезвонил телефон в его номере.

— Нордтон слушает.

— Хэлло, дружище! Это Хабахаттин Бозок. Не узнал?

— Узнал. Откуда ты взялся? Я жду Броуди, мой мальчик, не тебя.

— Не повезло тебе, дружище, Эл нездоров. Он поручил мне обнять тебя и выслушать новости. Ну как в Африке?

— В Африке жарко, — отрезал Нордтон, — вспомни школьный учебник.

Эта реплика явно позабавила Бозока, он так рассмеялся, что Слимму пришлось на несколько мгновений оторвать трубку от уха.

— Ты всегда мне нравился, дружище! — воскликнул Бозок. — В остроумии с тобой лучше не тягаться! Вот и Эл сказал мне то же самое про тебя! Ему безумно понравилось, что ты назвал его дядей в телеграмме!

— А что с ним?

— Пустяки, не беспокойся, обычная мигрень, ты же знаешь его манеру путать день с ночью.

— Это он сообщил тебе, где меня найти?

— Да. Только что позвонил мне в контору, а я сразу тебе.

— Мог бы позвонить мне самому, — буркнул Нордтон, — значит, не пожелал меня видеть. Почему?

— Не будь мнительным, дружище. Мигрень — скверная штука. Если не ошибаюсь, кажется, из-за мигрени Наполеон проиграл битву при Ватерлоо.

— Чушь. Просто он не учел, как некоторые с мигренью сегодня, что моя нация ему не по зубам.

— Нет, ты определенно вызываешь у меня восторг!

— Ладно, Хаби, я не против поговорить с тобой, — сказал Нордтон, — приезжай, если хочешь.

— Лучше в кафе, идет? «Бебек» на набережной тебя устроит?

— Сойдет. Буду в половине четвертого.

Слим Нордтон переоделся в костюм попроще, вероятно, оттого, что не хотел дразнить вызывающе шикарным видом огромное число неимущих и легкоранимых гордецов в толпе трудяг, заполняющих в эти часы улицы и переулки почти непостижимо своеобразного Вечного города на меже Европы и Азии.

Без особого душевного подъема отправился он на встречу с человеком, которого считал далеко не самым достойным для общения.

День выдался безветренный, ослепительно яркий. Господствующие над городом минареты Сулеймании и Айя-Софии вонзались в безоблачное белесо-голубое небо, слегка подкрашенное блеклыми дымами.

Прихрамывая, опираясь на трость, Слим Нордтон шел, уверенно определяя дорогу, ведущую от проспекта Независимости вниз, к набережной знаменитого пролива, соединившего воды Черного и Мраморного морей. Оба моря при желании можно увидеть одновременно с крыши любого небоскреба на горе.

Шел и усмехался, глядя на громаду моста через Босфор. Он усмехался от приятной мысли о том, что его старший брат имел некоторое отношение к группе британских проектировщиков и строителей этого грандиозного сооружения, чувствительно потрепавшего и без того худой турецкий карман, зато накрепко связавшего европейскую и азиатскую части материка.

Автомобилей на улицах и площадях было много, однако они больше простаивали у обочин, нежели ездили, так что пешеходу было вольготно, он, пешеход, относительно безбоязненно пересекал городские магистрали во всех направлениях, в отличие от автовладельцев не проклиная острый бензиновый голод.

Он усмехался также от мысли, что здесь канистра бензина обходилась сумевшему ее заполучить значительно дороже, чем его заокеанскому или прочему «равноправному брату» по НАТО и «Общему рынку».

Слим Нордтон усмехался не с иронией, порожденной сочувствием к водимому за нос западными «друзьями» турку, вовсе нет, ибо он презирал всех и вся. Он усмехался потому, что воочию убеждался снова и снова, какие огромные барыши сулила даже в одной только этой стране спекуляция горючим, если его иметь в соответствующем количестве.

«Нефть, нефть, нефть, — колотилось в его голове, — всюду она кричит о себе. Я выбрал стоящее дело, не зря ввязался в драку за доступ к ней, если уж не на Ближнем Востоке, то хотя бы в глубинках Черного континента, пока туземцы с помощью красных сами не прибрали ее к рукам. За нефть я готов рисковать и водиться даже с плебеями вроде Бозока, этого тупого

фашиста из «коммандос» ПНД *, подонками вроде Рыка, который чуть не завалил меня и дело из-за своей кровожадности, или с выскочками вроде Эла Броуди, этого великого финансового воротилы фруктово-овощного пошиба, который всегда выйдет сухим из воды и глазом не моргнет, если нас переловят и вздернут. Сволочи, вы еще узнаете Слима!»

Он немного опоздал. На столике перед Хабахаттином Бозоком стояли уже три пустые рюмки.

— Что будем пить?

— Я вижу, ты управился с тремя дозами коньяка, — сказал Нордтон, присаживаясь, — но я пригубил бы раки. Из уважения к твоей нации.

— Еще раз выражаю тебе свое восхищение! Мустафа, раки и воду!

— Я слушаю, — сказал Нордтон, едва официант, мигом исполнив заказ, отпрянул от них с почтительным поклоном.

— Это я тебя слушаю, — мягко поправил Бозок, — так что там в нашей, то есть вашей, экзотической стране? Только, пожалуйста, не надо про жару и носорогов, это уже слышал.

— Что именно тебя интересует?

— Меня интересует то же, что и нашего друга, который так несудачно развлекся прошлой ночью, заработав мигрень.

— Мне нужны деньги.

— Всем нужны деньги.

— Но я их заработал, — резко сказал Нордтон, — деньги не мигрень.

— Это не обязательно слышать соседям. Лучше доверительно признайся мне одному, разве тебя не поощрили на месте?

— Шеф был в отъезде, а мне пришлось уносить ноги немедленно. Еле попал на самолет. А мог и не вырваться вообще.

— Летел через Триполи? Рискованно.

— Нет, через Нджамену, Каир и Анкару. Обошлось.

— А что мне передать Элу?

— Сам передам, что надо нашему дорогому спецу по фруктам.

— Он поручил мне, — напомнил Бозок. — Уже без

---

* Партия националистического движения в Турции (неофашистского толка).

четверти четыре, а у меня на пять заказан разговор с Измиром, чтобы передать ему что-нибудь от тебя и тебе от него. Не тяни, дружище, а то обижусь и не поведу тебя вечером в «Луна-парк» развлекаться с ласковой компанией и насладиться пением Айжды и Кочиит-ханым. За мой счет, разумеется, ты дорогой гость.

— Хорошо, — бросил Слим Нордтон с натянутой улыбкой. — В экспедиции, похоже, будет наш человек. Этим занимаются.

— Купили все-таки?

— Нет, с подкупом намеченного вышла осечка. Пришлось прибегнуть ко второму варианту.

— Кто?

— Только не я, — сказал Нордтон. — Мне приказано было лишь предложить ему чек. Он ответил слишком бурно, даже полез на меня с кулаками. Я не сдержался, вернее, защищался и... короче, Рык его прикончил. А заодно и фараона, прибежавшего на шум. Рык позаботился и, уверен, позаботится впредь, чтобы ищейки остались с носом. С его возможностями это не так уж трудно, я думаю. Теперь надо заполнить вакансию в экспедиции, я уже говорил, этим занимаются сообразительные люди.

— Рык? А-а-а, тот нигер, которого охмурила твоя Магда-Луиза.

— Да, он, Черный Рык, хитрый и жестокий парень. Далеко пойдет. Я бы не хотел оказаться среди его врагов. Хладнокровный дьявол. У меня не поднялась бы рука ухлопать и одного, а он двоих в считанные секунды, я и опомниться не успел.

— Понимаю, — кивнул Бозок, — я тоже не смог бы убить человека. Но на войне об этом не думают. Мы ведь воюем с ними, защищаем свободный мир, защищаем свой бизнес. Повторяю, я бы не смог тоже, но кто-то должен это делать, очищать нас от красных, нас и наши идеи.

— У тебя это отлично получается, — сказал Слим, — насчет слов.

Помолчали немного, затем, покачивая головой, Бозок произнес:

— Мне кажется, дружище, вы провернули дело не слишком удачно. Второй вариант не предусматривал шума. Если не деньги, то несчастный случай, катастрофа или что-нибудь в этом роде. Умно и бесследно. А вы с нигером, судя по твоим словам, увлеклись хлопками,

все получилось скверно, чревато неприятными осложнениями, не сомневаюсь. Легко сказать: ухлопали спеца и фараона впридачу... Теперь ищейки зашевелиятся всерьез, вполне могут выйти на твой след, вполне.

— Не думаю.

— То-то и оно, что думать надо. Всегда и обязательно надо думать. Где гарантия, что за тобой не потянулся хвост в нашу сторону?

— Не надо, не надо играть со мной словами, — сощурясь, сказал Нордтон, — я прожил вдвое больше тебя, и повидал, и думал, и узнал всякой всячины на своем веку достаточно, чтобы ты, вернее, чтобы Эл был спокоен на мой счет. — Слим нервно ослабил ворот рубашки. — Вряд ли стоит предъявлять ко мне претензии. Уж если кто и погорячился в этом деле, то не я, только не я, запомни. Он — да. А я, повторяю, вообще не выношу крови.

— А ты трус, Слим Нордтон, клянусь аллахом. Но есть лекарство от страха. Хороший глоток раки, вот что тебя укрепит!

— Мальчик, — сказал Нордтон, — тебе сколько лет?

— Давно не мальчик, двадцать три.

— Ладно, — усмехнулся Нордтон, — давай выпьем, ты уже большой, уже можно. Двадцать три... почти ничего. Удивительно. Еще в прошлый раз, когда познакомился, я удивлялся, наблюдая за тобой. Далеко обошел своих сверстников.

Бозок рассмеялся:

— Это они понимают, держат руки по швам.

У раки, турецкой водки, забавное свойство. Плеснешь воды в стакан с нею — жидкость становится белой как молоко, плеснешь воды еще раз — становится прозрачной. Слим Нордтон больше забавлялся этим свойством раки, чем пил.

Он почувствовал, что юный трибун норовит подпоить его, и решил не доставлять тому удовольствия потерей контроля над собой. «Сопляк, ничтожество, — с презрением думал он о собеседнике, — не тебе потешаться над стариной Слимом, вонючий лакей с амбицией фюрера».

— Так, — произнес Бозок после недолгой задумчивости, — выходит, у нас есть шанс порадовать Эла весточкой о том, что мавр сделал свое дело и заслужил награду.

— Да, — сказал Нордтон, — деньги мне нужны по-

зарез. Сегодня. Во вторник утром я улетаю. Просто необходимо подновить виллу и хоть на пару месяцев дать нервам отдых и покой.

— Иными словами, тебе необходимо хорошенько спрятаться после африканской заварушки с трупами. Эл поймет тебя, не сомневайся, дружище.

— Благодарю, Хаби, за мной не станет, дай срок.

Бозок дружески улыбнулся в ответ, подмигнув, и многозначительно вскинул два растопыренных пальца, указательный и средний.

— Ну, я пойду, — сказал он, — скоро пять. К семи будь в отеле.

— До вечера, — сказал Нордтон. — Заедешь или позвонишь?

— Позвоню. Не торопись, еще есть время, посиди, здесь неплохо. — Хабахаттин Бозок поднялся, ткнул подскочившему гарсону потрепанную купюру и двинулся прочь, обронив: — Начинай успокаивать нервы.

В мыслях Нордтона был скверный осадок.

По Босфору осторожно двигались суда разных стран. Несколько раз он замечал и красный флаг с серпом и молотом. Многие из посетителей скромного кафе, о помост которого терлись волны, провожали этот флаг уважительными взглядами, что вызывало у Слима Нордтона смешанное чувство удивления и досады.

На противоположном, азиатском берегу пролива пестрели нагромождения жилищ. До самой вершины холма, который венчала телевизионная вышка, петляя меж маслиновыми рощицами, тянулось шоссе.

За спиной в крохотной будке бара открытого кафе «Бебек» магнитофон громыхал то американским джазом, то виртуозными импровизациями солистов, то мощным ревом бигбенда, истерично тревожным.

Нордтон почувствовал тяжесть в голове, ему невольно подумалось, что через несколько минут в его черепе разыграется мигрень, как у того господина, на которого он надеялся и который не захотел его видеть.

Он с ненавистью покосился на танцевавших молодых людей, поправил галстук, встал и отправился в обратный путь, к отелю, по шумным улицам. На перекрестках маячили армейские патрули с карабинами наготове, ибо в любой момент могли раздаться смертоносные автоматные очереди юнцов, кроваво играющих в политику.

Поздно вечером, когда зажглись уличные светильни-

ки, когда подростки разложили на тротуарах веера омерзительных порножурналов и фотографий, обозначив их стоимость каракулями, когда зазывалы притонов заняли свои посты, когда в пивных Галатасарая усилилось хмельное разноязыкое песнопение, когда затихли до утра радиофицированные голоса муэдзинов, а святые храмы померкли рядом с неонам небоскребов, в шестьсот девятом номере отеля «Бале» зазвонил наконец телефон.

— Нордтон слушает.

— Все о'кэй, жду тебя в машине на площадке перед муниципальным салоном живописи, это в двух шагах.

— Черт возьми, Хаби, где ты пропадал?

— Не сердись, дружище, хлопотал ради тебя. Нам предстоит приятная прогулка морем. Ты был на Бьюик-ада? Сказочный островок. Там нас ждет парень, которому Эл приказал пополнить твой бумажник.

— Какая у тебя машина?

— «Мурат». Я сам окликну. Спускайся, надо обернуться в хорошем темпе, мы ведь собирались еще поспеть в казино на песенки Айжды Пеккан, не забыл?

— Иду, — проворчал Слим Нордтон, — с моей ногой только бегать...

Допуская, что ему могут вручить крупную сумму и наличными, Слим прихватил наплечную сумку и поспешил к упомянутой площадке возле городского выставочного зала, в котором, как он знал, часто бывали платные демонстрации картин и карикатур, но нечасто бывали зрители. Жизнерадостный и кудрявый юноша с повадками супермена снова назначил встречу в малоприметном месте.

«Понимаю и одобряю Броуди, — подумал Нордтон, — мальчишка действительно феноменальный, осмотрительный и деловой, не какой-нибудь дебил из мафии, а тонкий, перспективный игрок. Он начинает мне нравиться».

Нордтон пытался прикинуть в уме, на какую сумму может рассчитывать и как держаться на Бьюик-ада перед новым типом из компании Эла Броуди. Настроение Слива заметно приподнялось.

У одного из автомобилей, стоявших на площадке, призывно открылась дверца.

Машины этого образца встречаются в разных странах под разными названиями — «мурат», «фиат» и про-

чие. Хорошие, удобные машины, они распространены по свету не меньше, чем вездесущие «тоёта» или «форд».

На Бозоке лоснилась новенькая кожаная куртка, парусиновая кепочка была надвинута до самых бровей, растянутые в неизменной улыбке тонкие губы удерживали сигарету.

Прежде чем включить стартер, он протянул усевшемуся рядом Нордтону распечатанную пачку местных сигарет «Самсун» и зажигалку.

— Спасибо, у меня свой сорт, привычка, — сказал Слим, доставая из кармана собственную коробку сигарет.

— Американские?

— Нет, «Хелас Папостратос», из старых запасов.

— Травя, — фыркнул юноша, выводя машину на трассу.

— Дело вкуса, — саркастически молвил Нордтон, — но я курю греческие.

Машина покатила вниз по Истикляль джаддеси, мимо станции метро, через Золотой Рог по мосту Ататюрка, через Аксарай прямо к побережью Мраморного моря, где на одной из многочисленных лодочных стоянок ждал маленький прогулочный катер.

Ночь сгущалась над сияющим Стамбулом, роняя в морскую воду отражения лучистых, как стекло, звезд, когда они мчались вдвоем в резвом катере, держа курс на смутно вырисовывавшиеся вдали контуры островов, усеянных мириадами электрических светлячков.

— Даже здесь мне мерещится запах нефти! — воскликнул Слим Нордтон, подставляя лицо под освежающие удары встречного воздуха.

— Неподалеку караванный путь танкеров, — отозвался Хабахаттин Бозок, — море загрязнено! Днем под солнцем запах еще сильнее! Эй, дружище, хочешь за руль? Прекрасно! Смелей, я рядом!

— Давай попробую, — охотно согласился Нордтон.

Бозок выключил двигатель, уступил место приятелю, а сам устроился сзади, заливаясь веселым мальчишеским смехом.

— Заводи. Только скорость не сразу, дай ему рывкнуть пару раз на холостых, он у меня с норовом.

— Есть, кэп! — раззадорясь, козырнул Слим Нордтон.

Мотор вновь заревел, но на холостых оборотах, как было велено. Катер окутался облаком едкого дыма. Бо-

зок сунул руку себе за спину под куртку, выхватил из-за пояса пистолет и выстрелил Нордтону в затылок.

10

Сержант Киматаре Ойбор нес под мышкой перевязанные бечевкой до крайности изношенные башмаки.

Было раннее утро, но солнце отчаянно припекало Ойбор изнывал от жары в непривычном платье из грубой шерсти и раскаивался, что предпринял такую большую прогулку пешком.

Рядом с молодым сотрудником, щеголявшим в легких полотняных брюках и ярко-желтой вязаной майке, Ойбор казался нелепым на фоне большого города; сердитым крестьянином, неохотно приехавшим из благодатных гилей * глубокой провинции в каменный ад на побывку к сыну-оболтусу.

Они шагали в толпе торопившихся на работу людей, стараясь не слишком выделяться в общей массе. Время от времени из-за одышки Киматаре Ойбора приходилось останавливаться на тротуаре или присаживаться на скамью с таким видом, будто их внимание привлекали то и дело попадавшиеся на пути витрины больших магазинов или рекламные щиты кинотеатров.

Молодой спутник Ойбора посматривал на преобразившегося сержанта с откровенным восхищением, не сомневаясь, что при желании в свое время старик мог бы сделать блестящую карьеру в качестве актера.

Когда они достигли площади, Самбонанга — так звали молодого спутника Ойбора — легонько толкнул сержанта локтем и указал глазами на газетный киоск.

— Что поделаешь, — сказал Ойбор, — она может и послушаться моих советов. Ее нетрудно понять.

— В конце концов это ее право, — рассудил Самбонанга. — Мы должны ей благодарно поклониться.

— Еще рановато.

— Я уверен, клянусь честью.

— А я не уверен, что тебе положено болтать без умолку при исполнении служебных обязанностей.

— Это вы завели о ней разговор, я помалкивал.

— Стоп... кажется, она нас заметила.

И верно, Джой распрощалась с собеседницей, воссе-

---

* Африканские сельскохозяйственные районы.

давшей в амбразуре киоска торжественно и скорбно, как богоматерь на иконе, и быстрым шагом пересекла площадь.

— Ой, — забеспокоился Самбонанга, настороженно озираясь по сторонам, — сейчас устроит митинг. Так недолго испортить все дело. Стоило ли нам рядиться в тряпье? Пустой маскарад.

— Погуляй-ка в сторонке, — сказал Ойбор.

— Ясно, — изрек Самбонанга и отпрянул от старшего.

Джой стремительно приближалась.

Ойбор демонстративно извлек из-за пазухи огромный платок и основательно, с непосредственностью истинного крестьянина промакнул лицо, вытер шею и грудь под шерстяной хламидой, шумно облегчил нос, соображая, как быть: отступить ли в укромный угол, избегая столь открытой встречи с неосмотрительно бросившейся к нему девушкой, или остаться на месте.

Остался. Встретил ее иронической улыбкой и ворчливым замечанием:

— Как вы и догадались, я специально изменил свою внешность, чтобы вам легче было узнать меня, чтобы вы, конечно же, бросились ко мне со всех ног, привлекая всеобщее внимание.

— Извините, если с моей стороны что-либо не так, но я уже стала волноваться, что вы не придете. А у меня еще масса невыполненных заданий.

— Я понимаю ваше беспокойство, — сказал Ойбор, — а вот вы моего, к сожалению, не понимаете. Мне голову оторвут, если с вами что-нибудь случится.

— Идемте, — нетерпеливо сказала Джой, — покажу его мансарду.

— Хорошо, идемте вместе, — подумав, согласился сержант, — но учтите, мне голова еще понадобится.

Ойбор велел помощнику оставаться на площади перед домом номер сорок два. Очень старательно исполнял Самбонанга распоряжения Киматаре Ойбора. Сам Ойбор не мог сдерживать улыбки при виде необычайного служебного рвения своего помощника, хотя настроение было отнюдь не радужным.

Дом под номером сорок два был довольно высокий и очень старый. Шестиэтажная серая коробка, увенчанная конусообразной кровлей, построенная когда-то явно не для жилья, а для учреждения. Стрельчатые, узкие, как бойницы, окна темнели рядами на запыленной и

шершавой стене фасада. Лишь окошко мансарды было круглым.

Мрачноватый дом этот не слишком выделялся среди прочих зданий, обрамлявших площадь, на которой ярко сиял белизной и зримым комфортом лишь красавец отель, зато имел весьма существенное преимущество перед многими обиталищами простых горожан. У него был лифт, и он работал, что придавало ему особую ценность, ибо в высокоэтажных городских сооружениях, пожалуй, сломанные лифты попадались чаще, нежели действующие.

Когда Ойбор и Джой вышли из охающего и стонущего от натуги лифта на последней площадке, освещенной настолько плохо, что невозможно было бы прочесть густо испещрившие стены надписи (если бы, конечно, у них вдруг возникло желание к такому чтению), и поднялись по винтовой лестнице на самый верх, там стояло привидение. Оно, привидение, дышало тяжело, с хрипотцой, будто только что сошло с дистанции непосильного марафонского бега. Белки его глаз молочно светились в полумраке. Направленный на прищельцев ствол допотопного бельгийского ружья-однзарядки мелко дрожал.

Это было настолько неожиданно, что сержант и девушка оцепенели.

— Вот... починить обувь... — наконец промолвил Киматаре Ойбор и протянул привидению принесенные с собой рваные башмаки.

— Руки! — взвизгнул старческий голос.

— Послушайте, — сказала Джой, — это же неразумно.

— Назад! Уложу на месте!

— Что за охоту ты надумал, отец? — уже твердо сказал сержант. — Разве мы похожи на дичь?

Старик был настолько дряхлый, что даже Ойбор рядом с ним выглядел мальчишкой. Сержант показал башмачнику свой служебный жетон.

— Что нужно?

— Сначала войдем в комнату, — сказал Ойбор. — Нужно поговорить спокойно.

— Назад!

— Уф!.. Да перестань кричать наконец! И ружье убери! По какому праву держишь оружие в доме?

— По законному!

— Слушай, отец, я из полиции. Из по-ли-ции.

— Еще шаг, и вам непоздоровится! В джунглях я укладывал с первого выстрела даже рысь в прыжке, а уж с вами и подавно управлюсь! Я вам покажу, как пугать мирных людей! Тот ночью покоя не давал, а теперь эти появились среди белого дня! Убирайтесь! Забудьте сюда дорогу!

— Ночью? — насторожился Киматаре Ойбор. — Описать его можешь?

— Ничего я не могу! Оставьте в покое! Иначе за себя не поручусь! Считаю до трех! Раз!

— Успокойся, — Ойбор заставил себя улыбнуться, — я не злопамятный, хоть ты и обозвал меня ослом по телефону. Ай, ай, грешно с твоей сединой размахивать такой грозной пушкой перед блюстителем порядка. Даже если он и в маскарадном костюме.

Прошло не меньше минуты, прежде чем старец спросил уже тише, не опуская, однако, ружья:

— Почему с тобой белый?

— Это друг. Присмотрись, старина, хорошенько, ведь это...

— Белый твой друг?

— Да. И твой тоже. Присмотрись, говорю, это женщина. — Ойбор даже отважился засмеяться. — Ты же знаешь, отец, теперь женщины стригутся как мальчишки, а парни — наоборот.

— Все равно, — сказал башмачник, — я не хочу иметь с вами дела. Лучше уходите.

— Нет. Нам нужно поговорить, — сказал Ойбор, — ты должен рассказать все, что видел. Чего ты боишься? Мы поймаем их, и ты нам поможешь.

— Как бы не так. Я развяжу язык, а они меня прикончат. Узнают, что вы тут были, и прикончат. Ничего я не видел! Уходите!

— Тебе нечего опасаться, — сказал Ойбор. — Даже если за нами следили, они не станут с тобой связываться. Ну посуди сам, какой смысл им возиться с тобой после того, как ты уже все выложил властям? Лишний, ненужный риск. Им нужно заботиться о собственной шкуре, не до тебя сейчас. Другое дело до встречи с полицией.

— Вот они и скреблись ко мне этой ночью. Вернее, он.

— Кто?

— Почем я знаю, пытался сломать задвижку, но у меня еще один замок на двери. Зверь, старуху мою на-

пугал чуть не до смерти. Сидим взаперти. Я видел сверху, как он уходил. Это был он, тот, не иначе. — Старик мучительно раздумывал некоторое время, затем сказал сержанту: — Хорошо. Войди. Но белая пусть уходит.

11

Из укромного уголка открытого кафе Вуд видел, как седовласый, с крашеными усиками африканец в бриджах и длинном клетчатом пиджаке и преобразившийся, одетый а-ля ковбой-франт Ник Матье не спеша вышли из административного здания и проследовали к полуспортивному двухместному автомобилю с номерным знаком правительственного курьера.

— Пст... — негромко позвал Вуд официанта, чтобы рассчитаться.

Седовласый предупредительно открыл правую дверцу, но Ник не торопился садиться в машину, он с любопытством обошел ее, как мальчишка, провел пальцем по радиатору, постучал острым носком полусапожка по скату и что-то сказал. Седовласый рассмеялся и без колебания уступил ему место за рулем.

Едва они скрылись из виду, Вуд покинул кафе и свернул за угол, где его поджидал сверкающий лаком черный лимузин.

— Похоже, все в порядке, мадам, — сказал Вуд, удовлетворенно откидываясь на мягкую спинку заднего сиденья, — белоголовый клюнул, увез нашего протеже с королевскими почестями.

— Долго, — наигранно вздохнула пожилая дама.

— Тяжелый, сволочь. Пришлось выложить кое-что лишнее.

— Фи, что за выражения в разговоре с женщиной!

— Не понял, — Вуд удивленно вскинул брови, — а что я сказал?

— Вы сказали «сволочь», ужасно.

— Не может быть, мадам! Клянусь честью!

— Этим неприличным словом вы обозвали того мальчика. С синими глазами. С таким полезным для нас мальчиком надо быть чрезвычайно ласковым, обходительным. Даже в его отсутствие. Запомните, Вуди. Если он услышит от кого-либо из нас подобные выражения в свой адрес, то непременно обидится и не станет нам помогать.

— Ох, мадам, вы отчитали меня, как ребенка, — рассмеялся Вуд.

— Вы все для меня как дети, — драматически молвила она.

— Так вот, этот, как вы изволили заметить, синеглазый ребенок, вдоволь пошаливший автоматом в свое время на многих горячих точках континента, не сомневаюсь, сам докажет вам, что он, пардон, сволочь, когда вдруг запросит в самый острый момент еще восемь тысяч долларов.

— И будет прав, — сказала она и тут же всплеснула сухими, тонкими руками, на которых свободно болталось с полдюжины драгоценных браслетов. — Так он участвовал в сражениях! Ай молодец! Что же вы мне сразу не сказали, противный, я бы обязательно ему улыбнулась.

— Не огорчайтесь, — молвил Вуд, отвернувшись и закатив глаза, — при случае я вам напомню, и вы улыбнетесь этому Матье.

— Значит, мальчик страдает чрезмерной алчностью? — спросила пожилая дама. — Как вы думаете, он способен предать нас, если ему предложат больше?

— Не предложат. Вряд ли такое придет в голову коммунистам.

— Опять? Выбирайте выражения! — вскрикнула она.

— В чем дело? — изумился он.

— Что у вас за манера! Так и швыряетесь ужасными словами!

— Будь я проклят, если понимаю, что вас так напугало.

— Не смейте при мне произносить это слово! Меня чуть удар не хватил.

— Ах, вот о чем... но, мадам, от них, увы, не отмахнешься, они реальность. Даже больше того. Вы знаете это не хуже меня.

Вуд разозлился на нее. Ему захотелось сказать ей действительно гадость. Еле сдержал себя.

Мало-помалу аристократка успокоилась. Спросила:

— Почему вы считаете, что они не станут заниматься куплей-продажей специалистов?

— Это не их стиль. Я на вашей стороне, потому что буржуа по духу и положению, — раздраженно изрек Вуд, — но у меня хватает ума и политического зрения, чтобы понять и видеть, насколько их теория и практи-

ка привлекательны для миллионов тех, на чьей шкуре и мозолях держится ваше состояние. Вот почему я против того, чтобы при упоминании о коммунистах охать и заламывать ручки, а за то, чтобы драться с ними всеми открытыми и закрытыми приемами, что, впрочем, мы и делаем каждый по-своему. А с куплей-продажей... там просто не понимают цену деньгам.

— Оставьте этот тон, — жестко сказала она, — я понимаю и вижу не меньше вашего. Женщина может себе позволить маленькое кокетство в любом разговоре и в любой форме, чурбан вы этакий. Но я всегда считала, что вы чрезвычайно полезны в деле.

— Я тоже о вас такого же мнения, мадам.

— Вот и прелестно. Вы что-то хотите добавить, Вуди?

— Прошу напомнить и господину консулу, что я чрезвычайно полезен в деле. Работаю без промаха. И небескорыстно.

— Вуд Коллер, вы типичный образчик своей среды, — вдруг ядовито заметила она, — нетерпеливость, соломенное чванство, мелочность.

— Чванство? Посетите на досуге кофейню клуба прессы, мадам, и вы услышите мнение аккредитованных мудрецов по поводу чванства. Например, по поводу одного заокеанского чрезвычайного и полномочного посланника на две здешних страны. Хм, посол где-то, а тут пара консульств. Несolidно, мадам. Или что-то иное?

— Как, сколько, где и когда — это в компетенции моего правительства, а не чужих и циничных писак. Вы бываете просто невыносимы!

— Постараюсь больше не касаться вопроса о глобальном чванстве, мадам, обещаю.

С помощью изящной вертушки старушка леди опустила внутреннее стекло, отгораживаясь от шофера, с любопытством наострившего уши.

— Консул еще не вернулся. Потерпите с комиссионными, — сказала она с театральным вздохом.

— Очень интересно, когда же он вернется?

— Потерпите.

— Блаженны плачущие, ибо они утешатся, — вздохнул Вуд в отличие от нее без всякой наигранности, — увы, я не плакал и не ждал утешения.

— Оставьте, библия возвращает сильных.

— Хм, бог отвернулся от меня еще в Гонконге. Если

уж там господь не позаботился о моем кошельке, то чего можно ждать мне, грешному, от него здесь? Нет, я сам себе бог отныне. И знает, я стал очень нетерпимым, когда речь заходит о заработанных деньгах.

— Что деньги, дорогой, — сказала она, — немного денег потерять не страшно. Вам бы о другом думать. Ангола, Эфиопия, Бенин, Гана, Мозамбик... не берусь и перечислить единым духом. Ужас! А завтра что будет? Что будет завтра, если сегодня только и слышишь, только и слышишь со всех сторон о переворотах и национализации. Мираж, вокруг один мираж...

— Задохнутся, передерутся, рассыплются с нашей помощью, — сказал Вуд, — у меня есть кой-какие жизненные наблюдения. Вырвать власть нелегко, но еще трудней к ней привыкнуть. Черным не привыкнуть. Им не привыкнуть к жизни без подачек и власти фунта, доллара или франка. Не позволим.

— Утопия.

— То есть?

— Довольно об этом, — отмахнулась она, — у меня в отличие от вас хватает ума думать всерьез лишь о своих пусть маленьких, но реальностях. И вам советую почаще обращаться к здравому смыслу. Распыляйте талант и хватку на статейки и случайные услуги тут-там. Ваши газетные гонорары не могут сложить истинного состояния.

Вуд Коллер подозрительно посмотрел на собеседницу, словно психиатр. «Классический маразм», — мысленно отметил он.

— Я не права?

— Совсем запутали меня, — признался он, — с одной стороны, вы обеспокоены глобальными потрясениями, с другой — советуете позаботиться лишь о чековой книжке. Вот я и размышлял о заслуженной награде.

— Возможно, наш скромный успех здесь ободрит господина генерального консула. Щедрость соразмерна с бодростью.

— Мой успех, мадам, — мягко поправил Вуд.

Она оживилась.

— Вы удивительный. Как вам удалось откопать этого Матье? Ведь почти никого не осталось, одни слюнтяи.

— Секрет фирмы, — улыбнулся Вуд.

— А знаете, он очень мил, этот мальчик, держится

как мужчина. Раз — и поверг кулаком вашего хвального телохранителя. Великолепен!

— Он не мальчик, потому и держится стопроцентным мужчиной. У него несладкая жизнь с пеленок. Собственной головой и кулаками прокладывал дорожки во все стороны. Только вот нервы ни к черту. Стали ни к черту с некоторых пор.

— Даже тронул мое воображение, — сказала дама, — держу пари, он ирландец. Или фар вест? *

— Не ищите чужие корни, мадам, иногда это мешает, — довольно грубо заметил Вуд.

— Мсшает литераторам быть джентльменами?

— Простите.

— Так и быть. — Она внимательно на него посмотрела. — Что это с вами сегодня, милый?

Вуд промолчал, рассеянно глядя на проплывающие улицы.

Машина задержалась на одном из перекрестков, пропуская вереницу ворочавших во все стороны курчавыми головами малышей. Молоденькая воспитательница деловито покрикивала на отстающих. Детишки галдели так, что не слышали сами себя и никак не могли преодолеть пятиметровую полосу проезжей части.

Какой-то игривый парень принялся помогать воспитательнице, сверкая перед ней зубами, и девушка, безуспешно стараясь сохранить на личике неприступную деловитость, то и дело постреливала на него глазами и кокетливо поправляла на себе белоснежную шляпку с ярким, под цвета национального флага, бантом.

Когда автомобиль наконец двинулся, Вуд сказал:

— Между прочим, в баре Матье поинтересовался, есть ли связь между его вербовкой и нашумевшим убийством черного мастера, и это, поверьте, интересовало его не между прочим.

— Вот как? Что же вы ему ответили?

— Я сказал, что нет. А что вы мне скажете?

— То же самое. Нет, конечно.

— Хочу быть уверенным, что это так.

— Можете спать спокойно, — сердито выговорила она, — для нас это только случай. Приятный в известной мере, на руку нам. Вы меня разочаровываете своей подозрительностью. Думаю, и консулу было бы неприятно слышать такое.

---

* Дальний Запад (англ.).

— Ему незачем огорчаться.

— Пожалуй. Но впредь вы нас не оскорбляйте подобными подозрениями. Повторяю, можете спать спокойно.

— Вы правы, — сказал Вуд, — нет ничего лучше спокойного сна. — Он рассмеялся. — А в наказание вышвырните меня вон за тем поворотом.

Дама нажала стоп-кнопку, и, повинаясь сигналу, беззвучный и бесстрастный, как робот, шофер затормозил, вильнув к бровке.

Вуд выскользнул из машины на тротуар. Рядом с ним тотчас, словно по мановению волшебной палочки, возник невесть откуда свалившийся Хриплый.

Щедро улыбнувшись им обоим, дама укатила.

— Скалит зубы... — обронил Вуд, провожая машину взглядом. — Сто против одного, эта кляча спит по ночам, как ангел. — И, обернувшись к Хриплому: — Пошел бы с ней в церковь?

Хриплый загоготал.

12

Не застав Светлану дома после работы, Виктор Иванович отправился к ней в больницу.

День клонился к вечеру. Час «пик». Люди осаждали общественный транспорт, преимущественно маленькие и бокастые, как бочонки, городские автобусики, с такой прытью, будто и не было за плечами нелегких трудов на фабриках или в конторах.

Все стремились к домашнему очагу с одержимостью исцеленных паломников. Город заполнил сонм громких звуков: перекликающиеся клаксоны, возбужденная речь, смех, колесный перестук на булыжных мостовых, рев мулов и перезвон велосипедов.

Очертания городского разностилья строений наводили на мысль об удивительной схожести всех более или менее крупных городов Африки, какие Луковскому довелось повидать. Словно многочисленные близнецы, разбросаны эти города по всему континенту. Но судьбы, жизнь их обитателей еще очень разнятся.

Совсем недавно построенная больница, в стенах которой запах строительных материалов еще не был вытеснен запахом лекарств, — дар Советского правительства. Из уважения и благодарности за столь друже-

ственный акт на фасаде лечебного корпуса рядом с флагом молодой республики местными властями было вывешено и алое полотнище.

На обрамлявших зеленую лужайку скамьях тесно сидели выздоравливающие, они кутались, несмотря на жару, в новехонькие байковые халаты с инвентарными штампами на самых видных местах с такой гордостью, словно это были не халаты, а генеральские шинели при орденах.

А в широких, настежь распахнутых окнах виднелись ходячие больные, надо полагать, прилипающие к подоконникам с утра до вечера. Они напоминали небрежно расставленные на полках бюсты.

И те и другие с интересом рассматривали пришельца.

Луковский собрался было попросить кого-нибудь из глазевших на него позвать доктора Светлану, но в этот момент она сама выбежала на крыльцо.

— Что случилось, Виктор?

— Просто решил зайти.

— Что случилось, я спрашиваю?

— Неужели человек просто так не может заглянуть к невесте после работы? Могу я соскучиться за день или нет?

— Ты не шутишь?

— Про невесту? Кажется, нет.

— Довольно дурачиться, что случилось?

— Есть неплохие новости, — сказал он уже серьезно.

— Ожидается дождь? Вызывают в Москву? Или прибыли мои медикаменты?

— Обнадеживающие новости для Корина. Для экспедиции. Время спасено, наш запрос отпадает. Нашелся дублер Борису. На месте. Великолепные аттестации.

— Поздравляю. Как же ты ухитрился?

— Это не я. Партнеры. Слушай, ты решила навеки поселиться в своей аптеке? Идем домой, пора бы и отдохнуть.

— У меня еще обход. Потом вечерняя консультация. Сегодня освобожусь поздно, не раньше одиннадцати.

— Ну, тогда давай хоть пройдемся где-нибудь в сторонке, а то здесь как на сцене.

— Не могу.

— Пять минут, господи!

Она кивнула, взяла его под руку, и они направились к ближайшему скверу.

— Партнеры сотворили чудо, — говорил Луковский, — молодцы, честное слово. Главное — время. Ох, этот твой любимчик Корин. Но и своей вины я не отрицаю. Тут и моя вина.

— Насколько я в курсе ваших дел, решающее слово принадлежало хозяевам, заказчику, как вы говорите.

— Иван кивает на Петра... Ладно, забудем первую скважину. — Луковский встряхнулся. — Сегодня на повестке день завтрашний. Ты поедешь со мной? Сможешь вырваться со мной к ребятам?

— Если очень попросите, дорогой товарищ.

Луковский просиял.

— До чего они любят мою Светланку, прямо трепещу от лютой р-р-ревности!

— А я трепещу от возмущения, поскольку вовсе не твоя. Пока еще ничья. Никто не делал мне предложения, никому я не давала согласия. И вообще мне мама не велела замуж до сорока.

Луковский рассмеялся.

Светлана вдруг омрачилась какой-то внезапной мыслью. Виктор Иванович тоже почувствовал себя неловко, будто совершил нечто непристойное.

— Да, — сказала она, — расшалились мы от весточки про дублера.

Сухая, утоптанная, усеянная мелкими обломками веток земля тихо похрустывала под их медленными шагами.

Птицы свистели и верещали над сквером, заглушая устоявшийся шум города. В просветах между деревьями зияла густеющая синева неба.

— Красиво, как дома, — сказал Луковский.

— Я просила двухтомник Тихонова, ты не забыл?

— Лежит на столе в библиотеке.

— Спасибо.

— Завидую тебе, великий доктор, находишь возможность благоговеть наедине с поэзией.

— На такие стихи грех не выкроить время.

— А на разговор со мной и пяти минут не выделишь без оглядки.

— Глупый... сам-то помешан на своих стропилах да арматурах, слышать уже не могу. Да еще в земле с го-

ловой. Месяц в кино не выберемся, как будто уже женатики.

— Какое кино... только и на уме, что проклятое то утро...

— Да.

— Я хотел, чтобы все-таки вызвали бурильщика из Союза, но они настояли на своем. В принципе, это понятно. Очень они довольны, что могут предложить человека со своей стороны.

— Ну и хорошо. Разве нет?

— Да. Нормально. Борис тоже доволен. И ребята ожили. Все верят в успех на новом месте.

— Будем считать, что сейчас там нормально. А у тебя? — Светлана заглянула в его глаза. — Где ты был?

— На стройке, где же еще? А что?

— То, что тебя спрашивал посол. Утром приезжал необычайно любезный местный дядя в чине капитана, чтобы в торжественной, прямо-таки церемониальной обстановке побеседовать с твоей милостью. Премилая тебя ждет беседа...

— Ты не могла бы посерьезней?

— Пожалуйста. Официальный чин, вероятно, очень интересуется подробностями о машине. Ну почему ты не загнал ее во двор?

— Ты же знаешь, я хотел отвезти Банго. Простить себе не могу, что отпустил его одного. Такое чувство, будто виноват в том, что случилось.

— Я ведь тоже была с вами в тот вечер, все время думаю об этом... — вздохнула она. — Так когда мы едем к ребятам?

13

В тесном, захламленном дворике невзрачной улочки на городской окраине несколько игравших в кости подростков разом подняли глаза на невесть как забредшего сюда крестьянина, что бесцеремонно заглядывал в незапертое приземистое жилище, на плоской крыше которого была аккуратно разложена копра, высушенная мякоть кокосовых орехов. Копра, сырье для местной маслобойни, была хоть и небольшим, но постоянным источником дохода для жителей не только этого квартала.

— Кого нужно? Вы к нам? — удивленно спросил

незнакомца один из подростков. — Мама еще на работе.

— Тебя, бездельник. Ты-то мне и нужен.

Парнишка открыл рот, точно ему не хватало воздуха, заморгал часто-часто, зачем-то пошарил босой ногой в жидкой траве перед собой, чем-то напоминая в эти мгновения купальщика, осторожно пробующего воду перед тем, как войти в нее, и вдруг бросился наутек.

— Стой! — вскричал Киматаре Ойбор, без всякой, впрочем, веры в полезность своего запоздалого окрика.

Мальчик мелькнул в подворотне и исчез.

Ойбор же устало опустился на бревно и промолвил, обращаясь к недоуменно обступившим его друзьям-приятелям сбежавшего:

— Напрасно оставили игру, достопочтенные граждане, напрасно. Ступайте, ступайте. Я его любимый дедушка из Асмаба, приехал погостить, вот он и помчался за мамкой, от радости позабыв меня обнять.

Ребята несмело посмеялись в ответ на эти слова загадочного незнакомца и, полные любопытства, расселись поодаль в предвкушении развития неожиданных событий, так чудесно свалившихся на их скучавший (опостылевшая игра не в счет) доселе дворик.

Вскоре появился Самбонанга, волочащий упиравшегося беглеца.

— Плохо, — укоризненно покачивая головой, сказал Ойбор перепуганному пареньку, — пощади мои ноги. Куда уж мне, старику, угнаться за тренированным разносчиком газет. Да еще в такую жару.

— Мой сержант, он прокусил мне палец, посмотрите, — гордо изрек Самбонанга. — А у меня нет индивидуального пакета.

Ойбор отдал ему свой платок-скатерть, предоставив подчиненному возможность основательно заняться перевязкой «боевого ранения», сам же, крепко держа парнишку за руку, приступил к допросу:

— Ну, рассказывай. Все и подробно. Вздумаешь врать — уведем в полицию. Ты ведь не хочешь за решетку?

— Я вас не знаю, пустите, ничего не знаю, — хныкал сорванец.

— Зато я кое-что знаю, — сказал Ойбор, — ну-ка тащи, живо.

— Кого?

— Не кого, а что. Давай, давай, тащи, не притворяйся, будто не понимаешь, о чем речь.

— Не понимаю, дедушка, чтоб мне лопнуть и сгореть.

«Если в твои пятьдесят девять тебя в глаза чужой паренек называет не дядей, а дедушкой, значит, Кими, дела твои плохи, собирайся после этой головоломки на пенсию или в консультанты на дому, как частный сыщик Вульф из американской книжки, ибо устами младенца глаголет истина», — мысленно сказал себе Ойбор, ощутив, как закралась в сердце и кольнула горечь от такой безобидной мелочи, от, в сущности, вполне естественного обращения мальчишки.

Вслух он сказал:

— Дедушка, бабушка, ты мне брось увиливать! Сейчас же выкладывай, не то уведем в полицейский участок!

— Ее у меня нет. Я не хотел, чтоб мне лопнуть и сгореть. Я тут ни при чем. И денег уже нет. Больше не буду. Отпустите.

— Чего нет?

— Зажигалки. Ее уже нет у меня. Отпустите, скоро мать придет.

— Значит, это была зажигалка?.. — Ойбор выпустил руку мальчишки, которому удирать уже не было смысла. — Теперь поговорим спокойно, — он усмехнулся, — приглашай в дом, внучек.

Согнувшись, чтобы не удариться головой, сержант шагнул за присмирившим пареньком в низкое жерло жилища.

Между тем Самбонанга любовался огромной обмоткой на пальце и дружески подмигивал дворовой братии, выказывавшей всевозрастающее беспокойство по поводу пленения их дружка.

Ребята не разобрали толком, о чем шла речь, но догадывались, что их приятель попал в незавидное положение.

Кое-кто из них даже предпринял попытку проникнуть в хижину вслед за вошедшими, так что Самбонанга вынужден был задержаться снаружи, чтобы разогнать их. Из-за этого он пропустил начало разговора.

Когда он присоединился наконец к Ойбору и разносчику газет, последний рассказывал, непрерывно сбиваясь на шепот:

— ...а она уже уехала, пока я просыпался. Выглянул, а ее уже нет. Хотел снова лечь, когда заметил:

человек валяется. Шевелится и стонет. Да. Ну, я и стал смотреть, хотя перепугался. А потом показался тот, высокий. Прижался к дому и стоит. Кругом никого. Тихо было, страшно. Он постоял, постоял, потом как бросит что-то в раненого, но сильно промахнулся. Она отлетела почти к самому киоску, ко мне.

— Кто она?

— Да зажигалка же, чтоб ей лопнуть и сгореть! Ни за что бы не взял, если бы не близко.

— Ты ее сразу поднял?

— Да что вы! — Мальчишка даже руками зама- хал. — Такое скажете. Он же там был. Да. Он еще немного постоял у стенки, потом быстро пошел прямо на меня. Хорошо, что я не закричал. Он прошел мимо. Но все-таки посмотрел на витрину. В киоске темно, он меня не заметил за шторкой. А я его видел. Вот так, как вас сейчас.

— Ты разглядел его лицо? Запомнил?

— Конечно! «Масаи» светится всю ночь.

— Что дальше?

— Я уже не смотрел. Напугался. Забился под при- лавок, все там помял... Кажется, кто-то к нему бежал. Ну да, я слышал два голоса, точно. Один еще сказал: «За мной!» Так, негромко. И они убежали. А потом снова приехала машина. Сначала потихоньку, а уже на площади как заревет. И все. Больше ничего не знаю, чтоб мне лопнуть и сгореть.

— А зажигалка?

— Да, когда все затихло, уже светало, из серого дома выбежал старикашка и помчался к телефону. Я снова смотрел. Ну, тут я и взял ее. Чтобы не пропала такая дорогая вещь. Серебряная. Запер киоск и удрал, пока не видят. Если бы я знал... Больше никогда в жизни! Вы меня в тюрьму не посадите? Я все рас- сказал. Не посадите?

— Посмотрим, — рассеянно отозвался Киматаре Ойбор, погружаясь в тяжелое, ему одному ведомое раз- думье, — посмотрим, как с тобой поступить.

14

Лагерь нефтеразведчиков готовился к переезду.

Эта весть живо облетела селение по ту сторону озе- ра. На окрестных возвышениях маячили фигурки жен-

щин с младенцами за спинами, ребяташки постарше сновали повсюду, как муравьи. Мужчины же сгрудились на утрамбованной площадке перед часовенкой, готовясь к какому-то ритуалу, раскрашивали друг другу обнаженные торсы и лица разноцветной глиной, подтягивали и проверяли на слух легкими пошлепываниями грубую кожу ног — старинных ударных инструментов.

Среди людской суеты и рева тягачей возбужденно беседовали возле слегка демонтированной вышки БУ-75 Луковский, седовласый толстячок в бриджах и двое рабочих, Лумбо и Даб.

Вышка эта возвышалась над лагерем подобно ажурной мачте телецентра над городом. Знаменитая, широко известная своей мощью среди специалистов нефтяной геологии всего мира советская буровая установка, прозванная нефтяниками «бэушкой», способна просверлить землю на несколько километров вглубь. Сложное многотонное сооружение.

По лагерю шли Борис Корин и Светлана.

Разговаривая со спутницей, Корин по-хозяйски присматривал за происходящим вокруг, то и дело останавливаясь, чтобы отдать необходимое распоряжение или ответить на вопросы часто подбегавших к нему рабочих.

Легкий, сухой ветерок швырял мелкую рябь на белесо-голубую поверхность озера, тихонько подталкивал сиротливый катыш облачка по бездонной глади огромного небосвода.

— Наломал ты дров, — говорила она, — по Виктору вижу, наломал солидно. Престиж — святая вещь, Боренька.

— В Тюмени пласты-океаны куда ни ткни, — сказал он, — а здесь структуры, разрозненные купола.

— Давай, давай, тангенс на котангенс, синус на косинус, альфа на бету, а нефти нету.

— Не надо Светлана Сергеевна. Не надо.

— Ты не сердись, мы все свои. Обидно. Ведь не я отменила сейсморазведку. Знаешь, Виктор Иванович места себе не находит, просто на части разорвался. И вот что интересно, все равно стоит за тебя горой.

— Я знаю, — сказал Корин. — Да, промах. Но логика была. Мы хотели сэкономить время и средства. Сейсморазведка в этих условиях — недели. И не меньше полторы сотни тысяч. А главное — вода. Вода,

Светлана Сергеевна, простая водичка, кровь нашей работенки. Короче, мы с Банго решили не тратить время и на артезианскую скважину. Поставьте себя на наше место. Предполагалось, причем железно предполагалось, что и здесь перспективная зона. Во всяком случае, захватывалась контуром предыдущего плана. Плюс сравнительно хорошая подъездная дорога, готовое водохранилище, ставь на озеро водокачку — вся музыка. Вы бы на нашем месте тоже смонтировались и забурились. Такие пироги.

— Такой блин. Вот уж и впрямь первый блин комом, — сказала она сочувственно, — беда, и только.

— Это полбеды, — сказал Корин, — беда другое... трагедия. Не можем смириться с мыслью, что его нет и не будет с нами. Поверите, по ночам слышу его голос, песни, руки его вижу. Железо пищало в его руках.

— У них сражение еще продолжается. Сражение не только окопы и оружие. Ничто не приходит сразу. — Светлана вдруг грустно усмехнулась. — Разве что простуда и насморк.

— Мы с ребятами поклялись своей совестью, памятью, именем его поклялись сделать все, чтобы сбылась его мечта. Мы должны найти нефтяную ловушку, должны.

— Банго не умер, он погиб. Это не одно и то же. Ты понимаешь, что я хочу этим сказать?

— Да, мы уверены, что погиб не случайно.

— Не только он один хотел, чтобы тут покончили с нищетой и отсталостью. Как же ты мог допустить такое легкомыслие, когда каждый день на счету, каждый час?

— Это не легкомыслие, а промах. Подобные вещи случаются даже с опорными скважинами таких потрясающих нефтярей, как наши в Приобье или в Башкирии. Что я...

— А Виктор говорил, что ты мастер экстра-класса. Борис чуть не взорвался, даже лицом потемнел.

— Слушай... те, доктор, — произнес он, — я же просил, не надо лить воду в костер, мы не туристы в лесу.

Из автобуса с выбеленным полотняным покрытием, в котором размещалась химическая лаборатория, показалась молодая женщина в клетчатой рубашке с закатанными рукавами. Заметив Бориса и его спутницу, она повернула вспять, да так и замерла, ухватившись за по-

ручни висячей лестнички, настигнутая возгласом Корина:

— Габи!

Женщина не обернулась, лишь вздрогнула, как от внезапного прикосновения. Борис и Светлана приблизились к ней.

— Это Габриэль, наш химик, — сказал Корин. И добавил тихо: — Его жена.

Светлана удивленно и даже с некоторой профессиональной настороженностью посмотрела на него, положила руку на его плечо и легонько встряхнула.

— Что с тобой?

— Да, да, конечно... — пробормотал Борис. — Ну, я пошел. Забот — невпроворот.

Он быстро зашагал к буровой установке, под которую в реве моторов и лязге гусениц подгоняли транспортные лафеты.

— Здравствуй, Габи, — чуть слышно произнесла Светлана, — милая моя Габи. Я так хотела тебя увидеть.

— Здравствуй, — сказала Габи.

Женщины обнялись. У Светланы вдруг задрожали губы, и она не сдержала слез. Уткнувшись лицом в плечо Габриэль, она прерывисто шептала, всхлипывая и захлебываясь словами откровенного, искреннего сочувствия.

— Да, Габи, ужасно... милая, милая Габи... будь мужественной... Это большое горе... для всех... ужасно... будь мужественной... надо быть мужественной...

Плакала Габи Амель. Гладила русые волосы Светланы и плакала. Издали, не прекращая работы, поглядывали на них мужчины, примолкнувшие и печальные.

Одинокое облачко набежало на огненную крицу солнца и отпрянуло, словно обожглось, покатилося дальше, успев лишь мазнуть по горячей земле зыбкой своей тенью.

Внезапно взоры всех, кто находился в лагере, обратились к селению за озером.

Оттуда донесся приглушенный шум, достаточно явственный, однако, чтобы пробиться сквозь звуки работы в лагере, и вслед за тем показались люди.

Пританцовывая в замысловатом ритме нгом, извиваясь лоснящимися на ярком солнце черными, раскрашенными фантастическим орнаментом телами, гибкими, как резина, они с поразительной синхронностью

ступали босыми ногами, над щиколотками которых были привязаны трещотки.

Достигнув подножия ближайшей к лагерю нефтяников дюны, они образовали круг.

Ступая теперь по кругу в значительно убыстренном, едва ли не экстатическом ритме, стройные и величественные, с каменными лицами молодые и старые потомки некогда воинственного, а ныне мирного племени продолжали свой танец, сохраненный древней сокровищницей обычаев и традиций.

Под крепкими узлами мускулов и сухожилий бурлила пламенная кровь предков. В пыльном и удушливом воздухе сухо трескались и рассыпались отзвуки неистовых, тугокожих, стонущих под ударами ловких ладоней двух опоясанных пестрыми лентами нгом.

Нефтеразведчики и гости прервали дела, чтобы отдать дань блестящему искусству танца, показанного в их честь.

— Что означают эти символы? — спросил Луковский.

— Это знаки особого внимания к тем, кто жил с ними рядом так долго, а теперь собирается их покинуть, — ответил седовласый представитель правительства.

— Они недовольны?

— Они желают уходящим добра и удачи в других краях.

15

Киматаре Ойбор в форме и при оружии направлялся в конец коридора, где находился кабинет Даги Нгоро. На ходу он сказал сопровождавшему его полицейскому строго и внушительно:

— Мой Самбонанга будет невозмутим, как бы и о чем бы мы ни говорили.

— Да, — с готовностью ответил тот.

Когда они вошли по всем правилам субординации, капитан встал из-за стола, своим видом подчеркивая официальность и озабоченность.

— Наконец-то, — сказал он и тотчас поднял трубку внутреннего телефона. — Переключите внешнюю линию на дежурного офицера, минут десять меня нет. — И сержанту: — Ну что?

— Не слишком густо, к сожалению.

— Правительство всерьез обеспокоено, вам это известно?

— Так точно, — сказал Ойбор, — вы уже говорили мне об этом.

— Долго копаемся.

— Никак не обнаружим машину, гражданин капитан.

— Исчезла, испарилась, затерялась в потоке авто? — с сарказмом молвил Нгоро. — Можно подумать, наши улицы и дороги забиты желтыми «рено». Можно подумать, они вообще забиты автомобилями. А может быть, ваш уникальный башмачник все же видел ее во сне?

— Ребята сбились с ног, но ничего похожего.

— Послушайте, уважаемый сержант, мы с вами не ребята. Я знаком с личными делами своих подчиненных. Сорок лет вы распутываете клубочки. Ориентируетесь в городе, да что в городе, в стране, как в собственном кармане, с закрытыми глазами. Думаете, я не знаю, отчего вы так и не пожелали сменить панаму на офицерский шлем? Поздно садиться на школьную скамью? Ничего подобного. Оставьте эти сказки для простачков. Всем известно, что вы любитель черной работы, просто не можете не прошупывать все на месте и собственными руками. Вы патриарх оперативной работы, вы легенда. И вы же сейчас стоите передо мной и преспокойно пожимаете плечами. А управление лихорадит от ежедневных запросов. Если зашли в тупик — наберитесь мужества признаться. Без осложнений для вас дело будет передано. Обещаю. Мне не меньше вашего дорога репутация четвертой зоны. Да и ваша тоже. Пусть ломает голову полиция безопасности. Поймите, говорю это доверительно и дружески. Ведь я, отказавшись от дела, рискую своим положением больше, чем вы.

— В таком случае я подам рапорт по инстанции.

Даги Нгоро несколько секунд молча смотрел на сержанта, затем вдруг одобрительно улыбнулся и сказал:

— Такой ответ делает вам честь. Благодарю. Приятно, что мое умышленное испытание вашей позиции и настроения в сложившейся ситуации вы встретили как подобает истинному профессионалу. Похвально. А раз так — приступим. Прошу садиться. — Нгоро указал Ойбору на стул и, повернувшись к переминавшемуся с ноги на ногу у двери Самбонанге, улыбнулся еще шире. — А вы, дружище, можете идти.

Молодой полицейский удалился.

— Разбитую машину русских вы обнаружили на следующий же день, хоть она и валялась на дне каньона за девять миль от города. Почему же застопорились поиски другой? — усаживаясь за стол, спросил Нгоро у Ойбора, едва они остались вдвоем.

Сержант был недоволен, что выставили его помощника, присутствие которого по каким-то причинам было желательным для него. Однако он не выразил своего недовольства, а спокойно, с подчеркнутой почтительностью подчиненного ответил на вопрос капитана:

— К сожалению, этой машины нигде нет.

Благообразное лицо Даги Нгоро вновь обрело крайне озабоченное выражение.

— Плохо, — сказал он, потирая виски, — совсем плохо. Министр звонил уже прямо нам, не комиссару. — Нгоро наполнил стакан из сифона, медленно выпил воду. — Машину могли перекрасить в два счета.

— Такое впечатление, что ее нет в стране, гражданин капитан.

— Вздор! Простите, но это несерьезно.

— Обшарили все частные гаражи, учреждения, даже свалки. На границах тоже. Везде. Абсолютно. Ничего похожего.

— Ну хорошо, — устало бросил Нгоро, — давайте по порядку. Что мы имеем?

— Со слов старика...

— Погодите о старике, — прервал Нгоро. — Еще раз давайте все по порядку с самого начала, от заключения экспертизы до последующих сведений с обобщением.

— Я и намерен доложить с учетом документации экспертов. Итак, старик видел, как Банго Амель и какой-то белый сидели на скамье...

— Черт возьми! Я вас просил: С САМОГО НАЧАЛА!

— Извините. От русского представительства быстро шел человек, он шагал по пустынной площади, громко насвистывая, чем и привлек к себе внимание случайно выглянувшего в окно старика. Это был Банго Амель. Из легкового автомобиля, стоявшего за углом дома номер сорок два, вышел мужчина средних лет, белый. Одет в элегантный темный костюм, слегка прихрамывал, в руке держал трость. Он двинулся навстречу Банго, и они поравнялись у средней из трех скамей перед площадью. Судя по тому, как Банго ответил на привет-

ствие белого, они были незнакомы. Белый что-то говорил инженеру, затем жестом предложил тому присесть на скамью. После заметного колебания Банго согласился, и они сели, закурили, причем белый продолжал говорить. Так длилось несколько минут.

— В котором часу?

— Этого башмачник не помнит. Типографский фургон проехал минут за пятнадцать до происшествия, кроме него, никакого движения. Уже угадывался рассвет. Итак, они курили и разговаривали. Потом совершенно неожиданно Банго вскочил, они сцепились в драке, покатались к самой бровке тротуара. Белый оказался с явно тренированными кулаками, он сбил инженера на проезжую часть, а машина уже набрала скорость, выскочив из-за угла, как только они схватились. Она попала в полосу света, и старик клянется: это был подержанный «рено» светлого, скорее всего желтого, цвета. Установлено, старик знает толк в марках авто. И не только в них. Тридцать с лишним лет он с бывшим своим хозяином побывал в Европе. Старик умен и образован, как ни странно, если учесть не слишком яркую его судьбу. Кстати, мне кажется, именно этим обстоятельством можно объяснить его излишнюю раздраженность, неудовлетворенность и, если хотите, его...

— Не хочу! — прервал капитан. — Не хочу вдаваться в душевные нюансы вашего неподражаемого старца! Не отвлекайтесь.

— Виноват, но эти подробности объясняют многое.

— Они отвлекают мою мысль. Прошу вас: суть, факты, последовательность происшедшего. Не тратьте столько слов. Впрочем, как вам угодно, только не уходите в сторону. Продолжайте.

— Слушаюсь. Белый догнал машину у цветочных лотков, она притормозила. Затем взревела, как «боинг».

— Насчет самолета тоже подсказала ваша дряхлая песочница?

— Нет, — слегка смутился Ойбор, — он только сказал, что взревела.

— А я уж подумал, что престарелый башмачник заодно и консультант министерства обороны по авиации.

Киматаре Ойбор был непробиваем. Со стороны могло бы даже показаться, что ему нравится далеко не мирная ирония начальника. Он продолжал:

— В разговоре с ним вы удивились бы еще многому.

Нам повезло. И он вовсе не трус, как заверяла его жена. Кстати, разрешение на оружие и охотничья карточка у него в порядке.

— Мы опять отвлёклись.

— Да, машина... Не иначе мощный, форсированный мотор при скромном кузове. Старик уверяет, что смог бы ее узнать.

— А русского дипломата он не признал в том белом?

— Нет, — сказал Ойбор. — Я предполагаю, тот сразу же покинул страну. Ведь аэропорт почему-то так и не блокировали.

— С этим мы разберемся. Значит, после того, как исчезла желтая машина, он уже ничего не видел? И никого?

— Так точно, — твердо заверил сержант, — ему сделалось дурно от того, что успел увидеть. Спрятался. И лишь перед самым прибытием полиции снова рискнул выглянуть в окно. Он видел, как мальчишка обнаружил зажигалку возле киоска, как удивился находке и, схватив ее, тут же удрал, даже не оглядевшись вокруг, не подозревая о трагедии, разыгравшейся на площади перед его приходом.

— Это несомненно?

— Да.

— Плохо, — сокрушался Даги Нгоро, — очень плохо...

— Установлено, что зажигалка не имеет отношения ни к Банго, ни к русскому, она могла принадлежать только тому хромому с тросточкой. Вероятно, обронил ее в драке и не заметил.

— Зато ваш старец заметил, что это зажигалка, так? Надо понимать, она была величиной с верблюда?

— Нет, конечно. Старик не мог разглядеть с такого расстояния. Мальчишка признался, что это была зажигалка. Серебряная газовая зажигалка с секретом и насечкой «Сделано в Гонконге». Слишком заметная и дорогая штукавина, чтобы долго пролежать на тротуаре. Тем более днем.

Нгоро требовательно протянул ладонь.

— Увы, — Ойбор огорченно развел руками. — Парнишка успел сбыть ее на базаре, но он подробно описал перекупщика и божится, что тот часто появляется в скобяном ряду. Найдем.

— Зажигалка уже прошла через множество пальцев... и тем не менее приложите все усилия в розыске.

— Да, гражданин капитан.

— Хорошо. Дальше.

— Дальше уже предположения, основанные, правда, на данных экспертизы следов на месте происшествия и предварительных выводов следствия. Кто-то наехал машиной на инженера еще раз. Для этого ему пришлось убрать посольского стража, привлеченного подозрительным шумом. Он каким-то непостижимым для меня образом вернул полицейского в будку и там прикончил. Самое необъяснимое, пожалуй.

— Неужели нет ни малейшей зацепки насчет этого негодяя?

— Ни малейшей, гражданин капитан. Ясно только, что неизвестный сумел завести стоявший неподалеку от ворот русский автомобиль, с помощью которого попытался накрыть следы прежней машины, еще раз наехав на умирающего. А ведь ключ от зажигания лежал в кармане русского, который, как установлено, находился все это время в здании представительства. И все же убийца сумел управиться с машиной. Надо полагать, с незнакомой. Впрочем, автомобилей этой марки у нас не так уж мало.

— Чудовищно! Трудно поверить в подобную жестокость человека.

— Вот именно, — сжав зубы, процедил Киматаре Ойбор, — поверить трудно...

— Трудно поверить также, что все это проделал опытный преступник, — сказал Нгоро. — Нет логики в его действиях. Если уж задумал навести подозрение полиции на русского, то воспользовался бы его машиной сразу. Глупо пытаться замечать ею следы предыдущей. Глупо и бесполезно. Скорее всего убийство не планировалось преступниками, оно совершено внезапно, вынужденно. Отсюда и последующая суэта, паника и как следствие паники глупые поступки.

— Нельзя не согласиться с вами, — заметил Ойбор.

— Мерзавцы, — негодуя, сказал Даги Нгоро, — бьют и бьют в спину. На войне с ними проще, в открытую... Но ничего, задавим и сейчас.

После слов капитана Ойбор молчал некоторое время. Потом продолжил:

— Он гнал автомобиль до самого каньона, куда и сбросил, выскочив на ходу. Матерый гонщик.

— Так что, повторите, услышал наш доктор?

— Почти все из оперативной группы подтверждают,

что пострадавший успел произнести несколько несвязных слов: «Берегите наших», «Аномо», «Сухая лагуна справа». По всей вероятности, инженер хотел предупредить, что русским угрожает какая-то опасность. В ту ночь он возвращался после совещания с экономическим советником советского посла Виктором Луковским. Вы знаете.

— Он сказал «наших»?

— Осмелюсь заметить, и я на его месте не сказал бы иначе.

— Банго Амель и его жена связаны с ними особенно крепко. Есть сведения, что русские переживают это несчастье как собственное. — Нгоро вскочил из-за стола и взволнованно прошелся из угла в угол. — А что бы могло означать «Сухая лагуна справа»? — вслух размышлял он. — В провинции Аномо не существует лагуны, даже высохшей. Там вообще отсутствуют водоемы. Разве что родник за селением того же названия.

— Еще одна загадка, — согласился Ойбор.

— Банго Амель был настоящим патриотом, — вздохнул Нгоро. — Я понимаю и разделяю озабоченность правительства. Потеря собственного специалиста — ощутимая рана для новорожденной республики. Не для того мы изгнали автократию, чтобы терпеть ее затаившихся провокаторов, их надо решительно искоренять, иначе за Банго последуют новые жертвы.

— Остались жена и двухлетний сынишка. Очень образованная женщина, очень. С таким же русским дипломом. Они обучались там вместе.

— Я знаю, — сказал Нгоро, — только она химик.

— Может быть, разрешите отрядить в экспедицию группу охраны?

— Воображаю, какой бы мы имели вид, — хмуро сказал капитан. — Нет, наш долг — поймать и вырвать у змеи жало, а не отгораживаться от нее веревкой. — Внезапно зазвонил телефон. Нгоро взял трубку. — Слушаю. Кто? Да, разрешаю. Обеспечьте пропуском и всем необходимым. Два дня, не больше. Заготовьте приказ. — Положил трубку и вновь обратился к Ойбору, не сразу поймав прерванную нить своего рассуждения: — Так вот... э... жало врага нацелено на экспедицию, это ясно. Нефть — проблема номер один для нашей экономики.

— Так как же, гражданин капитан, насчет группы охранения?

Нгоро укоризненно взглянул на сержанта. Снова прошелся из угла в угол. Сказал:

— Окружной комиссар рекомендует иное. Предлагает послать туда одну уже упомянутую мною особу. Ту самую, из «Абреже». Идея комиссара. Весьма юную, но смышленную. Оказывается, девчонка знала покойного инженера по совместной деятельности в Ассоциации свободной молодежи. По словам комиссара, она охотно согласилась помочь нам. Это хорошо. В колледже успешно изучила русский.

Ойбор сказал:

— Признаться, я и сам собирался просить еще одного-двух помощников. Правда, не из иностранцев.

— Сержант! Я вас не узнаю. Белые такие же люди, как и мы. Их светлая кожа вовсе не означает, что они жуе.

— Да нет, у меня и в мыслях не было. Уж я-то не забыл, сколько имею друзей среди белокожих. Просто она слишком бросается в глаза.

— Она будет там, не в городе. Проинструктируйте. Но прежде поинтересуйтесь, умеет ли девушка готовить хотя бы элементарный суп. Суп, лепешки, пошо и все такое.

Киматаре Ойбор удивленно вскинул глаза на начальника.

— Благодарю вас, — сказал Нгоро, — вы свободны.

Выйдя из его кабинета, Ойбор увидел Самбонангу, нетерпеливо поджидавшего сержанта в коридоре. Ойбор подмигнул молодому полицейскому и чуть слышно произнес:

— Все как нужно. А теперь поспешим, а то малыш уйдет, не дождавшись. Бери велосипеды, а я прихвачу одежду.

16

Ник Матье любил посещать центральный почтамт.

Присаживался где-нибудь в сторонке и наблюдал за толчеей, испытывая необъяснимое волнение.

Как правило, он не ждал ниоткуда писем, посылок или телеграмм, не отправлял их. Он просто смотрел, как это делают другие. Смотрел, и все.

Кроме глубокодумного созерцания отправителей и получателей писем, его привлекало в гулкий и величе-

ственный, слегка кичащийся искусными витражами и позолоченными сводами зал почтамта то обстоятельство, что здесь всегда было множество красивых женщин. Не меньше, чем в театре.

С тех пор как Матье пришел к такому заключению, его тянуло в здание почтамта, точно пьяницу к дармовой рюмке.

В театре, рассудил он, подойти и заговорить с пригланувшейся милашкой не так-то просто, даже если ее не опекает кавалер, а здесь благодать.

Театр — храм, где женщины, получая со сцены уроки житейской нравственности, зачастую насторожены и недоступны. Театр — храм похлестче церкви.

Большой почтамт тоже храм, но церковным трепетом тут и не пахнет, тут есть где развернуться жаждущему сердцу, считал Ник.

В самом конце зала находилось отгороженное ширмой вместилище, прозванное «Тайной Амура». Там плотными рядами, словно книги на стеллаже, пестрели вмонтированные в стену маленькие разноцветные ящики для секретной частной почты.

Каждый ящик был обозначен номером и открывался лишь ключиком его обладателя или чаще обладательницы. За ними-то и нравилось Нику наблюдать больше всего.

Ник Матье был красив. Красив той красотой, которая отличает внешность зрелого, ладно скроенного мужчины, над лицом которого природа-создательница потрудилась особенно старательно и вдохновенно, будто для конкурса.

Он готов был поклясться, что ненавидит человечество вообще. Но он любил женщин. Они занимали в его жизни и мыслях очень много места.

Разумеется, имелись в виду не те жалкие существа, что темными вечерами в глухих закоулках пугливо зывали мужчин, опасаясь преследования нового закона, охранявшего нравственность, а женщин иного полета. Женщины часто попадались в его сеть. Матье и тут не любил угождать, он любил побеждать. Он привык к удачливой охоте.

Однако не мог привыкнуть к постоянному амплу человека без почвы, который рано или поздно изгонялся напрочь если не из памяти и постели, то из сердца.

«Все у меня ворованное, — нередко признавался Ник случайным собутыльникам, — все улетучивается,

все не мое. То, чего я хочу, невозможно. Даже с бабами».

Ник сидел в гулком зале почтамта с небрежностью этакое финансовое воротилы, блаженствующего в клубе для элиты, и словно говорил глазами темнокожей красотке, стыдливо, торопливо отмыкавшей свое хранилище сердечных тайн: «Я тебя знаю, крошка. Ты прибежала тайком от владыки, чтобы схватить письмецо от другого. Значит, ты предала свой дом. Значит, ты уже страх, а не крепость. Значит, я могу тебя взять, если очень захочу. Жаль, что сегодня у нас ничего не получится, я должен поехать туда, где ждет приличная работа. Я уезжаю надолго. Потом, если повезет, уеду отсюда совсем. Прощай и спасайся».

С утра он слонялся по магазинам, с удовольствием демонстрируя белозубым продавщицам свой новенький бумажник и набивая свой вместительный баул всякой всячиной.

Затем — два часа почтамту. Целых два часа.

Ник посмотрел на **свои** новенькие часы «Boylux-1000», поднялся, надвинул на лоб **свою** новенькую, заломленную а-ля родео шляпу и, поскрипывая **своими** новенькими полусапожками, постучал к выходу, литой и неотразимый, как сплав из Брандо, Бриннера и Циско Кида.

Выйдя на улицу, он пригладил топорщившиеся концы **своего** новенького шейного платка и похлопал себя по великолепно отставленной на бордюр ноге, восхитительно обтянутой новенькой бронированной штаниной «Lee-Texas», подзывая этим жестом, как щенка, трусившее по мостовой такси.

А в сей полуденный час там, куда он собирался ехать, то есть в двадцати двух километрах от города, на окраине небольшого селения из дряхленького рейсового автобуса высадилась прелестная девушка с вместительной дорожно-спортивной сумкой и такой улыбкой, что пассажиры и водитель покряхтевшего дальше автобуса долго оборачивались, рискуя свернуть шею.

Мельком взглянув на тростниковые, островерхие, похожие на оброненные монашеские скуфейки-колпаки хижины и глинобитные лачуги, что поодаль обрамляли крохотную площадь с часовенкой посредине, девушка перевела взор на озеро и, сориентировавшись, решительно зашагала в сторону, противоположную селению.

Пыль грунтовой дороги вздымалась, стелилась за путницей, точно свадебный шлейф, и вскоре за маревом серой ее завесы уже неразличима стала стройная и легкая девичья фигурка, даже яркая окраска ее дорожной сумки померкла и растворилась вдали.

Но что это? Громко и бездумно смеясь, она возвращалась, бежала босиком, прижимая к груди и сумку, и туфли, и сорванную ветку дымчатого тамарикса.

Полетели в прибрежный песок сумка и платье. Всплеск и брызги взорвали сонную гладь озера. Слово пена от волн, взмыли птицы в опаленное зноем небо, крича, возмущаясь той, что нарушила ленивую одурь покоя всей стаи, а она, кувыряясь в воде, смеялась и пела звонко и весело. Девчонка.

17

Переодетые в штатское платье Ойбор и Самбонанга с трудом пробрались сквозь сутолоку шумного базара к ограде.

— Здесь вы условились?

— Да, под столбами, — сказал Самбонанга, ворочая головой во все стороны, — куда он запропастился? Сбежал? Вернись-ка я, пожалуй, обратно, проверю.

— Не суетись, — сказал Киматаре Ойбор, — пождем.

Они ждали, прислонясь к решетчатой ограде, полуголушенные шумом бойкой торговли, наблюдали за людским движением среди гигантских связок бананов, гор орехов, бумажных мешков с кофейными зернами, солью, сахаром, циновок и лотков, на которых были любовно разложены гончарные изделия и резные предметы из дерева и кости, металлическая посуда, игрушки и украшения, амфорки с маслами и кульки с лакомствами.

От размалеванной палатки с распахнутыми створами исходил резкий, пряный, щекочущий ноздри запах. Там продавали лепешки с таким острым соусом, что неискушенному человеку, вкусившему этой адской снеди, в пору хвататься за огнетушитель.

Едкий дым от костров, на которых жарились миндаль и колоски хлебной дурры, щипал глаза.

Самбонанга недовольно морщился от всего этого и что-то раздраженно бубнил себе под нос, в то вре-

мя как Ойбору, казалось, было совершенно безразлично происходящее вокруг.

Особенно действовал на нервы молодому полицейскому сосед, бородатый зазывала, безуспешно пытавшийся продать огромное запыленное зеркало, в котором отражение базарной мельтешни искажалось настолько, что могло бы послужить образцом фата-морганы. Бородач одержимо вопил, и голос его дрожал назойливым гортанным тремоло, отпугивая даже вездесущих и любопытных бессребреников.

— Вот и он, — вдруг сказал Ойбор совсем уже потерявшему надежду помощнику.

— Точно, — отдуваясь, с облегчением констатировал Самбонанга, — явился наконец.

— Ну что? — спросил Ойбор у протиснувшегося к ним мальчишки. — Есть?

Паренек отрицательно помотал головой и тут же заговорщицки произнес на одной ноте, почти не разжимая губ, сомкнув выгоревшие брови и отводя в сторону беспокойные глаза:

— Пойду еще разок. С другого конца. Стойте на месте. Ждите. Чтобы не привлекать к себе внимания, грызите орехи. Купите вон у той. У нее всегда самые лучшие. Мне тоже купите побольше. На всякий случай. Отдохну и пойду. Если что — свистну. Вот так. — И он замысловато присвистнул. — Запомнили? Повторите по очереди.

— Не надо, — сказал Ойбор, невольно улыбнувшись, — тем более что свистеть или подавать еще какие-нибудь сигналы категорически запрещаю. Просто вернешься и скажешь, если увидишь его.

Глаза мальчишки возбужденно горели, он был слишком явно увлечен ролью заправского сыщика, и сержант, которому это не понравилось, взял сорванца за подбородок и подозрительно, не скрывая некоторого беспокойства, заглянул ему в лицо.

Но мальчуган клятвенно забарабанил кулаками по своей груди, бурно, взახлеб заверяя:

— Провалиться мне, лопнуть и сгореть! Ни воды мне, ни хлеба, ни земли не видеть, ни неба! Он от меня не уйдет!

— Тихо.

— Не уйдет, — шепотом повторил паренек, — чтоб мне орехов не видать.

— Смотри, это тебе не игра.

— Ладно, — слегка обиженно молвил мальчишка, — давайте орехи, а то мне пора. Только время теряем.

— Получишь, когда заслужишь, — сказал Ойбор, потрепав его по жестким, как крученая стальная проволока, волосам. — Погоди-ка, дружок, постой с нами еще немного, есть к тебе небольшая просьба.

— Какая?

— Да вот прихватили с собой фотографии, целый пакет. Ты уж прости, что много, но надо бы тебе хорошенько их посмотреть.

— Сейчас? Прямо здесь? — удивился Самбонанга.

— Да, здесь, — сказал Ойбор, — пусть посмотрит сейчас. Смелей, смелей, я не шучу.

— Виноват, но мне кажется, для этого больше подходит какое-нибудь безлюдное место, не базар. Нужно ли демонстрировать фотографии такой толпе? Виноват, конечно, но...

— По-моему, я приказал ознакомить со снимками лишь нашего юного друга и помощника, показать ему одному, а не демонстрировать перед окружающими, — назидательным тоном заметил Ойбор, — хочу также напомнить любимому ученику, что в подобных случаях именно толпа чаще всего является лучшим укрытием от глаз и фотокинообъективов противника. Продолжить лекцию или достаточно?

— Так точно, достаточно. Приступать?

Сержант кивнул, и Самбонанга принялся разворачивать сверток, который держал под мышкой, кося глазами по сторонам.

Ойбор говорил недоуменно уставившемуся на них мальчугану:

— Не спеши, ни на что не обращай внимания, только на лица. Понял?

— Хорошо, — сказал тот, принимая стопку разноформатных снимков.

Какой-то посторонний тип, случайно околавивавшийся рядом, сунул было своим носом к ним с гаденькой ухмылкой, решив, очевидно, что тут запахло порнографией, но Самбонанга живо отвалил его мощным пинком.

Мальчишка взял пакет и спрятался за спины полицейских.

В напряженном ожидании прислушивались Ойбор и Самбонанга к неторопливому шуршанию за их спинами.

Мальчишка, судя по его пыхтению и хмыканью, был

беспредельно удивлен коллекцией физиономий, которую послушно изучал. Он был даже растерян, ибо ожидал увидеть на снимках кого угодно, только не тех, кого ему предложили.

Полицейские понимали его состояние и мысленно хвалили за благоразумную сдержанность.

— Только на лица, — подсказывал Ойбор, — только на лица, остальное не бери во внимание.

И вдруг шуршание прекратилось. Как по команде, повернулись Ойбор и Самбонанга.

В глазах парнишки, вперившегося взглядом в одну из фотографий, отразился ужас.

Он смотрел на эту фотографию неотрывно, оцепенев, со смешанным чувством изумления и страха, словно не верил глазам своим. Внезапно он отшвырнул фото, попятился от Ойбора и Самбонанги, как затравленный зверек.

Молодой полицейский мигом поднял фотоснимок с земли и, настороженно оглядевшись по сторонам, тщательно упрятал его в карман непривычной штатской одежки, после чего укоризненно уставился на перепуганного подростка, которого сержант успел поймать за руку, опасаясь, как бы тот не удрал.

— Ну чего ты дрожишь, дурачок, — сказал Киматаре Ойбор пареньку, — успокойся. Давай-ка присядем и потолкуем, как подобает коллегам. Ты ведь собираешься стать детективом, я правильно понял?

— Да, — шепнул юный разносчик газет, все еще с опаской косясь то на Самбонангу, то на Ойбора, — а вы кто такие? Вы от него? Так я не виноват, чтоб мне лопнуть... Вы на самом деле настоящие полицейские?

— Не сомневайся. Наша с тобой задача вывести всех преступников на чистую воду. И никакой грим их не спасет.

— Кто не спасет?

Ойбор рассмеялся, потрепав жесткие волосы на лобастой голове паренька.

— Никто и ничто не спасет преступников, — сказал Киматаре Ойбор уже серьезным тоном, — если мы все — и старый и малый — будем смелыми и решительными, верно?

— Да, — проронил парнишка, успокаиваясь от неподдельной искренности в голосе пожилого человека.

— В нашей работенке выдержка и спокойствие —

первое дело, коллега, а ты сразу в панику от простой фотографии.

— Кто?

— Ты, не мы же с напарником, — кивнув на Самбонангу, который бдительно ощупывал взором базарную сутолоку, сказал Ойбор.

— Нет, кто я, вы назвали?

— А-а, коллега, — улыбнулся сержант, — тоже, значит, детектив.

— Я уже не боюсь, чтоб мне лопнуть и сгореть.

— Отлично. Теперь скажи, ты уверен, что на фотографии именно тот человек, который был ночью на площади и подбросил зажигалку вслед за убийством?

— Конечно! Это он, высокий, только одет по-другому, — сказал паренек и для пушей убедительности вновь клятвенно постучал себя в грудь, — я его сразу узнал. Дедушка, а он меня не схватит? Вы ему не скажете? А зачем он так оделся на фотографии? Специально?

— Никто тебя не тронет, — успокоил его Ойбор, — об этом мы уже позаботились. Никто ничего не узнает, будь только сам молодцом. Не забыл, что нужно говорить, если кто-нибудь начнет расспрашивать?

— Помню, помню, не забыл.

— Смотри, это самое важное. Еще никто к тебе не обращался, кроме нас?

— Нет. Я бы вам сказал.

— Правильно. Не верь никому, даже если будет уверять, что пришел от моего имени, учти это.

— Конечно, вы уже предупреждали, никому, кроме вас. Я думаю, надо мне выдать автомат. Хотя бы вот такой ма-а-аленький, а? Складной. Как у того носатого, что прыгнул с поезда в речку, когда те итальянские гангстеры хотели выпытать у него насчет клада. Видели кино «Поцелуи Сицилии»?

— К сожалению, пока нет у нас лишнего автомата, — сказал Ойбор.

— Ладно, сойдет и револьвер. Не волнуйтесь, я хорошенько спрячу, уже придумал куда. Но чтобы патронов полный барабан. На всякий случай.

— С револьверами тоже туго, ты уж прости.

Самбонанга отвлекся на мгновение от бдительного созерцания окружающей среды, подмигнул мальчишке и заговорщицки прошептал:

— Проси, братишка, противотанковое орудие, кажет-

ся, парочка их завалилась в нижнем ящике стола гражданина сержанта.

— Отставить шуточки! — прикрикнул Ойбор на помощника. И вновь обратился к пареньку: — У меня к тебе просьба. Внятно и не торопясь скажи вот сюда: «Человек, который стоит возле колонны на фото под номером тридцать восемь, появлялся на площади Освобождения вблизи киоска, где я ночевал, сразу же после автомобильного происшествия. Я видел собственными глазами, как он умышленно оставил возле тела пострадавшего предмет, оказавшийся иностранной газовой зажигалкой, которую я подобрал и продал на базаре незнакомому гражданину». Затем четко скажешь: «Свидетельствую сержанту уголовной полиции Киматаре Ойбору, жетон семьдесят три». И назовешь сегодняшнее число, свое полное имя и адрес. Готов?

— Да. Но вы еще разок повторите, а то очень много слов.

— Хорошо. Я ничего не напутал?

— Нет, все правильно, только я не смог бы так... ну... ровно... столько слов, — смущенно молвил разносчик газет.

— Ладно, говори своими словами, лишь бы суть осталась.

— А это что?

— Микрофон. Надо записать твоё показание на магнитофон.

— Такой маленький! Как игрушечный! А можно посмотреть?

— Тсс!.. Давай-ка сперва зафиксируем твой голосок, коллега.

18

В передвижной конторке бурмастера склонились над крупномасштабной картой Луковский, Корин и представитель правительства.

— Вышка уже на лафетах, — говорил Борис, — потащим в Аномо, сюда, — он ткнул карандашом в самый центр очерченного пространства. — Там уже запустили станок на артезианскую воду.

— Лично меня станок не волнует, — сказал Луковский, — меня волнует буровая машина.

— Вы же знаете, Виктор Иванович, мы и дома,

в тайге, только целиком и перетаскиваем с точки на точку. Колоссальная экономия рабочего времени и средств.

— То Русь-матушка, — заметил Луковский.

— Эти загранички — детский лепет по сравнению с тюменскими болотами. Ну, не совсем, правда, но все-таки легче.

— Упадет, — сомневался седовласый представитель правительства.

— Одолеем, — заверил его Борис. — Кстати, ваши земледельцы предложили в подмогу свои тракторы. Поползет на тросах, как миленькая. Даю полную гарантию. Водители у нас отличные.

— А как с геофизикой? — спросил Луковский.

— Поздно, — сказал Корин, — да и отступить не годится.

— Но ведь это чистейший американский метод наугад, — осторожно заметил представитель властей, — насколько мне известно, у вас своя школа.

— При чем тут «дикая кошка»? Мы не собираемся блуждать вслепую, — с вежливой улыбкой сказал ему Борис, — забудимся в самом контуре, наверняка. А насчет песков не беспокойтесь. У нас в Союзе, скажем где-нибудь в Средней Азии, песков не меньше, а вышкомонтажники управляются прекрасно. Известно.

Седовласый рассмеялся и похлопал Бориса Корина по плечу, хотя для этого ему пришлось чуть ли не приподняться на носках. Этот уполномоченный правительством чиновник мало разбирался в вопросах нефтяной геологии и не скрывал этого, он был сведущ в делах организационного порядка, что, безусловно, облегчало контакт между сотрудничающими сторонами, и нефтяники это ценили. Кроме того, «мало» разбирался — это уже кое-что в сравнении с «ничего».

Человек этот был ненавязчив, прислушивался к мнению специалистов, охотно и мгновенно откликался на любую просьбу и вообще относился к любому участнику экспедиции с благодарной симпатией, как и подобало гражданину страны, жизненно заинтересованной в успехе предприятия.

Бориса он уважал безмерно, несмотря на неудачу с первой скважиной. Он верил в него, потому что видел в работе. Работа — лучшая аттестация.

Итак, он с удовольствием похлопал Корина по плечу и сказал:

— О ваших мы слышали, я даже читал в рокфеллеровском бюллетене «Стандарт ойл» записки канадских нефтепромышленников, посетивших Сибирь. А что скажешь о наших здесь?

— Скажу, что на здешних парней тоже можно положиться. Схватывают на лету, а это дает серьезную веру в успех.

— Как тебе дублер? — спросил Луковский.

— Познакомились наскоро, — ответил Корин, — вроде бы ничего. Маленько позирует, но дело знает. Хорошего бурильщика видно сразу. Он только рукой погладил пульт — все ясно. — Борис улыбнулся. — А вообще мужик чудной. «Я, — говорит, — личность Нового Света, но Африку знаю, как собственный кулак». Слыхали? Личность. Оригинал. Конечно, это не наш Банго... но время дорого. Словом, комплект.

Они вышли из конторки и столкнулись с дизелистом Сергеем Гринюком, который силком вел полусонного Бабу-Тима, долговязого, нескладного буррабочего. Борис удивленно сказал:

— Сергей, ты почему здесь?

— Соскучился. Не пугайся, там сверлят вовсю. Я только повидаться — и обратно. Не гони, будь другом.

— Ладно, поможешь сдвинуть «бэушку». А его зачем тащишь?

Сергей поздоровался со всеми и вновь повернулся к Борису.

— Старшой, повлияй на него.

— В чем он провинился? — встревожился Седовласый.

— Да нет, все нормально, — успокоил Сергей, — только надо, чтоб поспал, совсем утомился, а упрямится.

Луковский и уполномоченный правительства ушли к вышке, предоставляя им возможность разбираться самим.

— Ну что мне с ним делать? — комично возмущался Сергей, апеллируя к Борису. — А ну, Тимоша, не упирайся, падай в холодок, вареник! Глаза слипаются, куда ты годный!

— Я не вареник, ты вареник, — сонно огрызнулся Баба-Тим.

— Ложись-ка, братец, вон там, — строго приказал Корин, — и чтоб храпел, как насос.

— Без меня не поедете, мастер?

— Нет, конечно, — сказал Борис, — отдыхай.

Баба-Тим удовлетворенно кивнул и послушно улегся в тени за ящиками, ворча на Сергея, поскольку решил, что «вареник» — ужасное иноземное ругательство, которым дизелист бросался всякий раз, если случались неполадки в работе.

На территорию лагеря лихо въехал полицейский «джип». Из него показался Даги Нгоро при всех регалиях. Он о чем-то переговорил с Луковским и представителем правительства, затем направился в сторону конторки, с интересом оборачиваясь на ходу на вышку.

— К тебе, видать, — сказал Сергей, — может, уже переловили тех гадов, а?

— А Банго уже не вернуть... — произнес Борис. — Ну как там, готово?

— Гусеничные запрягли в тележку и на лафеты, как ты велел. Остальные... мало тягла, Борь. Надо еще на подстраховку и на растяжки по бокам. Боюсь, без подмоги не утащим.

— Будет подмога. Интересно, что ему нужно?

— Скажет. Ну, я побежал к хлопцам, а то напугаю ихнего генерала своей концертной робой.

Капитан Даги Нгоро уже приезжал в лагерь однажды, поэтому они с Коринным обменялись рукопожатием, как знакомые. Борис сразу же спросил:

— Поймали?

— Не все сразу. — Нгоро взял Корина под локоть. Отвел в сторону. — Скажите, обермастер, может быть, «сухая лагуна» — это какой-нибудь малоизвестный термин по вашей части?

— Нет, — последовал ответ. — Во всяком случае, среди нефтяников такого выражения не встречал. И от Банго не слышал. Я уже говорил Виктору Ивановичу.

Даги Нгоро снял шлем, тщательно вытер внутренний ободок платком, надел снова. Помолчал немного.

— Вам уже представился наш человек?

— А, личность, — сказал Корин, — имели честь. Личность оригинальная, но, надеюсь, сработаемся.

— Мои сотрудники находят ее скорее симпатичной, — улыбнулся капитан, — такому молодцу, как вы, грешно не сработаться с нею.

Борис пожал плечами, обронил:

— По мне любая личность красна делами.

— Прекрасно сказано, обермастер, bravo! Значит,

успели познакомиться. Хорошо. Оперативность — одно из главных достоинств этой симпатичной, как вы удачно выразились, личности.

— Хм, я лишь повторяю слышанное.

Капитан между тем внимательно оглядывал лагерь.

— Что-то не вижу...

— Вы все о той же личности? Какие-то дела в городе. Думаю, скоро объявится. Нужно что-нибудь передать?

— Нет, нет, спасибо, — сказал Нгоро, — ничего не нужно. А вы случайно не знаете, какие именно дела в городе? — В голосе капитана слышались удивление и тревога.

— Не интересовался.

После довольно долгой паузы Даги Нгоро вдруг загадочно и доверительно изрек:

— Отныне ваша кухня расцветет. Вы помните афоризм насчет мужчины-бестии и его желудка? Даже на войне кухне придается решающее значение. Кухня — сила. — Он еще больше понизил голос, будто их могли подслушать. — А если серьезно, сугубо между нами, надеемся отыскать одну... серебряную газовую печку. Не исключено, что она сослужит вам с поваром, всем нам важную службу. Возмездие неизбежно, обермастер, обещаю. А пока желаю вам успеха.

— Взаимно, — сказал Борис, тщетно пытаюсь переварить услышанное только что. Неизвестно, что он подумал о полицейском офицере после его более чем странной речи, но улыбнулся он не менее любезно и спросил: — Может быть, все-таки нужно что-нибудь передать, ведь вы проделали такой путь?

— Только привет. Прощайте.

— Всего доброго.

Даги Нгоро, озабоченно хмурясь, поспешил к своей машине.

«Что это он городил про кухню? Какой еще повар? — недоумевал Борис, глядя ему вслед. — С виду мужик как мужик... чужак».

Необходимо было собрать и привести в порядок рабочие бумаги, упаковать личный скарб, иными словами, собраться в дорогу. Корин вернулся в конторку и занялся этим, отвлекаясь от размышлений по поводу загадочного визита полицейского.

Спустя некоторое время к нему ворвался Сергей Гринюк.

— Боря! Пригнали трактора. Умора! Ими редиску сажать, а не таскать буровую. Трещат, букашки, зато много.

— Потянут, лишь бы много. — Корин выглянул наружу, довольный, что земледельцы из отдаленных мест не подвели, прибыли на своих маленьких трешотках, выполнив просьбу нефтяников.

— Дюже мелкие, — сказал Сергей, — хотя, конечно, гуртом и батька легче бить! Айда.

— Полдесятка здешних термитов — тоже тягло, — говорил Борис, шагая за дизелистом. — Я в таких случаях всегда вспоминаю, как лилипуты накрепко приковали Гулливера, пока он спал на берегу. Каких-нибудь два-три десятка волосков, а не смог и пошевелиться. Так что поставим их на растяжки, удержат вышку на любых волнах.

Тем временем владельцы прибывших тракторов уже смешались с нефтяниками, они бросали горделивые взгляды на скромно сгрудившихся в стороне соплеменников из менее имущего ближнего селения, кивали и поддакивали каждому слову Седовласого и Луковского, сообразив, что те главней прочих.

Неподвижные африканки на холмах поднесли ладони к глазам, прикрываясь от яркого солнечного света. Застывшие эти женские фигурки издали походили на часовых, отдающих честь гигантскому, невиданному доселе стальному жирафу посреди саванны.

— Дублер твой явился не запылится, — сказал Сергей, завидев идущего к ним Ника Матье. — Ковбойский артист, супермен. Здоровый бугаяка, — дизелист постучал по своей могучей груди, — я, Борь, здоровяков уважаю. Теперь нас двое среди дохлячков!

— Я тебя догоню, Серега, извини.

Через минуту Ник стоял перед Кориным.

— Мое почтение, шеф.

— Здравствуй, мастер-невидимка. — Борис крепко пожал его руку.

— Еле добрался на случайной развалюхе, — сказал Ник и вытянул палец в сторону вышки, — там что, парад фермеров?

— Ты буровые станки целиком перетаскивал?

— Не приходилось.

— Сейчас попробуешь, — улыбнулся Борис, — симфония.

— Матье невпечатлительный, — сказал Ник, — мое — ротор и монета.

— А на других впечатление производишь, — сказал Борис. — Тебе, личность, недавно официальный чин привозил собственный привет. В такую даль, несмотря на жару. Не жалел комплиментов.

— Кретины... Гони их отсюда.

— Ты что?

— У меня нрав крутой, — сказал Ник Матье, — привыкай.

— У меня, если надо, тоже, — сказал Борис, — отвыкай.

Встретились долгими взглядами.

— Мне повезло с работой, — сказал Ник, — давно так не везло с работой. Я дорожу этим местом.

— Это хорошо, — сказал Борис.

— Вот что, шеф, я не люблю неопределенности. Я могу свалить дурака, бывало, но никто не может сказать о Матье, будто он лицемер и ничтожество. И я хочу тебе сказать, что слышал про вашего парня, которому не повезло, и очень сожалею. Но мне действительно кстати эта работенка.

— Что ж, добро пожаловать, — сказал Корин. — А сейчас мы пойдем и все вместе потащим буровую.

— А сейчас мы пойдем и свернем с тобой шею вот этой малютке! — Матье с ловкостью техасского шерифа выхватил из заднего кармана плоскую бутылку с виски, точно револьвер, подбросил, поймал, шутливо направив ее пробкой-стаканом на Бориса. — Окропим наш союз!

— Прекрасная идея. Жаль, что неосуществима. В бригаде сухой закон. Для нового бурильщика, разумеется, тоже.

— Чепуха! Кто может запретить мужчинам верные узы!

— Сами решили. Закон в бурении. От этих уз, известно, рушатся не только люди, но и дела. Забудь. Я серьезно.

Ник рассмеялся:

— Не верю, чтобы русский плюнул на выпивку. Ты, может, нездоров брюхом? Или еще что?

— Здоров, — усмехнулся Борис, — забавный ты, однако, коллега. Я не ханжа, как и наши ребята, но раз решили — железно. Да и вообще пить в нашем деле — чернее не придумаешь. На буровой мы не одни, под

рукой два-три помбура, а тут еще ротор, как бешеный, пудовые ключи, свечи и все такое, сам понимаешь. Знаешь, в известном смысле жизнь подручных в наших руках.

— Нет, Кувалда Матье не аквареанин, а наковырял немало дырок в земле двух полушарий.

— Пустой разговор. Короче, побереги свою бутылку до арматуры, дружище. Если доберемся до нефти, я свою добавлю. И не одну. На общий праздник. А на буровой... предупреждаю, так сказать, именем своей ответственности, увижу пьяным — не взыщи.

Ник произвольно закивал, отступил на шаг, как делал всегда перед своим знаменитым ударом, и... сдержался. Поиграл желваками, сощуря глаза, постукал по своему бедру кулаком, сам себя укрощая. Сказал негромко:

— Мне было приятно целый день. Мне уже несколько дней хорошо и приятно. Было, пока не видел тебя. Жаль, что мне очень нужна эта работенка и ее монета: Кувалда совсем на мели.

В этот момент из автобуса-лаборатории вышла Светлана.словно чья-то невидимая рука мигом разгладила резкие складки на лице Ника Матье. Синие его глаза пробежали по ней. С доброй, чуть иронической улыбкой стоял он, заложив руки в карманы, широко расставив крепкие, надежные ноги, а челюсти медленно и ритмично перемалывали резинку. Ник был красив, это уж точно.

— Вы незнакомы? Прощу. Это и есть тот самый товар... господин Матье, — сказал ей Борис.

— Добрый день, товарищ, — кивнула Светлана Нику, изящно трянувшему в полупоклоне каштановым потоком волос. И Корину: — Борис Егорович, я оставила в автобусе у Габи новую аптечку. Бедняжка... Опекайте ее. До свидания.

Ушла.

Ник выплюнул жвачку и весело заорал, воздев к небу руки:

— Красивая белая женщина в пустыне! Боже, пошли еще чудо Нику Матье! Мне здесь нравится!

В конторке раздалось громкое шипение раздвигаемых ящиков, затем оттуда показался потревоженный криком Баба-Тим.

— Кто шумит? Так спать нельзя, не хочу уже.

Несколько секунд Баба-Тим бессмысленно смотрел

на Ника, затем потер глаза, встряхнулся, глянул в сторону вышки, где кипела работа, и подался туда, длинный и рукастый, словно центральной в баскетболе.

— Что за люди мелькают вокруг нас? — спросил Ник.

Спокойно и терпеливо, как няня, Корин объяснил ему, кто такие Светлана и Баба-Тим, после чего сделал последнюю попытку приобщить новенького к насущной заботе:

— Вот-вот потащим махину, уникальная прогулка на меже саванны и пустыни длиною в два с лишним дня. Идешь?

— Извини, но я, повторяю, не монтажник, а сондорщик, его обязанность — пульт и ротор, все остальное вне контракта. С удовольствием погляжу отсюда. Пусть мне снова станет хорошо и приятно. Отменное настроение Матье — залог здоровья окружающих.

Ник расхохотался, довольный собой, уверенный, что одержал верх в словесной перепалке. К нему вернулось прекрасное расположение духа, и он дружески похлопал Бориса по плечу.

Корин подумал: «Не слишком ли часто меня похлопывают сегодня?» А вслух сказал, криво усмехнувшись:

— Ладно, личность, погляди в сторонке, внимательно погляди, авось понравится и пригодится.

С этими словами Борис бросился догонять размашисто шагавшего к буровой Бабу-Тима.

Матье подошел к навесу у конторки, отбросил крышку широкого глиняного сосуда и несколько раз подряд плюхнулся лицом в воду, распрямился, отфыркиваясь, не утираясь, не щадя нового наряда, и произнес:

— Погляжу, приятель, погляжу, дай срок...

Когда Борис Корин присоединился к своим, Сергей спросил его, стараясь перекрыть треск маневрирующих тракторов:

— Ну как наш ковбой?

— Свой в ба-а-альшую доску! — ответил Корин.

И оба мельком оглянулись туда, где маячил Матье.

Распахнув рубаху на груди, Ник стоял, подпирая спиной шершавый, ворсистый ствол пальмы, мокрый и теплый ствол дерева за его спиной казался плотно обмотанным старым мочалом.

Солнце коснулось горбатых дюн, нарушавших однообразие равнины лишь в одном месте, у озера. К Нику подкралась дремота.

— Уф!.. Вот и я. — Волоча пеструю дорожную сумку, появившаяся возле навеса у конторки девушка устало потянулась к сосуду и, зачерпнув ладошкой воду, тут же разочарованно вылила обратно. — Теплая, как в озере... Глоток оранжада на льду, пожалуй, не испортил бы впечатления от вашего изумительного бивуака.

— Салют, крошка, — произнес Ник, — тебя мне не хватало. Ты мне не снишься? Можно ущипнуть?

— Ужасно хочется пить.

— Увы, здесь не найти даже паршивой жестянки пива. Сухой закон. Может, вот это? — Он извлек из кармана плоскую бутылку. — Бог меня услышал, послал новое чудо. Отметим?

— Нет, я хочу воды.

— Сейчас раздобуду. — Ник нырнул в контору и вынес чашу с питьевой водой. Она напилась, поблагодарила. Ник любовался ею. — Всегда готов услужить такой маленькой беленькой девочке.

— Я — Джой.

— Джой. Чудесно. Я в восторге, — сказал он.

— Простите... вы здесь командир? Я не ошиблась? — спросила девушка в некотором замешательстве.

— Абсолютно верно. Ты одна властна надо мною, крошка Джой. Но как ты догадалась?

— Все трудятся, а вы созерцаете, как Наполеон. Вожди всегда наблюдают за сражением из шатра на возвышении, не правда ли?

— Я мастер-бурильщик.

— Слава богу, все правильно, — вдруг с облегчением вздохнула девушка. — Вас должны были предупредить обо мне. Вы знали, что я приеду сегодня?

— Чувствовал, что когда-нибудь это произойдет, — лукаво молвил он, — но, если начистоту, не предполагал, что ты окажешься такой хорошенькой. Просто красotka!

На строгом личике Джой вновь отразилась растерянность.

— Благодарю... ценю юмор, но... вы действительно мастер?

— Сроду не лгал девочкам. А ты... надеюсь, ты не станешь утверждать, будто в полумиле отсюда тебя ждет в машине ревнивый муж?

— Я не замужем.

— Такое признание делает тебя еще привлекательней.

— Не уверена, следует ли нам сразу принимать такой тон...

— Почему? Разве я настолько древний? К тому же, как и ты, ужасно одинокий.

— Не скажу, что вы древний или неинтересный, однако пора поговорить всерьез.

— Вот это по мне! — Ник намерился потрепать ее за подбородок, но Джой резко отстранила его руку.

— Не понимаю... Послушайте, вы не шутили, это вы?

— Да, черт возьми, — сказал Ник. — Это я.

— Странно, я представляла иначе.

— Ну, хорошо, будем серьезными, — Матье картинно сложил на груди руки и вновь прислонился к дереву, — только учти, и в петле, и на дыбе, и в испанских сапогах, и на костре, и у стенки, и на электрическом стуле я не отрекись от мнения, что малютка Джой ослепительно хороша.

Тонкое, большеглазое личико девушки залилось краской, она прикусила верхнюю губу, над которой пробивался едва заметный серебристый пушок, усыпанный мельчайшим бисером выступившей от жары и смущения влаги. Взор ее блуждал в стороне.

— Что там происходит? — спросила она наконец.

— Поташим буровую установку в Аномо, — не без гордости пояснил Ник, — почти целиком. Я слежу, чтобы все было гладко.

Джой оживилась, радуясь, что разговор принимал нормальный оборот.

— Я буду поваром, вас предупредили? — Она устремила на Ника многозначительный взгляд. — Буду поваром...

— Отлично! — воскликнул он, превратно истолковав ее взгляд. — С тобой мы одолеем и голод, и жажду, и скуку! С одним условием.

— Каким?

— Ты обзаведешься самым большим из миксеров и научишься колотить «Луна-Джерри», мой любимый коктейль. Ничто так не спасает от жары, как жара в брюхе.

Матье подхватил ее сумку и направился к автобусу Габри Амелль, слегка рисуясь походкой и осанкой перед девушкой, которая едва поспевала за ним, удивленно вопрошая:

— Куда вы уносите мои вещи?

— В самый комфортабельный автобус экспедиции. Женщины должны держаться вместе. Химик и кухарка, черно-белый букет! По такому случаю полагается пирושка!

— Вы сами говорили, у вас дисциплина, сухой закон, — улыбалась она, — в нефтеразведке пьют только дураки. Это опасно, я читала. Представьте себе, я прочитала массу книг о нефтяных промыслах.

Ник приостановился, посмотрел на нее с подозрением.

— Знакомые речи, — сказал он, — похоже, ты успела повидать тут кой-кого до меня.

— Нет, правда, я прочитала все, что смогла найти.

— Да? А кто был консультантом?

— К сожалению, таковой не нашелся. Так и не разобралась толком.

— Значит, без подсказки определила меня в дураки?

— Что?! Бог с вами, мастер... право, зачем вы со мной так? В нашем общем положении не до шуток и словесных упражнений. Нам бы следовало обстоятельно обсудить создавшуюся ситуацию. Я ехала сюда с надеждой на вашу помощь.

— Инцидент исчерпан, — сказал Ник, видя ее несомненную искренность.

— У вас очень странная манера шутить с незнакомыми людьми, я это сразу поняла. Странная и совершенно неуместная.

— Продолжай ценить юмор, малышка. Человечество тяготеет к смеху, а его все больше мордой об стол.

— Или мы серьезно в конце концов обсудим ситуацию, или я вынуждена буду самостоятельно...

— Момент, — прервал ее Ник, пристально всматриваясь в действия нефтяников.

Там, в ложбине, Борис Корин взмахнул сигнальными флажками, и раздался дружный рев моторов. Разом натянулись тросы. Натужно крикнув, вышка сдвинулась с места, нехотя подчиняясь усилию машин. Шесть тягачей в упряжке: один впереди тащил несущую тележку, направляя движение, по два боковых на лафетах и один сзади удерживал основной страхующий трос. Маленькие разноцветные трактора окрестных земледельцев веером ползли по бокам, поддерживая огромное, многотонное сооружение с помощью множества длинных, укрепленных на разной высоте канатов.

Здрав голову к покачивавшемуся в высоком небе кронблоку вышки, Борис пятился впереди грандиозной процессии, дирижировал ярко-красными флажками.

Сергей в роли ответного сигнальщика замыкал колонну тягачей, рядом с ним шагали взволнованные Луковский и Седовласый, а далеко сзади катилась гудящая волна зрителей.

Корин не слышал, не замечал ничего и никого вокруг, кроме ажурной, двупало вытянувшейся в небо стальной стрелы и лязгающих от напряжения гусениц.

Предельно внимательны были лица водителей, словно загипнотизированных порхающими в руках командира флажками. Борис пятился и кричал на весь мир:

— Держать, братцы-ы! Не провиса-а-ать! Куда она денется-а-а!

Не глаза у Ника Матье — синее стекло. Он был поражен, губы его шептали:

— Фантастика!.. Невероятно!.. Вот это парень!

— Кто он? — спросила Джой.

— Потрясающий парень! — уже кричал Ник и возбужденно бил кулаком собственную ладонь. — Ну и зрелище он нам уготовил, малышка! Мой русский коллега!

Матье был слишком увлечен невиданной картиной, чтобы заметить, как испуганно отшатнулась от него девушка, как округлились ее прозревшие глаза. В безудержном восхищении он сделал несколько несмелых шагов и вдруг побежал сломя голову к вышке, которая все увереннее и увереннее двигалась вперед на фоне опаленного зноем неба под рев тягачей и ликующие крики рабочих.

19

Не меньше двадцати минут разгуливал Киматаре Ойбор по людному проспекту Искусств, заподозрив в соглядатайстве нервного молодого человека, который вертелся то на одном, то на другом пяточке тротуара и, как показалось сержанту, слишком поспешно отводил глаза, когда они встречались взглядами.

Нет, парень этот не был «хвостом», в чем с облегчением убедился Ойбор, когда увидел, как тот бросился навстречу запыхавшейся подруге и как неподдельно

возмущался по поводу ее опоздания, увлекая провинившуюся к стоянке такси.

На всякий случай покружив еще немного вокруг дома, в который намеревался войти, сержант наконец ступил в нужный подъезд, поднялся на второй этаж и дважды коротко позвонил в массивную, будто бронированную, дверь с пуленепробиваемым глазком.

— Кто?

— Балерина, — шутливо ответил сержант басом и, покинув укрытие, предстал перед дверным окном.

Ему открыл крепкий, спортивно подтянутый, загорелый, тщательно выбритый, благоухающий дорогим лосьоном европеец примерно того же возраста, что и он.

— А-а, мадемуазель, извольте дурачиться! — воскликнул мужчина и в обнимку потащил гостя к столу, сервированному на двоих. — Смотри, как встречают старых друзей!

— Польщен и тронут, — сказал Ойбор. — Что значит закоренелый холостяк. А вот мне ни за что не справиться со стряпней, даже старухе своей не могу подсобить на кухне.

— Не завидуй мне, старина, не завидуй, ибо мужчина становится к плите не от хорошей жизни! Садись — и в бой! В атаку!

— Не откажусь, набегался сегодня впроголодь.

— Хватай сам, поглощай до отвала! Ты всегда был зверем за столом, известно! Покажи свою пасть и брюхо, Кими! Дай-ка еще разок взгляну на тебя! Молодец, как прежде! Лев! Орел! Красив, как «Браунинг грейд-458 магнум»!

— Роскошная лесть, — грустно улынувшись, молвил Ойбор. — Врешь, брат, я порядком поизносился за эти годы.

— Нисколько!

— Хм, меня уже в глаза величают дедушкой. Не те уже силенки. Да и в зеркале такое отраженье — хоть в колодец прыгай. Вот ты — совсем другое дело. Все еще тренируешься, сансей?

— Форму надо поддерживать до гроба!

— Ну, до этого, надеюсь, нам еще далеко, если, правда, не подставить голову где не следует. Ну-ка пусти меня к салату.

В раскрытое настежь окно вместе с городским шумом врывалось жаркое дыхание ветра. Тихо шелестели на секретеке листки исписанной мелким почерком бума-

ги, словно вторили шороху листьев за окном. В довольно просторном и со вкусом обставленном жилище отставного инспектора царили чистота и порядок.

— Ну, спроси, спроси меня, — сказал он, подмигнув сержанту.

— Неужели раскопал? — оживился Киматаре Ойбор, даже вилку отложил и откинулся на спинку стула. — Я уж решил, пусто, раз не выпалил сразу.

— Ошибаешься! — не без самодовольства заметил отставной инспектор. — Я редко вынимаю крючки без добычи!

— Говори, не хвастай. Есть от него нити?

— Целая веревка! А кончик не слишком далеко, хоть и за границей. В Кении. Там затаился один его бывший компаньон, подполковник от артиллерии Мариб Голд-Амаду. Иммигрировал туда после первых же оплеух повстанцев вместе с группой приближенных и преданных холоуев, прихватив, кстати, весь фонд четвертой дивизии. Несомненно, осел там с поддельными документами, инкогнито. Под каким именем сейчас — установить пока не удалось. Место жительства — Найроби. Есть вилла где-то под Момбасой. Коммерсант, делец по части сбыта бананов, ананасов и прочей дребедени на десерт. Отыскать можно. Если, конечно, кенийские власти его уже не накрыли.

— Еще есть сведения?

— Есть. Похоже, что он с компанией не брезгует рискованными аферами и контрабандой. Кожа, наркотики, этнографические штучки. Все? Нет, не все. Поддерживает официальные деловые связи с какими-то европейскими фирмами, несколько раз вояжировал в Старый Свет, Новый и в Турцию. Принимал визитеров оттуда. Теперь все.

— Мда... спасибо и за это.

— Ну ты нахал, Кими! Я проделал колоссальную работу! Для тебя!

— Прости, я хотел сказать, что далековато все-таки. А жаль, из этого золотого Мариба можно было бы вытрясти серьезные, документально подтвержденные сведения к показаниям мальчишки и башмачника. Через беглого подполковника можно выйти на всю сеть. Пахнет крупной экономической диверсией с немалой примесью политики.

— Господи, далеко! Антарктида или Гренландия — вот далеко!

— Не уверен, что найдутся средства на такую поездку, — сказал Ойбор.

— Попробуем. Дело действительно не пустяковое, сам говоришь. На такое дело министерство безопасности найдет лишнюю монету.

— Ну хорошо, если удастся уговорить комиссара похлопотать, кто поедет? Мне, сам понимаешь, нельзя.

Отставной инспектор пожал плечами и небрежно произнес:

— Я не откажусь от прогулки на восточное побережье. Давно не видел океана и не слышал прибоя. Засиделся тут, хорошо бы потряхнуть стариной.

Киматаре Ойбор с признательностью посмотрел на него, но сказал так:

— Тебя я хочу просить еще немного поработать дома. Есть несколько операций вроде банковских или погони за греческими сигаретами. Очень рассчитываю на тебя, поскольку для них больше подходит белый джентльмен, то есть твоя милость, тертый сыщик и хитрец. А в дальних краях легко угодить под кастет или пулю. Нет, ты мне нужен здесь.

— Под кастет или пулю в нынешние времена легко угодить где угодно, хоть в собственной ванной, особенно нам. А что касается названных операций, одно другому не помеха. Довольно жевать салат, оставь место для мяса!

Ойбор спросил в раздумье:

— Сколько, по твоим расчетам, нужно времени, чтобы отыскать лжебизнесмена в Найроби?

— Неделя.

— Хвастун.

— Абсолютно. Два дня на поиск, день на контакт, остальные на личное времяпрепровождение. Справедливо?

— Нет, сансей, развлекаясь, ты по старой привычке начнешь отвечать случайным задирам демонстрацией своих знаменитых бойцовских рук и ног. Где гарантия, что снова не наломаешь дров из-за этих штучек, которым тебя научил покойный Окамура-сан? Из-за них-то тебя списали.

— Ну, ладно, развлечения отпадают.

— Я считал тебя серьезным, а ты два дня на поиск...

— Вот именно, даже меньше! Бывший артилле-

рист — теннисный фанатик. Там вряд ли наберется десятков кортов.

— Хорошо, попробую устроить тебе запах океана, — сказал Ойбор, — если нальешь мне еще полчашки кофе.

— Сделай одолжение! Сахар, пожалуйста. Так. Кими, тебе не надо объяснять, зачем агентов за рубежом снабжают другим паспортом, надежной легендой и еще кой-какими бумагами, кроме валюты?

— Не надо. В контрразведке толковые ребята.

— Тогда все в порядке. Знаешь, а ведь я чувствовал, что понадобится когда-нибудь, что опять ринусь в приключения, поэтому купил себе новый талисман.

— То есть?

— Черный костюм с металлическими пуговицами! Старый-то обветшал!

При упоминании о черном костюме оба ветерана рассмеялись, шлепая друг друга по плечам.

Суть притчи о костюме в следующем.

Однажды, когда отставной инспектор был еще не отставным и даже еще не инспектором, а лишь младшим помощником такового, он обзавелся строгим черным костюмом по случаю грядущего ведомственного торжества.

Так вот. Купил, надел, зашагал в учреждение. И вдруг господь послал ему, мирному прохожему, прямо в руки весьма опасного нарушителя, оторвавшегося от полицейской погони.

Служивцы с юмором объяснили первый его подвиг магической силой обмены. Посмеялись вместе с ним.

Однако следующая удача, как нарочно, по чистому, конечно, совпадению, случилась именно в тот момент, когда на нем снова был упомянутый черный костюм.

Не то чтобы он был суеверным, но с тех пор, отправляясь на любое «горячее» дело, облачался в одежду, ставшую для него своеобразным талисманом. Хотя сам любил посмеяться над собственной причудой, поскольку в таком жарком климате и белая-то одежда не слишком защищала от солнечного огня.

Его начали величать «Белым человеком в черном костюме». Потом проще — «Человек в черном костюме». Ему нравилось. Даже отчеты подписывал прозвищем, объявив его законным псевдонимом. Приучил всех своих друзей и сослуживцев именовать его только так и не иначе. Ребячество взрослого романтика?

Окружающие смирились и привыкли, считая, что это

право всякого человека, а право надо уважать всем без исключения.

«Человек в черном костюме» был сообразительным, сильным, ловким, бесстрашно пускался на головокружительные трюки, словно каскадер, что вызывало к нему симпатию сотрудников всех рангов, а это, естественно, не является тормозом для карьеры.

Многие считали, что он стал бы знаменитостью, если бы не серия банальных бытовых драк, причем в солидном возрасте, которыми скорее всего он пытался лишний разок показать себе и другим свое физическое неувыдание.

Дух и тело его не увяли, это точно, зато увяла деятельность, оборвалась, ибо неприглядные потасовки «на публику» вызвали настолько скандальный резонанс, что ему пришлось подать прощальный рапорт. Новая, народная власть решительно пресекала нарушения дисциплины и злоупотребления в своих органах.

Сознавая свою провинность, ушел в отставку сознательно, без обиды. Занялся мемуарами в своей холостяцкой квартире, охотно, впрочем, отрываясь от домохозяйства, если представлялся случай поспособствовать бывшим сослуживцам.

— Ну что ж, — сказал ему Киматаре Ойбор, встав из-за стола, — прими комплимент за угощение, «Человек в черном костюме». Мне пора. — И, взглянув на часы, пояснил: — Надо попасть к окружному на прием точно в положенное время. Значит, с тобой предварительно договорились?

— Договорились, договорились, старый сын.

— Твердо? Не передумаешь?

— Твердо, Кими-Гора. Уже и детали обдумал.

— Об этом нетрудно догадаться, зная тебя.

— Не забудь про паспорт, легенду и вспомогательные бумажки.

— Постараюсь, если попаду на прием, — сказал Ойбор уже у двери.

— Тебе он вряд ли откажет, — сказал человек пока еще не в черном костюме, — тебе, службе с тремя лентами!

— Хочу еще выпросить у него чрезвычайные полномочия в расследовании по закрытому приказу.

— Мотивы?

— В связи с особыми обстоятельствами делопроизводства.

— Да ты что! Откроешь комиссару подозреваемого? Сейчас? Без моих козырей из Кении? Ради чрезвычайных полномочий, без которых можно обойтись?

— Скажу ему все. Войди в мое положение, еле выкручиваюсь, устал.

Отставной инспектор прильнул к дверному глазку, удостоверился в безлюдности лестничной площадки, дважды щелкнул ключом, выпуская гостя из своего жилища-крепости. Сказал:

— Ты прав, Кими, подобного положения сыщика не припомню. Но окружной может взорваться и сгоряча выхватить меч, а это сейчас ни к чему.

— Комиссар парень что надо, — сказал Ойбор, — все будет нормально. До встречи! Готовься пока к банковской операции в гигантском нашем городишке.

— Хоть сейчас! Салют, Кими! Жду вестей, документов и визы!

20

— Все равно у нас нет иного выхода, — сказал капитан Нгоро, — подождем еще. — Он взял трубку зазвонившего телефона. — Старший инспектор Нгоро. Да, да, докладывайте. Что? Кто вас учил докладывать, что доложить нечего? Жарко? Спрячьтесь в тень, черт побери! Никаких купаний! Вы с ума сошли! — бросил трубку. — Нет, с этими младенцами в полицейской форме сам скоро буду на грани помешательства, честное слово. — Нгоро сердито набрал две цифры по внутреннему телефону. — Я же просил, дайте мне пять минут покоя. Знаю, что истекли! Дайте еще пять минут! И не смейте обременять меня внешней связью, пока сам не распоряжусь!

Очень взвинчены были нервы у капитана в последнее время.

— Я слушаю вас, — напомнил Киматаре Ойбор, едва Нгоро закончил кричать по телефону, и даже слегка привстал на стуле, являя собой самое внимание и деловитость.

— О чем я? Нет, определенно можно помешаться...

— Осмелюсь напомнить, гражданин капитан, речь шла о повторной проверке списков аэрослужбы.

— У вас сегодня случайно не день рождения? Давно не видел вас в таком благодущии.

— Никак нет, гражданин капитан, свой день рождения я отметил больше трех месяцев назад. Вряд ли я умилялся бы в день своего рождения, после следующего придется собираться на пенсию. Вы ведь не станете хлопотать о моей сверхсрочной службе?

— Почему же, будете молодцом — служите хоть вечно. Я вас ценю. А распутаете дело Амеля — представлю к награде.

— Благодарю, — сказал Ойбор, — я тоже очень ценю ваше расположение ко мне, гражданин капитан.

— Если не день рождения, то что же?

— Мне совестно, что никак не научусь достойно выражать свою симпатию к начальству. Смолоду все опасался, как бы не заподозрили в подхалимаже, вот и старался держаться чересчур независимо. Привычка укоренилась. Подозреваю, что даже прослыл грубияном. Теперь совестно.

— К чему вы клоните, не пойму.

— Признаться, все мы наивно полагаем, что начальство загружено меньше нас. Сейчас нам приходится близко соприкасаться с вами, и я понял, как вам трудно приходится. А ведь вы еще находите время, чтобы уделить нам столь огромное внимание, помочь не только советом, но и прямым участием в следствии.

— Не преувеличивайте моих достоинств, — скромно молвил Нгоро, — только и всего, что навестил нефтяную экспедицию да сделал для вас кой-какие запросы. Но вернемся к делу. — Он пробежал глазами по своим заметкам в блокноте и что-то там подчеркнул цветным карандашом. — Списками пассажиров можете не отвлекаться, поручим это снова кому-нибудь, вы же, настоятельно требую, форсируйте поиски зажигалки. Просто смешно, что до сих пор она не у вас. Вот отчего вам должно быть совестно, а не от проявлений характера, сержант.

— Стараемся, гражданин капитан. Уверяю, скоро найдем.

Нгоро только вздохнул. В который раз полистал подшивку рапортов. Сказал, не поднимая головы от листов:

— Они курили... сидели и курили на скамье, как старые приятели. Что там с окурками?

— Окурков много, но им принадлежат, разумеется, самые свежие. Один определили легко. В кармане инженера, кроме денег и щетки для волос, была обнару-

жена распечатанная коробка русских сигарет. Точно такие же курит русский специалист. Установлено. Русский рабочий предпочитает сигареты с фильтром, а второй, мастер, именно эти, что найдены у Банго. Ничего удивительного, надо полагать, вкусы Банго Амеля и русского мастера сходились не только в табаке.

— Как называются сигареты?

— Э-э... тут один наш парень даже попробовал, когда разговаривали с нефтяниками... называются... насчет гор... Позвольте? — Ойбор позвонил кому-то. — Я семьдесят третий. Как называются те термоядерные сигареты? Ну, от которой ты чуть не подох, когда попробовал? Мерси. — И опустив трубку: — «Памир», гражданин капитан, очень крепкие.

— Получается, инженер угощал своего убийцу? — сказал Нгоро, впившись в сержанта пронизательным долгим взглядом.

— Тот курил свои. Нервничал, судя по всему. У скамьи и в урне обнаружено по одному окурку очень редких у нас ароматизированных греческих сигарет «Хелас Папостратос». Эти я запомнил.

— Почему?

— Сам не знаю, но запомнил.

— И все-таки почему?

— Не знаю, гражданин капитан, просто врезались в память, когда знакомился с материалами осмотра места происшествия.

Даги Нгоро включил вентилятор.

— Пожалуй, зря я не разрешил вашему гениальному ученику оставить пост и окунуться разок в бассейне, — сказал он, — если в помещении как в печи, то там совсем, должно быть, не выдерживает голова. Я уж и не помню, когда в последний раз шел дождь.

— Свыше двух месяцев назад, — подсказал Ойбор, — сразу же после моего дня рождения.

Нгоро сказал после паузы:

— Как вы себя чувствуете? Не ощущаете перенапряжения?

— Благодарю, все нормально со здоровьем, — ответил Киматаре Ойбор, преданно пожирая глазами руководителя.

— До пенсии осталось меньше года, вы говорите?

— Так точно. Надеюсь на ваше покровительство при ходатайстве о продлении срока службы.

— У вас достаточно высоких покровителей.

— Впервые слышу, с вашего позволения, для меня это новость.

Даги Нгоро вплотную подошел к Ойбору, который тотчас же встал со стула и вытянул руки по швам.

— Вы интересный человек, — сказал Нгоро, — на редкость интересный человек. Хотите что-нибудь добавить?

— Да, если не возражаете. Я хочу попросить у вас прощения за своего непосредственного подчиненного. Это просто недопустимо, чтобы каждый, кому только вздумается, звонил в кабинет начальника управления и болтал всякий вздор про жару и купание. Обещаю строго разыскать с него за эту глупость.

— Хорошо, накажите его сами.

— Разрешите идти?

— Идите. И не забудьте, что я вам советовал в начале нашего разговора. Особенно о новых инструкциях для работы в экспедиции. И обязательно выясните, зачем понадобилось русскому уверять меня, будто девушка (он назвал ее личностью), не успев прибыть на место, сразу же выехала обратно в город.

— Слушаюсь.

Ойбор вышел.

Нгоро долго задумчиво расхаживал по кабинету, прежде чем набрать две цифры по внутреннему телефону и приказать:

— Давайте мне внешнюю связь.

Что-то случилось с застежкой на правой сандалие у Киматаре Ойбора, когда он прикрыл за собой дверь. Он провозился с застежкой не меньше двух минут.

Потом он вышел из здания, сел на велосипед и поехал к кинотеатру «Колоссеум», к задней стене которого примыкала куполообразная громада закрытого плавательного бассейна.

Небольшой газон со спиральной песчаной дорожкой, расхидившейся от скамьи, на которой сидел Самбонанга, находился перед входом в кинотеатр, но отсюда хорошо просматривался и вход в бассейн.

Самбонанга покинул скамью и зашагал по тротуару, не теряя из виду велосипед Киматаре Ойбора.

«Дед слишком осторожен, излишне предусмотрителен», — недовольно подумал молодой полицейский, он остался без обеда, проторчав целый день с мальчишкой на базаре и просидев около получаса на скамье у «Колоссеума» в ожидании сержанта.

Когда Ойбор наконец остановился и Самбонанга побежал к нему, сержант стал выговаривать помощнику:

— Меня чуть удар не хватил. Шутка ли, рядовой полицейский запросто, как девице, звонит в кабинет старшего инспектора и лепечет ему в уши несусветную чушь. Чем ты думал, пустая твоя голова? Захотелось неприятностей и тупика в службе? Я обещал ему, что сдеру с тебя шкуру.

— Вы приказали разыскать вас хоть под землей, если появится перекупщик или тот человек из банковского контроля. Я звонил в управление, мне сказали, что вы у капитана, — оправдывался Самбонанга. — Что же мне оставалось делать? А все же здорово я придумал насчет купания, чтобы дать вам знать, где я нахожусь!

— Ребенок! Ты и меня бы подвел под взыскание, если бы капитан догадался, что я самовольно подменил тебя на посту! Мы и так с ним не очень ладим.

— Но вы приказали немедленно сообщить.

— Ты бы еще сам туда ворвался, — проворчал Ойбор, остывая, — тоже придумал, умник, звонить начальнику управления, словно какому-нибудь дружку. Вот он и заявляет на всех совещаниях, что я вас разлагаю. И факты на его стороне. Думать нужно.

— Буду думать, — потупясь, буркнул Самбонанга. — Старался... не обедал...

— Марш на пост. Я сам поеду к разносчику.

— Так и не доложил, — виновато встрепенулся Самбонанга, — ехать к мальчишке не нужно, перекупщика снова не было. Я вас вызвал по поводу вашего знакомого, того, из контроля. Он велел встретить его, когда выйдет из бассейна. Я наблюдал, они отправились туда почти одновременно. Перед самым моим звонком. Чуть больше получаса. Наверно, уже пора. Мне вернуться?

— Отправляйся на пост, — сказал Ойбор, вскакивая на велосипед, — я сам. Вечером жду тебя дома.

Спустя три минуты Ойбор уже сидел на скамье, которую незадолго до этого покинул его помощник.

Еще через пятнадцать минут из-под высокой арки, предворявшей серебристый купол крытого бассейна, вместе с группой купальщиков вышел респектабельного вида мужчина с солидной сумкой для купальных принадлежностей.

С невеселой миной на лице он подошел к платной автостоянке, раздраженно сунул служителю жетон, сел

в бежевый «плимут» и укатил, нисколько не интересуясь внимательно рассматривавшим его со скамьи в центре газона сержантом уголовной полиции.

Киматаре Ойбор продолжал смотреть в ту сторону, куда умчался автомобиль, даже тогда, когда к нему подошел пожилой европеец в черном костюме и, улыбаясь, сел рядом.

— Да, это он, — сказал пришедший, — очень расстроился.

— Все в порядке? — спросил Ойбор.

— Да, — сказал отставной инспектор, — если не считать, что бедняга, должно быть, на целые сутки заперся дома, и весь их независимый банк на сутки лишится почтенного главы. — С этими словами он положил на ладонь сержанта сложенный лист бумаги, который тот сразу же развернул и прочел всего одну строчку, коряво писанную от руки.

— Шесть тысяч двести восемьдесят девятый «Магда-Луиза», — вслух повторил прочитанное Киматаре Ойбор, поднося к листку пламя спички.

— Весьма банальный девиз, — смеясь, заметил бывший инспектор, — определенно имя любовницы.

— Или матери, — сказал Ойбор, — убийцы нередко сентиментальны.

— Нет, ты не меняешься, старина!

— А ты, сансей, молодеешь и молодеешь, — сказал Ойбор почти нежно. — Много пришлось потрудиться?

— Еще бы! Заставил меня пустить в ход всю тяжелую артиллерию. Каюсь, припугнул и недозволенными приемами, даже небо окаменело от страшных речей. А место какое выбрал для атаки! Оцени!

— Надеюсь, ты не слишком поправил закон в своем усердии.

— Не слишком, Кими.

— Он не станет трубить на всех перекрестках о превышении в действиях полиции? Есть у него основания?

— Нет, — заверил сержанта ослепительно улыбающийся «Человек в черном костюме». — Не думаю. Это не в его интересах. К тому же я уже не полиция и не рэкетиер. Все было деликатно. В известной степени. — Он слегка склонил голову набок и развел руки, растопырив крепкие, узловатые пальцы. — Бог свидетель, все было деликатно, никакого криминала. Но он будет нем как рыба, это уж точно.

— Что же, неплохо.

— Ты мог бы с большей похвалой отозваться о старом товарище, сумевшем порадовать вас обоих, — с нарочитой назидательностью проворчал «Человек в черном костюме».

— Обоих?

— Конечно. Оправившись от шока, он должен, просто обязан возрадоваться своему невольному жесту на благо справедливости и правосудия в стране, которая, согласись, нисколько не ущемила его нейтральный бизнес.

— Пока не ущемила его сомнительно нейтральный бизнес, — поправил Ойбор.

— Согласен. Но главное — во мне обнаружились задатки перевоспитателя заблудших финансовых тузов. Ты ведь не станешь отрицать этого, великий сыщик, а? Молчишь? И это после того, как я, растрачивая талант и храбрость, добыл для тебя бумажку с таким чудесным женским именем и целым ворохом симпатичных цифр!

— Не знаю, как тебя благодарить.

— Пустое...

— Больше ничего не удалось вытянуть?

— Ты меня знаешь, только исчерпывающая информация. Деньги поступили сегодня утром. Ровно двадцать тысяч. И что любопытно — в фунтах.

— Он не дурак, все предусмотрено, — сказал Ойбор, — предусмотрено с самого начала. В сущности, тот единственный промах, на котором он позволил мне зацепиться, был случайным, вынужденным, наверно.

— Да, не следовало ему оставлять труп в будке, — уже серьезным тоном произнес отставной инспектор. — Но не будем об этом, не омрачай мне праздник победы над неподкупным хранителем тайны вклада.

— Просто не знаю, как и благодарить тебя.

— Я ухожу, будь здоров, Киматаре, всегда рассчитывай на помощь старого товарища. Сочтемся на небе. — И, уже отойдя на несколько шагов, вдруг обернулся и добавил: — Ты не прав, он все же дурак, если рискнул воспользоваться услугами этого идиотского банка.

Мертвые, серые, упругие пески чередовались с каменистыми гаммада, местами покрытыми лишайниковой манной. Блекло-коричневая масса колючедревья оста-

лась далеко позади, за горизонтом, откуда тянулся вырытый гусеницами и полозьями рваный, глубокий след.

Обожженное, однообразное пространство оживляли только редкие наземные клубни дискореи с побегами, напоминающими скорее колючую проволоку, нежели живые ростки привычного для этих мест растения.

Пустыня хитра, безжизненный облик ее обманчив. Стоит пролиться дождю, и, как по мановению волшебной палочки, возникают бесчисленные эфемеры, некоторые из них, например нежные белые цветы ретама, долго радуют глаз путника, утверждая неумирающую силу жизни.

В течение долгого, слишком долгого времени небо не обронило ни капли дождя в провинции Ансмэ. Пятьдесят градусов по Цельсию в тени.

Вышка доставлена. Для этого понадобились огромные усилия людей и техники, на это ушло без малого три дня, всего на несколько часов больше, чем предсказывал Борис Корин после своих расчетов.

Авторитет старшего бурильщика, уважение к нему стали еще более глубокими, поскольку, откровенно говоря, мало кто в душе верил, что удастся перетащить такую громадину даже за неделю.

Шли неизбежные после транспортировки буровой установки монтажные доработки. Необходимо было как можно скорее обустроить и лагерь на новом месте. Все без исключения трудились до седьмого пота.

Борис Корин и Ник Матье были среди тех, кто монтировал насосный блок. Работая, они переговаривались. Речь заходила о самых разных вещах, порой неожиданных даже для них самих.

Нельзя сказать, что темы разговора непосредственно касались их профессий, однако оба бурильщика таким образом как бы старались получше «прощупать» друг друга, познакомиться ближе, получить более полное представление о напарнике.

Оба прекрасно понимали это обоюдное стремление и охотно, хотя и немногословно, рассказали о себе. Правда, Матье не выходил за пределы воспоминаний лишь о нефтепромыслах и знакомой ему буровой технике, о качестве и достоинствах нефти и газа в тех или иных краях.

Узнав, откуда он родом, Корин заметил:

— Фамилия у тебя французская. Когда нам о тебе

сказали впервые, я, признаться, подумал: привезут такого развеселенького франта. Хотя имя явно не с Сены.

— В Штатах винегрет, а не нация, — вдруг недобро буркнул Матье. И сразу же перевел разговор, спросив с какой-то странной подозрительностью:

— У вас тоже, я слышал, живут вместе самые разные, это так?

— У нас союз разных национальных республик, тебе не говорили в школе?

— Школа? Ты бы еще вспомнил эмбриональный период.

— Что же ты сердишься, чудак-человек?

— Ты мне скажи, — Ник прищурился, — ты русский, всю жизнь в своей России, а язык знаешь почему? Оч-чень, знаешь ли, забавно получается. Кувалду не проведешь, приятель, рассказами про всю жизнь в России. Я стреляный, сразу прикинул, что к чему.

— Что же ты прикинул? — сдерживая смех, спросил Борис.

— А то, что мой русский шеф знает в чужом языке столько слов, сколько и сам я не знаю, и складывает их так, будто профессор в колледже. Акцент не имеет значения, я, случалась необходимость, тоже шалил акцентом. И еще я прикинул, что второй русский знает слов поменьше, зато швыряется ими легко и почти без акцента. Нет, Ника Матье не проведешь. Но запомни, меня это не касается, ничего я такого не говорил и не собираюсь копать в этом. Мне — мое. Будь спокоен. У меня кредо — лишнего не болтать, о чем бы ни сообразил, чего бы ни пронюхал. Не совать нос, если не бьют по мне.

Борис даже ключ уронил, так рассмеялся.

Он смеялся так искренне и заразительно, что все, кто находился поблизости, оборачивались на него и невольно улыбались, хотя и не понимали, чем мог развеселить новенький обычно собранного и серьезного во время работы обермастера.

Откровенный, безыскусный смех Корина озадачил, смутил Ника Матье, который был уверен, что тот отнюдь не развеселился от его доверительного высказывания.

Но Матье не хотел разочаровываться в своих каких-то таинственных и многозначительных предположениях. Он не сдавался, спросил, подавляя ярость:

— Так как же насчет языка?

— Очень просто, — все еще смеясь, ответил Корин. — Сергей Гринюк живет и работает здесь уже четыре года. Он у нас с золотыми руками, строил и больницу, и электростанцию реконструировал, теперь, как видишь, с нами, на дизелях.

— Я о тебе.

— Ну а я, представь, школу и заочный горный помню с благодарностью. Да и перед отъездом сюда, конечно, пришлось заново поштудировать. До профессора очень далеко, но за комплимент все-таки спасибо!

— Нет, я стреляный, — не слишком уверенно буркнул Ник. И спустя время: — Вы что же, не вернетесь домой?

— Почему? Поможем им добраться до пласта и скорее домой. Домой тянет, только и мечтаем с Сергеем. — Борис помолчал немного, задумавшись. — Как можно не хотеть домой, брат; дом — он родней родного, единственный...

— Это точно, — сказал Матье и тоже подумал о чем-то своем, мрачный, поникший, будто услышал только что печальную весть.

С полчаса они не разговаривали, только пыхтели-покрывали, устанавливали «ребра» насосного блока. Изогнутые трубы были горячие, как песок под ногами, голой рукой не возьмешь.

Наконец Ник сказал:

— Ничего не знаю гнусней пустыни, пожевал я песка на своем веку.

— Однажды мне попалась на глаза интересная статья в каком-то журнале, — отозвался Корин, — об эксперименте в пустыне. Довольно подробная, живо написанная корреспонденция из Дамаска. С комментариями и фотоснимками.

— Я был в Дамаске, ни черта особенного.

— Погоди. Ученые предложили для сохранения влаги в почве на юге Аравийского полуострова уложить на глубине около метра трехмиллиметровый слой асфальта.

— Пустая трата бешеных денег, — сказал Ник и сплюнул.

— Опыт пока проводят на небольшой площади. Представь, если он даст обнадеживающие результаты, многие тысячи гектаров бесплодной почвы можно будет превратить в зеленые пастбища.

— Пустыня сожрет кого хочешь вместе со всеми

экспериментами. Меня воротит от всех этих бредовых затей.

— Напрасно, — сказал Борис, — когда-то и мечту о полете в космос кое-кто считал бредовой. Космос, не плешинка песка на махонькой нашей планете.

Ник махнул рукой, полез в нагрудный карман, вынул горсть костяшек и протянул Корину со словами:

— Пока они не превратили наше пекло в цветущий оазис, будем бороться с пустыней старым, испытанным средством бывалых людей.

— Что это?

— Персиковые косточки. Держи во рту, спасает от жары и жажды.

— Впервые слышу. Ты не шутишь?

— Нисколько.

— Похвальная предусмотрительность. Спасибо.

— Старая привычка, — улыбнулся Ник, — приучили в «Тексако Галф». Там были ребята стреляные куда больше, чем Матье.

— Слыхали, — сказал Борис, — консорциум известный.

— Нефтяная банда первый сорт.

— Ты работал на них?

— Вроде этого.

— Ну и как?

— Да уж поднабрался кой-чего, — Ник снова ухмыльнулся, — вот косточками могу притупить жажду, чтобы не пить без конца. Лишняя вода в такую погоду — большой вред, верно?

— И много у тебя припасено?

— Как только услышал, что подадимся в Аномо, мигом слетал за ними в город. Помнишь?

— Ты из лагеря, а к тебе гость на «джипе». Жалел, что не застал твою замечательную личность.

— А, меньше б их видеть, благодетелей.

— Значит, ездил в город за гостинцем, не по важному делу. Сачок ты, братец, ситцевый.

— То есть? Не понял, кто?

— Объяснить сложно. Это титул такой. Почетный. Для тех, кто ловит сачком бабочек, чтобы другим нескучно было пупы надрывать.

— Ты, шеф, злопамятный.

— Да нет, — сказал Борис, — просто не люблю сачков.

— Хороша благодарность за спасение от жажды.

— Ладно, проверим твоё средство, — примирительно молвил Борис, отправляя косточку за щеку. — Много добыл?

— Нам с тобой хватит. С Матье не пропадёшь.

— Ты хотел сказать — всем, верно?

Ник посмотрел на Бориса и разразился смехом не менее громким, чем недавний смех Корина в разговоре о знании иностранного языка.

22

Даги Нгоро распорядился, чтобы башмачника с площади Освобождения доставили в управление немедленно и без лишнего шума.

О своём внезапном решении лично встретиться со стариком Нгоро не предупредил Киматаре Ойбора, и это было в известной мере нарушением профессиональной этики, хотя, разумеется, старший инспектор уголовной полиции, капитан, глава управления крупной столичной зоны волен поступать как считает нужным.

Никто не придавал этому факту особого значения. Тем более что следователь отсутствовал по каким-то причинам.

Надо сказать, дело об убийстве полицейского и специалиста нефтяной геологии до сих пор оставалось главной темой кабинетных и коридорных толков сотрудников. Исход розыска, который, по мнению большинства, ветеран Ойбор вел слишком замкнуто и вяло, интересовал каждого, кто дорожил честью мундира.

Поэтому все более и более активное вмешательство капитана в ход расследования даже вызывало молчаливое одобрение, особенно офицеров, которые уже решили, что их хваленый кавалер трех золотых лент, вероятно, не в силах справиться с головоломкой и начинает в ней «проваливаться».

Итак, вопреки былой просьбе сержанта и в его отсутствие Даги Нгоро приказал доставить к нему старика.

Привезли башмачника не скоро, что понятно, если взять во внимание его своенравие и строптивость.

Нгоро встретил его радушно. Усадил, поднес стопочку казенного коньяка, от которого, правда, тот наотрез отказался, ругаясь при этом, как торговка, которой наступили на ногу.

Старший инспектор терпеливо выжидал, пока стихнут возмущенные вопли старика, и со всей теплотой, на какую только был способен, сказал:

— Наш человек доложил, что вы беретесь опознать машину, если ее вам покажут. Вы не станете этого отрицать, уважаемый?

— Ваш осел, а не человек! — взвизгнул башмачник. — Он поклялся, что меня оставят в покое! И что же? Меня тащат в полицию через весь город, как преступника! Где его клятва?

— Он не виноват. Он не знает, что вас побеспокоили, так же как я не знал о его обещании вам.

— Везите обратно!

— Непременно, уважаемый, но, поскольку вы уже здесь, давайте побеседуем немного.

— Не желаю я беседовать! Меня заказчики ждут! Кто мне возместит убытки? Везите обратно! Не жалеете старого человека! У меня все больное!

— Жаль, что вы не хотите услужить нам в последний раз, — сказал Нгоро, — я слышал о вас как о мудром и ученом патриоте. Несмотря на свой, прямо скажем, преклонный возраст, вы известны стране как один из наиболее образованных и всезнающих граждан. Поверьте в мою искренность. Мне даже кажется, что мы где-то встречались.

— А мне не кажется, — несколько мягче отозвался старик, на которого, по всей вероятности, произвела некоторое впечатление новость о его широкой известности.

— Значит, я ошибся, — слегка огорчился Нгоро.

— Впервые тебя вижу, сынок, — сказал старик почти ласково. — Отпусти меня с богом, а то моя старуха помирает от страха. Сроду не имели с полицией дела.

— Вы уж простите, отец, всего несколько минут. Будьте добры.

— Хорошо. В последний раз?

— Даю слово. Сразу видно образованного человека. Вы ведь раньше служили у крупного фармацевта?

— Да, у него были свои плантации папайи и большая фабрика по производству целебного экстракта. Если у тебя бывало несварение желудка, ты, наверное, пользовался нашей продукцией. Мы экспортировали папайю даже в Европу. Я дважды выезжал туда с хозяином.

— Это неплохо, что вы с любовью вспоминаете того, кто дал вам возможность увидеть свет и наделил знаниями.

— С любовью! Будь он проклят, осел! Зря позволили ему удрать!

— Согласен с вами, — сказал Нгоро, — и рад, что вы так реагируете на мою шутку. А отчего, простите, вы впоследствии сменили фармакологию на уличное ремесло?

— Это мое дело. Тебе не о чем больше спрашивать?

— Виноват, отвлекся, уважаемый. Скажите, вы действительно смогли бы опознать машину, если бы увидели снова?

— Может быть, и узнаю, — нехотя просипел башмачник, — по звуку. Тогда было темно. Тьфу!.. Неужели не надоело?

— Позвольте, тогда вы утверждали, что успели заметить и цвет и марку автомобиля.

— Да.

— Вы уверены в своих предыдущих показаниях?

— Да.

— Имейте в виду, дача ложных показаний карается...

— Я пошел, — сказал старец и поплелся к двери, бормоча проклятия вперемешку с ругательствами.

Нгоро рассердился, он бросился за ним и загородил дорогу.

— Не испытывайте терпение властей! Только уважение к вашему возрасту сдерживает меня, не то приказал бы арестовать за дерзость и уклонение от гражданского долга.

— Закон был бы на твоей стороне?

— Да.

— Выходит, ты вправе посадить меня за решетку?

— Да.

Старик вернулся и сел со словами:

— Ладно, давай потолкуем впустую. Мне некуда спешить, меня не ждут заказчики, так?

Нгоро тоже опустил в свое плетеное кресло. Воцарилась гнетущая пауза, нарушаемая лишь недовольным сопением обоих.

Наконец Нгоро сказал:

— Раз вы могли бы признать автомобиль, может, все-таки припомните и того, кто в нем уехал? Хоть что-нибудь. Какую-нибудь особенность, кроме цвета кожи. Подумайте.

— Я уже говорил, белый вроде прихрамывал. А второго я не разглядел. Того, за рулем.

Нгоро вдруг открыл ящик стола и вынул две фотографии. Луковского и Ника Матье.

— Взгляните-ка, его тут нет? Захромать можно и нарочно.

— Он, — сказал старик, ткнув пальцем в фотографию Луковского, и отвернулся, играя желваками.

Даги Нгоро с минуту ошеломленно смотрел на него, затем произнес:

— Подтвердите письменно.

— Как бы не так. Хватит валять дурака.

— Почему?

— Этот не враг, и ты знаешь это не хуже меня. Хватит валять дурака со старым, больным человеком!

— Спокойно. А второй?

— И второй — он. И третий, четвертый, пятый, все — он.

— Вы знаете второго, я спрашиваю? — загремел Нгоро, вскакивая.

Башмачник испугался.

— Не знаю, — быстро сказал он, — и знать не хочу. Я хочу домой.

— Ну хорошо, — обессиленно молвил Нгоро и снова плюхнулся в кресло, уронив руки на стол, — оставим... поговорим о другом. У меня к вам предложение... поручение, то есть просьба. Выслушайте спокойно.

— Спокойно? Теперь о другом? Все сначала? — внезапно разразился старец. — Не знаю я никого! Зато все вы на один манер! До тебя тут сидел один! Тоже любитель приставать к честным людям! Нос задрал, как выбился в полицейские! Вырос на моих глазах! Мальчишка! Я еще деда его знал! И он, и его несчастный отец были каменотесами! А туда же, нос задирать! Ты вроде них! Ну какой из тебя полицейский? Каменотесы! Убийцы разгуливают на свободе, а честных граждан ты пугаешь тюрьмой! Что ж, так мне и надо! Сам, старый осел, впутался в эту историю! Куда теперь деваться? Давай приказывай! Поручай! Проси! Умоляй! Я готов!

— Как вы относитесь к переселению?

— За что?.. — уже чуть слышно прошептал башмачник.

— Да нет, уважаемый, — Нгоро успокаивающе взмахнул руками, — вы меня не поняли. Я имею в виду временное переселение. Временное переселение вашей мастерской.

— Зачем, ваша милость? Мне и на площади хорошо. Не годится вам, такому доброму и большому начальнику, обижать слабого старика.

— Уверяю вас, это временно. Сейчас все объясню.

— Слушаю внимательно, готов всегда и во всем оказывать посильную любезность, — пролепетал башмачник, — только, если можно, выключите эту штуку, — он повел головой в сторону магнитофона, — у меня уши болят от скрипа ее катушек. И, если нетрудно, глоток воды, пожалуйста.

23

В новый лагерь нефтяников, с большим трудом преодолев сыпучие пески, колонна грузовиков доставила мешки с цементом и глинистым порошком.

Гордые своим отважным рейсом, шоферы в армейской форме степенно, по-хозяйски осмотрели натруженные машины с окрашенными в маскировочный цвет кузовами, сменили воду в радиаторах и принялись дружно сгружать мешки, аккуратно складывая их неподалеку от выбросита буровой, как проделывали это в свое время на старом месте.

Сергей Гринюк, Габи и Джой ставили палатки. Неподалеку от них, укрывшись в тени складского тента, буррабочие Лумбо и Даб промывали в тазу с соляжкой детали разобранного движка.

Все остальные члены экспедиции находились на вышке, наводя там, как говорится «последний лоск».

— Для чего глина? — спросила Джой, у которой уже вошло в привычку то и дело задавать нефтяникам вопросы, а для них стало привычным отвечать любознательной стряпухе.

— Из глинистого порошка получается раствор, обязательный в бурении, — сказала Габи без особого энтузиазма.

— А цемент?

— Цементировать устье забоя.

— Ничего не понимаю, — сокрушалась Джой. — Прочитала массу книг, а все равно не понимаю.

Хорошенько закрепив дно последней палатки, Сергей предоставил женщинам заниматься верхними растяжками самостоятельно, сам же поспешил на помощь

ссорящимся над тазом рабочим, утирая на ходу обильный пот рукавом и восклицая:

— Ну мороз, аж пар идет!

— Точно, как паровоз! — крикнула ему вслед Джой.

— Что, старатели, не клеится? — весело обратился Сергей к рабочим.

— Лумбо мешает, бвана, — сказал Даб.

— Нет, это Даб мешает, не умеет, — сказал Лумбо.

Сергей присоединился к ним, приговаривая:

— А ну подвиньтесь. Эх, варенички вы мои красивые, одна голова хорошо, а две, как погляжу, еще хуже. Долой антагонизм, вы же пролетарии всех стран! Да не три ты глаза соляжкой! Ну артисты. Сейчас разберемся в железяках, без паники, братцы...

— Я вам приготовлю сюрприз, — сообщила Джой дизелисту, — обязательно приготовлю. Скоро.

— Опять борщ из кукурузы?

— Представьте себе... — Девушка выдержала паузу для пущего эффекта и выпалила: — Вареники! С картофелем! Мне Габи объяснила!

— Да ну! — обрадовался Сергей. — Уважаю женский пол в международном масштабе. Хотя картошку здешнюю, извиняюсь, не уважаю, слишком сладкая ваша картошка.

— А я присолю хорошо, — пообещала Джой, — будет вкусно, не сомневайтесь. Уж постараюсь для вас.

Сергей Гринюк, огромный, плечистый, распрямился, растопырив измазанные мокрые пальцы, сдвинул брови, вперившись взглядом в бликующую чернь солярки в тазу у его ног, сказал негромко и мечтательно:

— Моя жиночка харч готовит капитально. И дочки мастерицы, вылитые она, Люба. В отпуск не успел нарадоваться на них. Ничего, осталось недолго, деньков через сорок-пятьдесят, думаю, пошабашим — и домой, на Днепро... Четыре года на конкретную солидарность — нормально.

— Так вот от кого вам пришли письма с картинками, — сказала Джой. — Сколько же у вас дочек?

— Аж две! — оживился дизелист. — Умницы, учатся капитально. Одна в третьем, другая в первом. С уклоном по математике. Младшая еще и в музыкалку пошла — на скрипке. Умора! В отпуск прилетал — пиликает, как напильником, а Люба на нее умиляется до слез. Эх братцы-бабоньки, без семьи погано.

Лумбо толкнул его в колено. Сергей спохватился,

посмотрел на Габи, которая застыла с провисшей растяжкой в руке, печально глядя в одну точку.

В сухом, безветренном воздухе слышался позвякивающий перестук работы на вышке и у водонасоса. Глухо доносились голоса рабочих, рывших и облицовывавших отстойники. Какие-то необычайно храбрые птицы облепили ажурную сталь «бэушки» и любопытно посвистывали с хрипотцой, будто приветствовали невидаль в своих владениях.

Подойдя к Габи Амель, Сергей положил ей руку на плечо и сказал:

— У тебя, Габи, тоже растет исключительный хлопчик. Орел, вылитый батя. Вырастет нефтярем наш малыш, как Банго. Банго начал, а его сын продолжит. Еще как, помани мое слово. На то и рожаем детвору, чтоб нас продолжали...

— Лучше рожай движок быстро, — заворчал Лумбо, — полоскаемся в солярке без толку. Надо к вечеру собрать и опробовать. Обермастер рассердится.

— Слыхали? — Сергей всплеснул руками. — Уже яйца курицу учат, как надо с железом. Всякий двигатель ни мыть, ни собирать на тяп-ляп не годится. Сперва помозгуй, потом навинчивай.

— Помоги, — сказал Даб.

— За что я вас обожаю, вареники, — улыбнулся дизелист Лумбо и Дабу, — так это за самостоятельность. Ученички мои капитальные! С вами на сдельной бы вкалывать! По миру бы пустили, виртуозы вы мои непревзойденные!

— Нерадивым не дам вареники, — рассмеялась Джой, подмигнув Сергею.

— Молодец, куховарочка, надо их воспитывать со страшной жестокостью, пусть сидят на бобах и каше по-прежнему, да на консервах, да на лепешках своих, да на супах твоих, да...

— Что?! — В нарочитом гневe Джой выпучила глаза и показала насмешнику кулак. — Вам не нравятся мои супы? Трепещите, я вне себя!

— А мне нравятся, — заявил Даб. — Когда обед?

— Вот, вот, я ж говорил, работнички! — потешался Сергей, поглядывая на Габи с надеждой расшевелить ее хоть немного, отвлечь от печали. — С едой биться — богатыри, а с несчастным движком — ни с места. Только в солярке вывозились, как поросята.

— Лумбо мешает, — сказал Даб.

— Даб мешает, — сказал Лумбо.

— Ладно, старатели, знаю, что вам мешает, так и стреляете глазами на вышку. — Сергей милостиво отстранил их от таза. — Бегите туда, так и быть, сам управлюсь.

Радостно подскочив, они помчались к буровой, словно спринтеры к финишной ленте на стометровке. Оно и понятно, там куда приятней, чем возиться в тазу с деталями по соседству с женщинами.

Джой ласково обняла Габи и тихо сказала:

— Почему ты не вызовешь сынишку к себе? Мы бы все очень его любили, уверена.

— Арбат еще мал для пустыни. Он у меня единственный...

— Ах, как хорошо, когда рядышком дети! — воскликнула девушка. — Они такие забавные, просто пролесь! Дети — это такое счастье! Я бы тоже хотела мальчика.

— У тебя все еще впереди.

— Слушай, Габи, и правда, не нужно так... ты же сильная, я знаю. Иногда я просто поражаюсь, какая ты сильная и смелая. И добрая. Тебя все так любят и уважают, прямо завидно, слово чести.

— Придержи-ка, пока натяну, — сказала ей Габи с грустной улыбкой, передавая веревку и выбирая колышек понадежней, — ты славная девочка, Джой, я рада, что ты с нами. А завидовать мне не нужно. Мы с малышом осиротели навсегда.

— Ты еще очень молодая, — с жаром возразила Джой, — и очень красивая. А жизнь впереди долгая.

— Спасибо тебе. Только в моем доме иного не будет. И не говори ничего, пожалуйста. Ведь ты не знаешь, какой это был человек.

Между тем шоферы грузовиков управились с мешками, сложив их в аккуратную пирамиду, и, прогудев на прощание сигналами, повели свою колонну в обратный путь. С ними уехали некоторые подсобные рабочие, они уже не нужны были в экспедиции. Практически подготовительный период уже завершился, предстояло бурение.

Опережая спускавшихся по трапику вышки товарищей, Борис Корин возбужденно прыгнул к Нику Матье на палубку насосного блока, швырнул под ноги рукавицы и крикнул:

— Ну, братцы, скоро начнем буравить!

Капитан Даги Нгоро был явно не в духе. Он устроил в управлении настоящий разнос. Обошел все служебные комнаты, придираясь ко всякой мелочи, раздавая выговоры направо-налево, чего никогда не делал прежде.

Новый начальник вообще-то слыл человеком терпимым к несколько вольной и слегка панибратской атмосфере на службе, он не раз высказывался в том смысле, что дух товарищества куда полезней муштры. Однако высказывания эти, несмотря на внешнюю их привлекательность, в конечном счете не принесли отрадных результатов, ибо каждый склонен был трактовать их по-своему.

Дисциплина пошатнулась, и сам Нгоро скоро понял это.

Сегодня он был просто взбешен, когда часовой у входа при виде капитана приветствовал его совсем уж бульварным поклоном вместо того, чтобы отдать честь, как предусмотрено уставом.

Неосмотрительная развязность часового породила бурю.

Нгоро приказал выстроить весь личный состав, обошел строй и разнес в пух и прах внешний вид рядовых и офицеров.

Затем он в сопровождении притихших заместителей осмотрел помещение, вновь велел выстроить людей и произнес короткую, но весьма внушительную речь, смысл которой сводился к тому, что отныне он не потерпит беспорядка и разгильдяйства.

— Полиция республики не сборище каменотесов, а образец служения интересам народа! — заключил он.

Пристыженные и удрученные полицейские, едва их отпустили, с особым старанием принялись за дела, не открывая рта для посторонних разговоров.

Даги Нгоро долго еще грохотал, распекал, возмущался, закрывшись с заместителями в своем кабинете.

Его было не узнать. Нет, этот взрыв не обычная головомойка для профилактики. Каждый почувствовал, что капитан всерьез намерен разом покончить с нарушениями дисциплины.

Поостыв немного, все пришли к выводу, что начальник прав, хотя и был на удивление резок, а порой и не-

справедлив, обрушивая свой внезапный, так не вяжущийся с его репутацией гнев на всех поголовно.

Сам же он, казалось, был не меньше других огорчен вынужденным конфликтом с подчиненными, однако весь его вид говорил о готовности поступиться собственным настроением ради интересов службы и чести вверенного ему управления.

Отпустив заместителей с наказом не беспокоить его в течение двух часов, Нгоро прослушивал записи всех допросов по делу Банго Амеля и полицейского из отряда охраны дипкорпуса.

Некоторые ленты он прослушивал по несколько раз.

Между тем у его заместителей, покинувших кабинет начальника управления, произошел такой разговор.

— Капитан думает, будто никто не догадывается, что он занялся расследованием параллельно с Ойбором.

— Чудак, не доверяет старику.

— Не может смириться с тем, что дело об убийстве полицейского и нефтяника поручили простому сержанту.

— Ну, положим, дед первым вышел на дело, убийство случилось в его дежурство, вот он и завелся, выхлопотал разрешение. К тому же у него репутация и опыт в распутывании таких дел. Зря наш капитан насупился, зря, дед Ойбор не просто сержант, а сержант с тремя золотыми лентами, это, братец, не что-нибудь. Я лично снимаю шлем перед Ойбором.

— Правда, что деду присвоят офицерское звание, едва подаст рапорт на отставку по возрасту? Для пенсии, а?

— Говорят, указ уже давно заготовлен. Ну и оригинал наш Кими Ойбор, король оригиналов! Надо же, всю жизнь зубами держаться за сержантство! Каких чудес не бывает на свете!

— Интересно, кто из них раньше раскрутит это дело об убийстве на площади — Ойбор или Нгоро?

— Кто его знает... Пусть конкурируют, а мы посмотрим, чья возьмет. Хочешь пари?

— Нет. Просто любопытно. Спортивный интерес.

— Нашел спорт... Хотя, конечно, интересно, кто из них скорее придет к финишу. У деда опыт, но и у Нгоро голова работает, как видно, если на два часа сам себя запер в такую жарницу. Соображает, поди, анализирует наш грозный Шерлок Холмс.

Покончив с прослушиванием магнитофонных запи-

сей, капитан потребовал к себе Киматаре Ойбора. Когда же капитану напомнили, что сержант отсутствует, поскольку ему предоставлено право на свободу действий по личному распоряжению окружного комиссара, Нгоро чертыхнулся. Хлопнув в сердцах дверь, он спустился в гараж, где стоял его личный «джип».

Капитан вскочил в машину и лихо выехал в город, еще раз восхитив сотрудников своим незаурядным умением управлять автомобилем.

Около часа петлял он по лабиринту улиц и переулков, впившись внимательным взглядом в зеркало заднего вида, прежде чем остановиться возле телефона-автомата в одном из тихих и удаленных от центра районов.

Проговорив по телефону не больше минуты, скорее всего отдал какой-то приказ, тотчас же отправился в ближайшее бистро, где долго сидел за чашкой остывшего кофе, смущая других посетителей своим присутствием.

Снова отправился к телефону, набрал номер, назвал, выслушал что-то от того, кому звонил, и, заметно повеселев, бросил:

— Отлично! Благодарю!

Теперь уже гнал свой «джип» через весь город с уверенностью человека, точно знающего маршрут.

Машину Даги Нгоро оставил под крайними деревьями сквера, нисколько не беспокоясь, что она открыта и в ней лежат кой-какие вещи, соблазнительные для воришек: полицейская машина, как правило, только отпугивает таковых. Сам же зашагал через лужайку, на которой прогуливались хворые люди в клейменных халатах, прямо к зданию больницы.

Там он легко разыскал русского доктора Светлану, представился ей, будто забыл, что уже виделись мельком, когда однажды приезжал в советское посольство, и сказал, не жалея улыбки:

— Хочу вас просить, мемсаб, передать вашему другу, уважаемому Виктору Луковскому, чтобы он был любезен позвонить мне вот по этому номеру. — Нгоро передал ей свою визитную карточку. — После девяти, вернее, с половины десятого, с нетерпением буду ждать его звонка. Пожалуйста, очень прошу.

— Простите, а в чем дело, я могу узнать?

— Уверяю вас, нет и малейшего повода для беспокойства. Просто возникла необходимость в интересах

общего дела перекинуться парой слов с человеком, у которого угнали и разбили автомобиль.

— Насколько мне известно, уже перекидывались, и не раз. Чего вы хотите?

— Поговорить, не больше. Удивлен вашей беспричинной настороженностью. Такой пустяк.

— А почему вы обращаетесь ко мне, а не официально?

— С таким пустяком беспокоить высокоофициальных лиц? Если вы настаиваете, я откланяюсь с извинениями. — Нгоро разочарованно и недоуменно пожал плечами. — Я проезжал мимо и решил воспользоваться моментом, забежал на минуту с этой маленькой просьбой, даже не подозревая, что она вызовет у вас возражение. На стройку к Виктору Луковскому ехать значительно дальше. Что ж, извините за напрасное беспокойство. Хотелось бы только сказать на прощание, что идет следствие, которое пусть косвенно, но все же касается дружественного нам представительства, и нам хотелось бы скорее реабилитироваться в глазах друзей за известный вам инцидент. Хозяева всегда чувствуют ответственность за любые, даже случайные, неприятности гостей. Поэтому, повторяю, озабоченные поисками преступника, иной раз мы вынуждены обращаться за помощью ко всем, кто может ее оказать.

— Хорошо, я передам вашу просьбу послу.

— Благодарю. Но лучше бы лично советнику Луковскому. Прошу вас, не забудьте передать о половине десятого, если он будет звонить мне.

— Передать, не забуду, — пообещала Светлана, — разумеется, если он не задержится в Аномо. Виктор Иванович уже третий день в экспедиции, там, насколько мне известно, приступают к бурению.

— О, приятные новости! — воскликнул Даги Нгоро. — Пожелаем им успеха!

Они шли по длинному, залитому светом коридору, то и дело прижимаясь к стене, чтобы пропустить коляску с больным, санитаров с носилками или чрезвычайно сосредоточенную темнокожую сестрицу милосердия в хрустяще крахмальном белом халатике и кокетливо повязанной косынке с красным крестиком.

На пороге Светлана не утерпела и заметила:

— Еще недавно вы просили наших сотрудников быть предельно осторожными и внимательными на улицах, пока преступники не пойманы. Намекали на ве-

роятность заговора врагов республики против экспедиции нефтяников. Даже посетили посла по этому поводу.

— Каюсь, грешен, — смиренно сложив ладони и воздев очи к безукоризненно выбеленному потолку, шутливо произнес старший инспектор, — но нет правил без исключений. Не волнуйтесь, это будет сущий пустяк, настолько крохотный пустячок, что я не стал, как видите, обременять вас подробными объяснениями.

— Все равно не могу разделить вашего радужного настроения.

— Вы заблуждаетесь, мемсаб, в полиции самые не веселые люди. Нам слишком часто приходится соприкасаться с печальными вещами. Так что форму поведения не следует воспринимать как истину.

— Интересно, а как?

— Убежден, вам это тоже хорошо знакомо. Из гуманных соображений врач обязан с ободряющей улыбкой утешать даже заведомых покойников.

— Странная аналогия, — сказала Светлана.

— Не придавайте значения моей отвратительной способности иногда выражаться туманно.

— Одного не понимаю, зачем вам нужно лишний раз волновать Виктора Ивановича, зачем?

— Дело не в том, что огорчительно живучи вздорные слухи о его непосредственном отношении к выскочившему якобы из ворот посольства автомобилю, — сказал Нгоро. — Дело в том, что убийц полицейского, а также нашего инженера и вашего друга необходимо поскорее найти. Печать уже начинает выступать с неприятными для полиции публикациями. Найти, и немедленно, — вот первейшая обязанность.

— Обязанность соответствующих органов.

— Факты есть, а связать их пока не можем, — продолжал Нгоро. — Мы решили, признаюсь, выяснить одну, как нам кажется, важную деталь. Для этой цели подходит лучше всего европеец, но такой, который неизвестен хозяевам и завсегдатаям всякого рода сомнительных заведений. Иными словами, требуется небольшая услуга разумного и смелого человека, каким нам представляется Виктор Луковский.

— Не скрою, — тихо сказала Светлана, — если это хоть в какой-то мере небезопасно для него, я вам не союзница.

— Абсолютно безвредно, — заверил Нгоро, — оказывая республике большую помощь в хозяйстве, ваш

будущий супруг не откажет, надеюсь, в попутной маленькой услуге на пользу покоя и благополучия местных жителей.

— Супруг? Бог с вами! Виктор Иванович закоренелый холостяк. Да и мне уж поздно замуж. С чего вы взяли?

— Отпираться бессмысленно, — таким нарочитым «полицейским» тоном прорычал Даги Нгоро, затем дружески помахал рукой и ловко, точно шаловливый подросток, сбежал по ступеням и быстро зашагал к скверу, где стоял его криво исполосованный зеленой и желтой красками «джип» с множеством трещин и заклеек на ветровом стекле.

Он поехал в главное управление, чтобы поделиться с окружным комиссаром своим планом действий.

Сами по себе новые идеи Нгоро не вызвали возражений со стороны высокого начальства, однако одно высказывание капитана обернулось для него строгим выговором. Комиссар отчитал его настолько сурово, что Нгоро тут же бросился к телефону.

— Говорит капитан Даги Нгоро. Покорнейше прошу извинить за мой абсолютно ошибочный визит. Забудьте, прошу вас, и о нашем разговоре. Желаю успеха вам и вашим... нашим друзьям в Аномо.

— Спасибо. Но... странно... — недоуменно обронила Светлана.

— Все спокойно, просто у нас тут изменились некоторые обстоятельства, так что забудьте о моей просьбе. Извините.

25

Грохот бурения потряс вековую дремоту пустыни. Панически мчалось, взрывая песок, стадо лосиных антилоп.

За пультом бурильщика, заступив на первую вахту на новом месте, Борис Корин задавал темп, которому предстояло держаться много дней и ночей, ибо процесс бурения беспрерывен.

Вращался ротор. Азартно орудовали тяжелыми, как ручищи сказочных циклопов, буровыми ключами молодые и грациозные в движениях африканцы — помбуры, черные, переливающиеся влажными бликами, как сама нефть, желаннейшее из земных сокровищ моторизованного нашего века.

Четки, расчетливы действия верхового, ловко управляющегося с крюком и канатом, удерживая «свечи», в своей люльке, что вознеслась в поднебесье на стальной вышке, подобно бочонку впередсмотрящего на гордой мачте плывущего в морском безбрежье корабля.

Песчаные волны застыли, поблекли под ногами ревущего чудища. Звонкое эхо могучей работы понеслось в неоглядную древнюю ширь вместе с запахом дыма и возгласами людей. Испуганно шарахались на лету птицы, раскололась, рассыпалась, сгнула прочь тишина.

Человек всемогущ, как время. Грохотал и звенел его труд, словно трубными звуками возвещал о начале грядущего в жарких и некогда проклятых этих краях.

Точно обезумевшие мчались антилопы.

26

Утренний поезд едва успел подойти к перрону, как тут же на крошечную привокзальную площадь влетели два «харлея», подняв пыль и потревожив крестьян, гнавших скот к товарным вагонам.

Мотоциклы были без глушителей, трещали так, что могли бы повергнуть в панику целое войско. В одном из прибывших на адских трещотках Ойбор узнал старого приятеля Бвераму, капрала.

«Не нужно было мне оповещать этого сумасброда о своем приезде, — с досадой подумал Ойбор, — прикатил с помпой, будто встречает президента, старый чуда-да, не хватает только петард и хорового пения».

Чтобы избежать шумной встречи, Ойбор, которому не хотелось афишировать свое появление в этом провинциальном городишке, пробрался по вагонам в самый конец поезда, вышел, прячась за спинами, и поспешил прочь.

Станцию и сам городок, в котором насчитывалось всего около трехсот домов, разделяли довольно обширные плантации сизаля. Местной достопримечательностью как раз и была единственная фабрика-кормилица, на которой весьма кустарным способом из листьев агавы добывали волокно и не менее примитивно изготовляли из него грубые ткани и веревки.

После трех с половиной часов тряски в железнодорожной развалюхе Ойбор испытывал неодолимую усталость. Отправляясь сюда, сержант предполагал вер-

нуться в столицу в тот же день двенадцатичасовым и заранее приобрел билет на обратный путь.

Между станцией и городком курсировал автобус, доставивший Ойбора к домику на горе, где жил недавно овдовевший начальник местного полицейского отряда, состоявшего из шести, но стойких и шестидесяти бывалых молодцов, капрал Бвераму.

Киматаре Ойбор снова пожалел, что дал телеграмму, что капрал с излишним шумом прикатил его встречать, да еще и напарника прихватил. Он очень об этом пожалел, потому что дверь жилища, в котором рассчитывал перевести дух после утомительной дороги, естественно, была заперта — хозяин отсутствовал.

Ойбор уселся под деревом на мягкой траве, с удовольствием прислонясь к теплomu стволу спиной и вытянув ноги.

Он вдруг почувствовал себя старым и слабым. Настолько, что не ощутил ни малейшего возбуждения от перемены места, ни малейшего интереса к новизне окружающего, ничего похожего на те чувства, какие сопровождали ему в подобных случаях еще совсем недавно.

Внизу сгрудились пятнышки красных крыш, будто кто-то сгреб их лопатой к прокопченному корпусу фабрики. Над фабрикой поднимались дымки, в безветренном небе они были строго вертикальные, прямые, как натянутые канаты, и от этого казалось, что фабрика и облепившие ее домишки подвешены к небу.

Серпантин серой грунтовой дороги опутывал гору, усыпанную такими же выгоревшими на солнце красноватыми крышами, как и внизу, у подножия горы домишек было погуще.

На склонах повыше, где пестрели растительностью естественные уступы, паслись домашние животные. Там, в редких впадинах, поблескивали зеркальца воды, сохранявшейся в каменистых «блюдцах» от дождя к дождю.

Мирно и тихо было вокруг. Настоящая идиллия, столь желанная к старости, жаждущей покоя.

Неужели и ему, Киматаре Ойбору, начинает приходить мысль о покое, о тихих рассветах без спешки и бритья за завтраком, о прохожих на улицах, за которых не надо прятаться, следя за чьей-то спиной, о газетах без его имени в уголовной хронике и удобном шезлонге в тени, о детях и внуках, которых нет, неужели пришло время скорбеть об этом?

Что оставил он в прожитых годах? Юность, молодость, зрелость и силу.

Что дала ему жизнь? Десятки тяжелых ран, изуродованное предплечье, боли в сердце и бессонницу.

Он видел столько людской грязи, столько подлости, лжи и жестокости, столько алчности и лицемерия, глупости и бесчестия, что иному бы в пору свихнуться или потерять веру в подобных себе.

Но он верил и знал всегда и незыблемо: человек — это чудо, как жизнь, прекрасней которой нет ничего, не было и не будет. Потому он боролся со всем, что хотело испачкать прекрасное чудо жизни.

Да, он видел многое, он считал всех, кто избрал своим делом борьбу с пороком, лучшими из людей. Он так считал, старый служитель порядка, черно-рабочий этой благородной и часто неблагодарной службы.

Он был из тех блюстителей закона, чья совесть чиста, не запятнана несправедливостью или преступным холуйством, и он спокойно оглядывал далеко не спокойные годы былого.

Он убивал? Да. Четырежды в своей жизни. Три раза, защищая собственную жизнь, и однажды, спасая чужую. Все четверо павших от его руки были не люди — звери в человеческом обличье.

И еще он прицельно стрелял, сражаясь на стороне восставшего народа. Сражаясь с теми, кто когда-то пришел на землю его предков, чтобы отнять у его народа свободу и свет, кто долго держал эту землю за горло, грабил ее, но кричал, что лелеет, и держал на цепи невежественных и обманутых аборигенов, беспомощных в своей слепоте.

Был ли он, Киматаре Ойбор, всегда таким зрячим, как ныне? Нет, не всегда. И юность и молодость были покорны казавшейся естественной и предначертанной богом судьбе чернокожих собратьев, не ведавших, как и он, познающего взора на мир за пределами собственной обители.

Немало ранних лет его службы были ошибочными и наивными. Однако и тогда он сумел сохранить свою честь и совесть в чистоте.

Сидя под деревом и глядя на тихий и мирный городок у его ног, Киматаре Ойбор не думал о покое, вовсе нет. Уже немало дней его не оставляли тяжкие раздумья лишь об одном, о том, что казалось невозмож-

ным, чему не хотелось верить, как не верят в предательство близких...

Послышались, стремительно нарастая, рев смертельно раненных слонов, дикое рычание львов, беспорядочная пальба и взрывы — это выдавший виды «харлей» сообщал о своем приближении, неся в седле молодцеватого капрала Бвераму.

Мотоцикл легко взял последний крутой подъем, развернулся у дома и, лихорадочно вздрогнув, замер.

— Вот он где! — заорал Бвераму, завидев идущего к нему сержанта. — А мои ребята прочесывают округу! Как это мы тебя прозевали? Ты что же, не поездом?

— Поездом, — рассмеялся Ойбор, — как увидел парад и салют в мою честь, панически бежал от тебя задами.

— Хоро-о-ош, ничего не скажешь! В кои века гость из столицы и, надо же, прячется от старых друзей, сорвал мне радость встречи! Ну, дай обниму, дружище! Мы уж думали: забыли о нас! С облавой, поди, прикатил? Инспектировать?

— Тебя повидать, и только, — сказал Ойбор, следя, чтобы атакующий Бвераму не сломал его кости в объятиях.

— Чудеса! Ай да молодчина наш Кими Ойбор! Надолго?

— Сегодня же двенадцатичасовым обратно.

Сияющее доселе лицо капрала мгновенно вытянулось, он отступил на шаг и пристально посмотрел в глаза Ойбора, но ничего в них не прочел.

— Что случилось? Я тебе нужен?

— Могу я на краю своих лет провести любимого головореза? — снова рассмеялся Ойбор. — Я с трудом нахожу возможность хоть на пару часов заглянуть в его райский уголок, а он делает вид, будто случилось нечто ужасное.

От бурной радости Бвераму следа не осталось. Он лишь вежливо кивнул в ответ на явно натянутые смех и шутку Ойбора и сказал:

— Зайдем в дом, Кими, там есть что пожевать с дороги, там и поговорим.

— У меня, к сожалению, осталось мало времени. Ни есть, ни пить уже не хочу. Давай-ка посидим под деревом, здесь у тебя хорошо.

— Не обижай меня, дружище, я готовился к нашей встрече и рад тебе, ты же знаешь.

— Я тоже рад тебя видеть после... дай-ка прикину...

— Ровно шесть лет, — подсказал Бвераму.

— Да, ровно шесть. Ты уж прости, не настаивай. Посидим здесь, на воздухе. Хорошо у тебя... Жаль, но времени слишком мало. Долго ждал тебя.

— Мог вообще не дожидаться. Я теперь редко заворачиваю домой, даже ночевать предпочитаю в дежурке. Одному, знаешь ли... А как у тебя?

— Моя старуха пока ничего, — сказал Ойбор, — правда, ноги уже подводят, сосуды, что ли. Велела передать привет.

— Спасибо.

Они уселись под деревом, как хотелось гостю.

Легкий, горячий ветерок вдруг дохнул с далекого плато, прошуршал древесной листвой, и всколыхнулись веревки дымов над фабрикой. Изогнувшись несмело, потянулись они оборванными концами от городка в сторону желтовато-зеленых плантаций, к приземистым круглостенным тукули, в которых ютились семьи пастухов и охранников сизаля всей общины.

— Что-нибудь серьезное? — спросил Бвераму.

— Да.

— Я действительно тебе не нужен?

— Уже нет. Все ясно.

— Я всегда не мог понять, что у тебя на уме.

Ойбор сказал:

— Нужно было проверить кое-что, вот и заехал.

— Проверил?

— Да. Узнал, что требовалось.

— Когда же успел? От кого? Тебе известно, мы не приучены тянуть друг друга за язык, — сказал капрал укоризненно, — но и водить за нос своих же не полагается, Кими. Я тебя не забыл и вижу: худо тебе, как бы ты ни темнил.

— Поверь, мне очень приятно, что представился случай повидать тебя, расслабиться чуток на свежем воздухе. Я тоже тебя не забыл. Старых и верных друзей помню всегда, — искренне молвил Ойбор.

— Послушай, хоть мы и старые приятели, верно, но не для того легендарный сыч Ойбор-Гора проделал такой путь, чтобы наспех обнять какого-то заплесневевшего в провинции Бвераму и тут же повернуть обратно. От хлеба моего отказался — ладно, от ночлега — тоже ладно, но с насмешкой над собой мириться совсем

не желаю. Лучше бы вовсе молчал, если мне что-то не положено знать. Было бы гораздо лучше...

— Я узнал от тебя, что хотел, хотя сам ты об этом и не подозревал. И не стоит больше жевать эту тему.

— Бог с тобой.

Помолчали минуту-другую. Ойбор вдруг произнес:

— Та-ак, значит, заплесневел тут, говоришь... Ни единого преступления за шесть лет?

— Похоже, что именно так, — отозвался Бвераму. — Один, правда, возник было с запретными таблетками, но я его живо накрыл. Живем все в ладу. Даже скучно от этого. Тихие, мирные, всеми забытые, и поговорить вдоволь не о чем и не с кем, все на ладони. Одно только и делаем, что гоняем по улочкам, сотрясаем воздух, играем в службу. Махнуть бы отсюда...

— Это хорошо, что играете, а не всерьез.

— Нет, тебя подменили. Или слишком выдохся. Пойдем-ка все же подкрепимся, старина, черт с ним, с поездом, двинешься вечерним.

— Не могу, — твердо молвил Киматаре Ойбор, поднимаясь, — пора, вон и автобус.

— Я тебя сам отвезу, не лишай меня права хоть на это.

— Валяй, так и быть, рискну. Только поставь, будь любезен, глушитель на свой драндулет, если не хочешь, чтобы раскололась моя голова.

27

Когда отставной инспектор закрыл наконец пухлую папку, содержимое которой сосредоточенно изучал в течение почти двух с половиной часов, окружной комиссар, сидевший за столом напротив, оторвался от своего занятия и поднял на него глаза.

— Есть еще вопросы?

— Так точно, госпо... гражданин комиссар. Хотелось бы получить более подробную информацию о моем, хм, новом патроне и его учебном логове. Затем, если можно, еще немного о деятельности пресловутого отдела Африки. Я ведь, признаться, слегка поотстал.

— Хорошо. В общих чертах, — кивнул комиссар и принялся рыться в стопке громоздившихся перед ним бумаг, доставленных в его кабинет накануне вечером из справочного сектора спецслужбы комиссариата, —

детальную инструкцию получите от офицера, которому вас уже представили, инспектор.

— Простите, как вы меня назвали?

— Инспектор. А что?

— Во-первых, бывший, а во-вторых, Ли Джоунс Килдаллен, эсквайр, к вашим услугам! Я верно произнес свое новое имя?

— О да, конечно, мистер Килдаллен, — рассмеялся комиссар. — Браво, инспектор, уже в образе.

— Я вас сдушаю.

— Да, да. Так... За три тысячи долларов Вер-Белл и его десять преподавателей за две недели обучают своих «студентов» двадцати с лишним способам убийств. — Комиссар вскинул на слушателя глаза. — Вы можете назвать двадцать способов, мистер Килдаллен, которым обучаете тех грязных ублюдков?

— Думаю, соображу, если придется назвать. Слушаю вас.

— Их учат обращению с огнестрельным оружием, шпионской технике и другим дисциплинам, которые не проходят ни в одном учебном заведении Соединенных Штатов.

Далее новоявленный «мистер» узнал, что имение Вер-Белла «Кобрей», в котором он якобы провел несколько лет, находится неподалеку от Паудер-Спрингс в штате Джорджия.

По-английски слово «кобрей» производное от «кобры» и «угря».

Штат этого учебного заведения укомплектован бывшими полицейскими, солдатами и шпионами. Среди них, например, флотский капитан — в прошлом коллега Вер-Белла по работе в Управлении стратегических служб (предшественник ЦРУ), а также бывший «джи-ай», на совести которого более сотни убитых вьетнамцев.

В «Кобрее» обучают полицейских, телохранителей директоров крупных компаний и глав государств, членов неонацистских организаций. Естественно, имена «студентов» хранятся в тайне.

Во время второй мировой войны Вер-Белл находился в Китае в качестве американского шпиона. Потом стал международным торговцем оружием и одновременно агентом ЦРУ.

Вер-Белл отрицает свою связь с ЦРУ, хотя и не опровергает слухов о своем участии во многих международ-

ных конфликтах, происшедших в последние тридцать лет.

Вер-Белл считает, что его заведение весьма полезно тем, кто заинтересован в сохранении статус-кво капиталистической системы.

— Вы обратили внимание, что в штате этого враждебного центра подготовки числятся бывшие полицейские? — закончив чтение информационной записки, спросил комиссар.

— Так точно, — кивнул отставной инспектор, — отметил.

— Теперь вам ясно, что послужило толчком для выработки вашей легенды? Неплохой щит.

— В каком смысле, гражданин окружной комиссар?

— Наблюдательный противник всегда угадает полицейского, под кого бы он ни рядился, по множеству неизбежных, кажущихся незначительными проявлений в речи, поведении и облике.

— Абсолютная истина! Примите уважение тертого сыщика. А теперь, с вашего позволения, поговорим о том, что происходит не за морями.

Они перешли к обсуждению злободневных событий на континенте, по возможности связывая их с характером предстоявшего краткого визита «Человека в черном костюме» на побережье Индийского океана, точнее, в Кению.

Данные разведки подтверждали опубликованные разными газетами мира сведения о том, что более сорока резидентур ЦРУ и РУО Североамериканских Штатов под вывесками посольств, консульств и торговых представительств действовали в странах Африки.

Эти шпионские гнезда готовили и осуществляли подрывные операции. Их сотрудники заводили широкие знакомства в дипломатических и журналистских кругах, вербовали агентов среди специалистов, работавших в африканских государствах, привлекали студентов из числа африканцев, обучавшихся за рубежом.

Важнейшая задача этих спецслужб — подготовка наемных убийц и физическое уничтожение прогрессивных политических деятелей, представителей квалифицированного труда и экономические диверсии, обработка средств массовой информации, материалы для которой фабрикуются в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли.

— Убийства представителей квалифицированного труда и политических деятелей, — проронил отставной

инспектор, — таких, например, как Патрис Лумумба в Конго. А сколько еще...

— Кстати, — сказал комиссар, — вы слышали о новых сообщениях прессы по поводу обстоятельств гибели Патриса Лумумбы?

— Нет, — признался бывший инспектор, — последнее время я почти не отрывался дома от письменного стола. Да и прежде, на службе, был слишком поглощен погонями за местными уголовниками, увы, почти не удавалось следить как подобает за деталями международной политики. А что за сообщения? Прошло уже столько лет... Что еще откопали газетчики?

— Английская «Дейли телеграф» на днях опубликовала статью своего нью-йоркского корреспондента Хью Дэвиса, который сообщает, что в США вскоре будут опубликованы сведения о том, что президент Эйзенхауэр в свое время лично отдал приказ об убийстве Патриса Лумумбы.

— Как же он узнал, этот Дэвис? Откуда?

— Он ссылается на готовящуюся к печати книгу Мадлен Гелб «Конголезские телеграммы», в которой рассказывается о прибытии в Конго перед убийством Патриса Лумумбы высокопоставленного сотрудника ЦРУ мистера Сиднея Готлиба. По словам последнего, планы убийства конголезского лидера рассматривались на одном из заседаний американского совета национальной безопасности. Согласно книге на этом заседании присутствовали сотрудники ЦРУ и госдепартамента, а председательствовал на нем президент.

— Нелегко придется Мадлен Гелб, если книга выйдет, — отметил «Человек в черном костюме» после паузы, — но в мужестве ей уже не откажешь.

Продолжив беседу, комиссар подчеркнул, что в последние годы Запад усилил изучение африканских проблем в интересах проведения в странах континента политики «холодной войны».

— В нашей почте из Луанды я недавно обнаружил любопытное сообщение. «Жорнал ди Ангола» пишет, что отдел Африки ЦРУ, о котором вы спросили в начале нашего разговора, насчитывающий сейчас уже более четырехсот сотрудников, получил право расширить свой состав за счет других отделов этого ведомства, а также использовать студентов различных специальностей из американских колледжей.

— Нельзя не удивляться, гражданин комиссар, бес-

перспективному упрямству парней, сменяющих друг друга в Белом доме, которые надеются установить здесь неоколониальные порядки.

— Ошибаются, надеясь на это, политики-ястребы не только на Потомаке, но и на туманных островах родины ваших предков, инспектор, и кое-где еще на Западе и среди его подпевал.

— Да, немало человечеству с ними хлопот. — Отставной инспектор вдруг криво улыбнулся. — Хм, даже мне не дают спокойно дописать мемуары. Наш Киматаре Ойбор из-за них просто завалил меня беготней до поездки!

— Вы еще и литературой занялись? — спросил комиссар.

— Что поделаешь, старею.

Окружной комиссар посмотрел на крепыша с улыбкой и доверительно сказал:

— Знаете, и мне иногда ужасно хочется всерьез поделиться с молодежью пережитым, обстоятельно и откровенно рассказать, какими тяжелыми были сражения за свободу.

28

В химической лаборатории на колесах Габи Амель заносила первые строчки в свой новый журнал-еженедельник, писала не спеша, старательно, хотя, в сущности, писать еще было нечего. Она, словно маленькая ученица, пришептывала, повторяя про себя каждое выводимое слово.

По соседству с усердным химиком стряпуха Джой священнодействовала над большой алюминиевой кастрюлей, тихонько поругивая спиртовку и успевая при этом мурлыкать под нос какую-то нехитрую песенку.

— Когда я была маленькой, — сказала Джой, — я мечтала стать джазовой певицей, победить в конкурсе и отхватить кучу денег.

— Для чего? — рассеянно отозвалась Габи.

— Чтобы купить микросилонный проигрыватель, лежать и слушать Бесси. Я была от нее без ума, от моей Бесси Смит.

— А сейчас?

— Я и сейчас от нее без ума. Но не так. Теперь мне нравится группа Кена Хенсли. И вообще хард-рок. А тебе?

— Мне? — Габи подняла голову и улыбнулась девушке глазами. — Да, да, мне тоже. Но я хотела спросить: сейчас ты уже не мечтаешь стать певицей, как в детстве?

— Детство — это замечательно, сплошные иллюзии. — Джой не очень умело сняла деревянными щипчиками крышку с кастрюли, потрогала варево ложкой, зачерпнула, пригубила и добавила соли с видом титулованного кулинара-дегустатора. — Габи, ты действительно тоже без ума от группы Кена или притворяешься, чтобы мне было приятно?

— Кена? Это который?

— Из «Урия Гип», конечно.

— Прости, где это?

— Да ты что, Габи!

— Да, да, вспоминаю, Урия Гип... Ну конечно же, имя злодея из «Дэвида Копперфилда» Диккенса.

— Габи! Что ты говоришь! Ты же образованная женщина! — ужаснулась девушка, всплеснув руками. — «Урия Гип» — название ансамбля Кена Хенсли в Англии! Не притворяйся, я не ребенок.

— Маме, наверное, трудно с ним одной... — промолвила Габи.

— Ты о чем?

— Маме нелегко с Арбатом одной в городе, он такой непоседа, прямо маленький Банго...

— Сколько раз твердила тебе: вызови сынишку сюда. Хоть на денек. Я бы играла с ним, обожаю малышей.

Габи только усмехнулась невесело и снова занялась своим журналом, обронив:

— Нет, пусть уж с мамой, это не вечно.

— На то они и бабушки, чтобы тащить тяжкий крест при детишках своих детей, — рассудительно изрекла Джой. — Уф!.. Как ты выносишь такую духоту? — Бросила взгляд в окошко. — Не нравится мне песок в воздухе, скрипит на зубах. Как бы не напал на нас сильный ветер.

— Это возможно. Нужно запросить прогноз.

— Я запрошу, ладно? Такая простая рация.

— Немного позже, — кивнула Габи, — заканчивай с кастрюлей, столько пара от нее.

— Спиртовка слабая. Борису обещали полевую кухню, вот когда заживем. Ох уж мне эти мужчины, ничего не понимают. Как только ты их терпела раньше, одна-одинешенька, без меня, подумать страшно.

— Если бы можно было вернуть...

Ровно, солидно гудела поодаль буровая. Плавный и однотонный рокот иногда разрезал лязгающий стук металла или звон стальных труб, катящихся по дощатому настилу «стеллажа». Шум работы царил над всем.

— А почему вы дали сыну такое странное имя? — спросила Джой. — По вашему обычаю ему положено называться именем деда, отца твоего... твоего мужа. Как зовут деда твоего малыша?

— Его звали Рукира Амель Басаст.

— Какое звучное имя! Ну вот, видишь, нарушили обычай. Впервые здесь встречаю такое. — Джой вдруг тихонько напела, ритмично подергиваясь и пристукивая черпачком по кастрюле:

Очаг предков — пламя,
Имя отца — святыня,
Свято храни пламя,
Свято храни имя
И завеща́й хранить...

— Мы с Банго не нарушили обычай, — возразила Габи. — Когда мы учились в Москве, часто любили гулять вечером в одном месте, называется Арбат. Красиво. Хорошо. Там родился наш сын, там он и свет увидел впервые. Это был лучший очаг в его и нашей жизни.

— Я понимаю, — сказала Джой, — у него прекрасное имя.

Они умолкли, слушая гул работы.

А тем временем на буровой по ходу дела вахта Ника Матье сменяла вахту Бориса Корина.

— Ну как, шеф?

— Нормально, личность!

— Разогрелись, как погляжу!

— Верно, тепло! Вкалывать через восемь не фунт изюма!

— Мне и шесть часов на сон хватает! — бахвалился Ник.

— Я про температуру!

Ник стал к пульту, подмигнул своим помбурам, свистнул верховому, пошла очередная «свечка» к пасти ротора.

— Когда подъем колонны, шеф?

— Забой — сто сорок шесть! Порода как масло, долоту по зубам еще полсотни метров! Габи следит за шламом! Давай, личность, не роняй темп! Главное — не роняй темп, если ты личность.

Засунув длинные руки в карманы некогда белых полотняных штанин, Самбонанга с независимым видом праздного гуляки вышагивал вдоль чередовавшихся оград разной высоты, но одинаковой сухой каменной кладки. За ними виднелись аккуратные верхушки фруктовых деревьев и черепичные крыши добротных особняков. Он шел по улице, где еще несколько лет назад запрещалось прогуливаться цветным из непривилегированного сословия. Да и сомнительной элите из числа коренных жителей прежние власти, мягко говоря, не рекомендовали появляться здесь без приглашения заморских господ.

Изредка Самбонанга останавливался перед какой-нибудь витриной и разглядывал ее с необычайным интересом, однако в магазин не заходил.

Магазины посещал европеец, «Человек в черном костюме», который следовал за юношей через весь город вот уже третий час. Всякий раз, войдя в магазин, европеец возвращался оттуда без покупки, и они двигались дальше по противоположным сторонам улиц, словно не были знакомы друг с другом.

Лишь однажды, возле питьевого фонтанчика, они перебросились несколькими фразами.

— Ушел на покой, но предчувствовал, что снова займусь беготней на склоне лет. Ай да Кими-старина! Зашвырнул меня в молодость! Вот только ноги чуть хуже стали слушаться.

— Мой учитель говорил, что вы своими ногами жонглируете в каратэ с потрясающей силой, — заметил юноша, восхищенно поглядывая на отставного инспектора, — а дед зря не скажет.

— В суперкаратэ, сынок, верно, я еще ничего, Ой-бор прав. Но таскаться по городу столько времени в такую духотищу не по вкусу даже тренированным ногам.

— А мне хоть бы что! — вырвалось у Самбонанги.

— У тебя преимущество. Интересно, что ты запоешь в мои годы.

— О! Вы самый молодой из всех старых, кого я знаю! Смотрю на вас и сильно удивляюсь! Какие бицепсы! Плечи! Зубы!

Бывший инспектор расхохотался. Юноша выждал, когда он успокоится, и недоуменно спросил:

— Разве не правда?

— Про зубы — это ты хорошо. Долго нам еще?

— Осталось немного, хороший белый человек, совсем немного, — заверил Самбонанга, — после этой заглянем только на улицу Капуцинов, там белые тоже облюбовали два местечка.

— Капуцинов? Это недалеко, знаю.

— Очень близко, совсем рядом. Там, в кофейне «Золотая чаша», есть табачная лавка, старое пристанище контрабанды. И респектабельный бар на углу, «Кутубия», бывали там?

— Не имел удовольствия, — поморщился отставной инспектор, — много потерял?

— Не знаю, мне тоже не довелось. Некогда, — сказал Самбонанга с ухмылкой, — да и девчонкой не успел обзавестись.

— В мое время этот бар меня не завлекал. Пошли, сынок.

Они продолжили путь.

Редкие дуновения ветра не радовали прохожих, они с беспокойством поглядывали наверх. Хрустально чистый с утра купол неба сейчас подернулся пепельно-серой дымкой, испещренной длинными, тягучими, как следы пролетевшей реактивной эскадрильи, полосами.

На углу улицы Капуцинов сидел на ступеньке перед входом в бар полусонный папаша Гикуйю.

После долгого и задумчивого созерцания преобразившейся небесной тверди Гикуйю осенил себя крестным знамением, зевнул и принялся опускать на окна жалюзи.

— Закрето? — послышалось за спиной бармена. Он обернулся и увидел незнакомого мужчину в черном костюме и белоснежной сорочке, воротник которой, несмотря на удушливую жару, был стянут галстуком.

Вдоволь полюбовавшись чудачком, что среди бела дня задал такой вопрос у порога ночного заведения, папаша Гикуйю спросил, в свою очередь:

— Господин впервые в нашем городе?

— Мм... да, впервые. Мне советовали посетить...

— Я так и понял, — прервал его бармен с широкой улыбкой, — не знаю, как и благодарить приезжего господина. Для человека, проделавшего по меньшей мере четыре тысячи шагов от вокзала, чтобы, минуя прочие вполне привлекательные заведения, порадовать своим

вниманием именно «Кутубию», не существует запертых дверей.

— Вы чемпион, король всех риториков, — сказал европеец, изображая не менее широкую улыбку. — Убийственная ирония, непревзойденная!

Хозяин решительно повел любезного незнакомца к стойке, снял с полки бутылку и вынул из стерилизатора два стакана.

— Нет, нет, — сказал гость, — только коробку сигарет, пожалуйста. Что-нибудь кисленькое, ароматное.

После короткой и неловкой паузы бармен заставил себя произнести:

— Какие прикажете?

— Мм... Вообще-то мне по душе балканские табачки.

— Понимаю, промасленная травка Вирджинии уже набила оскомину.

— Да нет, просто вдруг захотелось кисленького. Я бы взял пару коробочек, скажем, «Хеласа», «Хелас Папостратос» я имею в виду.

— И все? — удивился Гикуйю. — За этим вы тащились от вокзала?

— Только сигареты, пожалуйста.

Бармен спрятал бутылку и стаканы, тщательно протер тряпицей и без того идеально блестящую пластмассовую поверхность стойки и сказал:

— Я в отчаянии, но этот сорт слишком большая редкость по нынешним временам. У меня не бывает. Не взыщите. Заходите-ка вечером, разумеется, не за табаком. Вы к нам надолго? Или проездом?

— Да так, знаете... Жаль, что зря обеспокоил вас.

— Напротив, это честь для моей «Кутубии»!

— Может быть, подскажите, где купить?

— «Хелас» у нас не найдется, только за границей, мой господин.

— В таком случае еще раз извините за беспокойство.

— Что вы, что вы, — улыбка вновь растянула толстые губы папаши Гикуйю, — весьма польщен вашим вниманием.

— До свидания.

— Всего лучшего. Осторожно, ступенька.

Едва прошуршал, сомкнувшись за посетителем, бамбуковый полог, улыбка мигом слетела с лица бармена.

Встревоженный не на шутку, папаша Гикуйю на цыпочках, точно осторожную его поступь могли расслышать снаружи, устремился к щели и разглядел сквозь нее, как опрятный белый мужчина, выйдя на улицу, отрицательно покачал головой в ответ на немой вопрос босоногого молодого африканца в потрепанных штанах и майке.

Отпрянув от окна, Гикуйю опустил на стул. Его охватил страх. Он узнал молодого человека, которому обычно больше шла форменка сотрудника уголовной полиции.

30

Поглощенная изучением каких-то документов и извещений, Светлана спускалась, стуча каблучками, по ступеням внешней лестницы посольского здания и неожиданно для себя чуть не столкнулась с Виктором Луковским, шедшим навстречу с озабоченным видом.

— Здравствуй.

— Мы уже здоровались, но все равно здравствуй. Всегда здравствуй, мой дорогой мыслитель.

— У тебя прекрасное настроение. Ты у меня молодчина. За это и люблю тебя, доктор.

— Надеюсь, вслед за этим высказыванием ты выразишь еще и благодарность мне за идеальную уборку в твоём ужасном кабинете.

— А, это твоих рук дело, — без особого восторга промолвил Виктор Иванович, — то-то я не могу найти ни единой вещи на месте.

— Я, глупая, думала, что оценишь мою заботу.

— Оценил, и высоко. Но считаю, что рукам врача, как и рукам музыканта, необязательна грубая работа. Они священны, руки врача.

— Какой слог! Карамзин! Смотри не превратись в зануду.

— Отчего ты сияешь так ярко?

— Прибыли медикаменты и аппаратура для стоматологии. Да здравствуют крепкие зубы народов!

— Отправляешься получать?

— Как видишь. Честно говоря, я опасалась, что аэропорт еще не откроют из-за вчерашней бури. Да вы, как погляжу, не очень-то рады моей новости, месье Луковский.

— Только что разговаривал с Кориным. Прошли

уже без малого пять сотен метров — сухо. Бедные ребята, в Аномо невыносимая жара. А тут еще циклон шалит. Если буря обрушится и на них...

— Корин? Борис Корин жаловался на погоду?

— Нет, конечно, но мы-то знаем, каково там.

— Отличное стихотворение у Николая Тихонова, — сказала она, — прав поэт, гвозди бы делать из этих людей.

— Борис, Борька, Боренька, только и слышу от тебя, — улыбнулся Луковский, — учти, я — Отелло.

— Ничего, ревность придает мужчине романтичность.

— Ты думаешь?

— Во всяком случае, будит в нем хоть что-то родственное настоящему чувству, сбивает спесь, извечное ваше самодовольство. Без ревности вы, мужики, жиреете душой и телом, не кровь, а сплошной холестерин.

— Терпеть тебя не могу за такие лекции.

— Это у нас взаимно. Полная гармония, — щебетала она, — будет чем коротать вечера на пенсии. Вообрази: московский дворик, снежок, в подворотнях парочки целуются, на них шипит карательный отряд дворовых старух, первоклашки гоняют шайбу, сосульки звякают с подоконников, из форточек — киношные вскрики с музыкой, на окнах телевизорная синька, хрумкает валенками почтальон с телеграммой кому-то, кто-то везет в лифте пса с прогулки, кто-то шумно кормит ораву гостей, кто-то за стенкой грозитя переехать к маме, кто-то звонит из далекой командировки, а мы уже отъездили, все, дряхленькие и сюсюкающие, прихлебываем наш вечный «чай вдвоем», но не пьем, как здесь, читаем лекции друг дружке наперебой. Опять же, как здесь.

— Жуть.

— Ну вот и поговорили с милым. А теперь, извини, я мчусь к своим контейнерам в аэропорт.

— Светлана... постой со мной две минуты. Или пройдемся немного.

Облачко насекомых висело над огромной клумбой, призрачное и тонко жужжащее. Виктор Иванович и Светлана медленно шли по дорожкам, накрест пересекавшим благоухающий цветочный остров посреди ухоженного дворика, наступая на тень от деревьев, густая листва которых приглушала катившиеся от близкой площади волны людского многоголосья.

— Почти полкилометра впустую, — сказал он.

— У ребят? Ну и что?

— Сгорим от стыда, если снова не вышли на пласт.

— Борис рассказывал, в Сибири, под Сургутом, бурили до двух с половиной, а то и до трех тысяч метров. — Она прикоснулась к его плечу. — Мой тебе совет, меньше отвлекай его. Он свое дело знает. Все должно быть нормально.

— То есть?

— Меньше контролируй. Не опекай ребят, как назойливая нянька. Больше доверяй. У самого на носу сдача объекта, занимайся им.

— Не помню, чтобы когда-нибудь вмешивался в твои дела.

— Ну и напрасно, мы не чужие. — Она улыбнулась, мгновенно растопив наметившийся было холодок разговора. — Знаешь, при такой настройке невольно задумываешься о несовместимости.

— Гм, если и завлечешь меня когда-нибудь своей фатой в Дом счастья, все равно не попаду под твой лапоть.

— Время покажет.

— Времени в обрез, мне пора. Не желаете ли, дорогой товарищ, сопроводить кандидата медицинских наук до аэропорта и обратно? Представляю, какая опять собралась армада поглазеть на «Антошку».

— Увы, у меня свидание в другой части города.

— О! Луковский! Вы вознеслись в моих глазах! Ля фам?

— После общения с некой соотечественницей я даже к собственной шляпе испытываю неприязнь оттого, что она тоже женского рода.

— Браво!

— Ваша ревность делает вас романтичней, неспесивой, несамодовольной, гонит по жилам чистый огонь, порождающий нечто родственное настоящему чувству.

— Брависсимо!

— Но не страдайте, мои свидания не менее деловые, чем ваши. А сдача объекта действительно на носу, как вы изволили выразиться.

— Горе-горюшко, — с нарочитой печалью промолвила Светлана, — и этот злопамятный сухарь собирается сделать мне предложение.

— Не исключено, что это может произойти по окончании вашего контракта, мемсаб, под венец лучше стать

на Родине, — сказал Виктор Иванович. — Я повторяю: не исключено. У вас же откуда-то полная в этом уверенность. Может, это не так.

— Отпираться бессмысленно. Так считает офицер местной полиции. А полиция знает все.

— Или ничего, — вдруг вздохнул Луковский.

31

Почти скрытая густой зеленью, плотно обвивавшей остроконечные металлические прутья, высокая ограда опоясывала казавшееся неприступным имение «Соваж», которое занимало сравнительно небольшую площадь плодородной земли в северном пригороде Найроби.

Совсем недавно прибывшему в эту страну отставному инспектору с паспортом на имя Ли Джоунса Килдаллена пришлось потратить немало энергии и сообразительности, прежде чем он отыскал «Соваж» и убедился, что сия обитель есть именно то место, ради которого он проделал столь дальнее путешествие по воде и суше.

Название как нельзя лучше передавало облик этого затаенного уголка, место действительно выглядело диким.

Проникнуть внутрь усадьбы удобнее всего было бы через выдвижные на шарнирах ворота, от которых грунтовая дорога с рядами пальм по обочинам вела прямо к двухэтажному особняку с колоннадой и портиком.

Выкрашенный в нежно-зеленый цвет, дом этот совсем не просматривался днем на фоне кокосовой рощи, однако ночью, озаренный светильниками двух ротонд по бокам фасада и обозначенный мягким светом окон, был хорошо замечен.

В ограде имелась задняя калитка, она, как и ворота, была оснащена автоматическими запорами, контролировалась лучами прожекторов и скрытой сигнализацией.

«Свил гнездо по высшему разряду, — мысленно отметил приезжий человек в черном костюме, — судя по всему, фонд четвертой дивизии был весьма солидным».

Он пробрался к замеченной накануне толстой ветке, выставленной за внешнюю сторону ограды, перебросил через нее узловатую веревку, закрепил, внимательно

огляделся, вскарабкался наверх и, стараясь не оцарапать лицо и руки, спустился по дереву на запущенный газон усадьбы. Осторожно и бесшумно двигался он к водосточной трубе, по которой намеревался достичь балкона, а через него проникнуть в кабинет преуспевающего эмигранта.

Там вспыхнул свет. Господин Соваж, некогда носивший иное имя, прикатил в свою обитель давно, когда начали сгущаться сумерки, и поспешил в кабинет, зажег настольную лампу, чтобы, по-видимому, срочно поработать.

Вот он какой деловой, этот «дикий коммерсант от артиллерии».

Сейчас время приближалось к полуночи. В доме еще не спали. Внизу, в столовой, раздавались приглушенные голоса и звон посуды. Где-то в утробе второго этажа негромко с интервалами постукивала машинка. От легкого, изящного ангара на заднем двореке доносились вкрадчивые звуки музыки.

Бывший инспектор оттолкнулся от шершавого пальмового ствола, за которым прятался несколько мгновений, и, стараясь ступать бесшумно, бегом преодолел освещенное пространство перед домом, прижался к стене, продвинулся к водосточной трубе и стал примериваться к ней, проверяя на прочность.

За его спиной кто-то покашлял, он резко обернулся.

Рослый, обнаженный до пояса чернокожий детина с закатанными штанинами, уронив лопату, смотрел на него и манил пальцем, покачиваясь и приговаривая:

— Беленький... Откуда? Иди, иди сюда. Руки на голову и скорей иди, иди ко мне.

Европеец в черном костюме приложил палец к губам, произнес:

— Тсс!..

— Иди сюда, тебе сказано! — рывкнул юный великан. — Руки на башку! Живо! Ну!

— Тихо! Не повезло тебе, бедняга, сам на меня нарывался.

С этими словами отставной инспектор взвился и выбросил ногу в молниеносном ударе, в одном из самых сокрушительных приемов, унаследованных от незабвенного Окамуры-сан.

Каково же было его изумление, когда чернокожий детина, который должен был рухнуть и корчиться, будто чудом, легким кошачьим движением ушел от удара.

Более того, он принял классическую стойку и серией безукоризненных по исполнению блоков отразил последующие выпады опытного бойца.

Поединок разгорался, извергая стоны и хлесткие, резкие звуки взаимных атак, хриплые вздохи и тяжесть прерывистого дыхания.

— Йа! Йа! — вскрикивал нападавший.

— Хар! Хар! — вскрикивал защищавшийся.

Привлеченные шумом, уже выбегали из дома его обитатели.

«Проклятый возраст!» Это было последним, что успело мелькнуть в сознании пожилого европейца, прежде чем он упал без чувств от страшного удара.

32

Ветер бил и кружил, он гнал тучи раскаленного песка и тянул одну ноту, жуткую, как вопль падающего в пропасть.

Это был необычный пыльный харматтан, свирепый смерч, бич материка, порожденный восходящими движениями сильно перегретого воздуха нижних слоев атмосферы.

Из беснующегося пространства вынырнул Ник Матье. Озираясь и отплевываясь, закрывая лицо руками от несущейся навстречу нещадной песчаной крупы, он бежал, терзаемый ветром, к шевелящемуся куполу склада.

Обнаружив там Габи и Даба, что лихорадочно закрепляли изнутри нижние края парусиновых стен, Ник шарахнулся назад, не замеченный ими, заметался в поисках укрытия.

— Еще немного, и чертова палатка унесет меня в бездну!

— Держись! — откликнулся Даб. — Ложись на нее! Прижимай!

Ник распластался на палатке, которая билась под ним, точно раненая птица с могучими крыльями. Но еще сильнее колотилось его сердце, и весь он дрожал, словно в ознобе.

— Сейчас, сейчас утихнет, — успокаивал Даб женщину, — известно, налетит, испугает и утихнет.

— Я не боюсь, — отвечала Габи, — просто очень обидно за такую напасть. Все ведь может рухнуть.

— Утихнет. Завтра будем смеяться над собой, завтра будем вытряхивать песок из ушей. Утихнет проклятый. Должен.

— Ты слышишь? — вдруг насторожилась Габи.

— Что?

— Не стало... замолкла!

И верно, оборвался, не доносился больше привычный гул буровой установки, лишь визжал, свистел неистовый ветер, замазывая серой краской оранжевый диск солнца.

Даб стрелой вылетел из склада, мелькнув мимо распластавшегося Ника Матье.

— Бур! — в ужасе кричала Габи, устремляясь за ним. — Остановили бур! Нельзя!

Взмокшее, грязное лицо Ника Матье передернула гримаса, он еще плотнее прижался к земле, будто силясь вместе с палаткой зарыться в стонущие пески, и сам стонал и кряхтел, скрежеща зубами, словно тело его топтали ногами, пинали и рвали на части.

А в двухстах метрах от него, преодолевая ветер, бежали к насосу артезианской скважины Борис Корин и Сергей Гринюк. Корин громко кричал дизелисту:

— Кто трогал трактор? Ты перегонял! Живо на кабель!

С трапика вибрирующей на ветру вышки панически прыгали рабочие, придерживая полы одежды и каски на головах.

— Помбуры, по местам! Назад!

— Тикайте обратно, вам сказано! — вторил Борису дизелист. — Всем оставаться на своих местах!

Помбуры ошалело полезли снова на палубку буровой. Габи и Даб послушно повернули к складу, не сбавляя бега.

А песчаная буря крепчала, как назло. Солнце скрылось за мрачной завесой, стемнело, будто настали густые сумерки. По лагерю, шурша и звеня в завихрениях, катился всякий бумажный, тряпичный, жестяной сор.

Ник Матье не слышал и не видел того, что происходило на месте аварии, но догадывался.

В разгар суматохи из автобуса-лаборатории, куда стихия не могла проникнуть своими когтями, выпрыгнула Джой, очевидно не пожелавшая оставаться безучастной в уютном убежище.

При виде девчонки Ник вскочил, как кошка, ринулся к ней, схватил за руку.

— Куда! Это опасно!

— Ники, что случилось? Я должна знать! Почему все обезумели?

— Нельзя! Туда нельзя!

— Но я должна знать! Пустите! Я должна!

— Молчи! — Он грубо и настойчиво удерживал ее, заслоняя собою от вихря.

— Хорошо, я останусь, но не смейте так меня сжимать своими ручищами! И объясните, что происходит, в конце концов!

Ник отстранился слегка, продолжая, однако, держать ее за плечи. Он был зол и смущен, казался растерянным. И возможно, чтобы отмахнуться от болезненных мыслей, а заодно и оправдаться перед девушкой за вспышку грубости, пояснил, обжигая ее щеку дыханием:

— Судя по всему, оборван кабель питания насоса или что-то в самой системе. Дело дрянь. Не стало воды, прекратилась подача раствора в скважину. Колонну, наверное, уже заклинило, забой глубоко. Это страшно в бурении, крошка, это верный конец делу. Боюсь, начнем сначала.

— Все сначала? Сначала?!

— Все рухнет, мне приходилось видеть такое.

— И ничего нельзя сделать, Ники, неужели так безнадежно?

— Они просто не успеют, зря суетятся.

— А вы, — вскричала Джой, — почему вы здесь?

— Обермастер гонит всех к черту. Помогите-ка лучше мне спасти хоть палатку. Проклятая авария... слава богу, не в мою вахту.

— Ужас! Какой ужас! Я ничего не понимаю!

А тем временем Борис и Сергей спешно исправляли повреждение. К ним присоединился Лумбо, он догадался притащить сколоченный из коротких досок щит, один из тех, что были проложены между полозьями «бэушки», и соорудил с его помощью нечто подобное заградительной стенке для ремонтников.

Вскоре Сергей уже мчался в дизельный блок к своим машинам, готовый запустить их по первому же сигналу Корина, там его встретил возбужденный до крайности Баба-Тим.

— Кто виноват? — кричал он. — Кто? Ты был здесь! Я был здесь! Там никого не было!

— Кто-то тягач перегнал за емкость шагов на пятнадцать, не меньше, — отвечал Сергей, тщательно застегивая ремни на пляшущей «рубашке сарая», — старшой на меня погрешил сгоряча. Небось кается.

— Никого не было! Кто сделал?

— Тягач пытай, не меня. В такую завирюху запросто сползет куда не надо. Железяка, она же дурная. Не-е, я поставил капитально, как сейчас помню. Как же его угораздило?

— Ты вареник! — кипятился Баба-Тим. — Он что, живой? Трактор живой, да? Ты не проверил, не проверил!

— Да цыть, Тимоша, и так тошно.

Ник и Джой, стenea от непомерного усилия, кое-как втащили бесформенную палатку за растяжки в надежное укрытие склада, где уже была укреплена стараниями Габи и Даба прорванная стена.

Вчетвером выгребая из склада песчаные наносы, они внезапно услышали возобновившийся гул буровой. Желанный этот звук бурения прорвался сквозь завывание стихии, победный, упрямый, как прежде.

Ликующие Габи, Даб и Джой устремились к вышке, падая на бегу и вновь вскакивая, воздев руки в неистовой радости и гордости за своих парней.

— Дьявол, не человек... — шептали губы Ника Матье, когда он вслед за ними, как замороженный, потянулся к буровой установке тоже. — Успели. Что за парень!.. Вот это парень...

Огромная установка жила, работала. Работала!

Борис Корин обливался у пульта горячим потом. Сверкали зубы помбуров. Ритмично вздувался шланг, прогоняя раствор, пульсировавший в нем, точно кровь в венах мощно и бесконечно бегущего существа. Буровая работала!

— Что, брат, испугался? — ободряюще крикнул Борис, заметив дублера, как-то странно смотревшего на него. — Успокойся, беги отдыхай! И своих подручных уложи! У вас еще полтора часа!

Молча, позабыв о песке и ветре, смотрел на него Ник Матье.

За тысячи и тысячи километров от Аномо, в тихом пригороде кенийской столицы, трое мужчин, склоняясь над рабочим столом уютного кабинета на втором этаже утонувшего в пальмовой роще особняка с колоннадой и портиком, сосредоточенно просматривали документы, обнаруженные при обыске человека, проникшего ночью в имение «Соваж».

Все трое были обескуражены и подавлены.

Кроме чековой книжки и выездного паспорта с туристическими визами на имя Ли Джоунса Килдаллена из Скотсблаффа в Небраске, были изъяты кой-какие чисто деловые бумаги, давшие понять, что принадлежат предпринимателю, имеющему тесные связи в Кейптауне и Йоганнесбурге с генеральными офисами двух милитаристских фирм, химические заводы которых находились в Капской провинции ЮАР.

В недрах трофейного бумажника была обнаружена короткая записка сугубо частного характера за подписью коммерческого эксперта-консультанта крупного турецкого предприятия по консервированию и сбыту импортных овощей и фруктов.

«Ли! Карина в восторге от твоего приглашения, но мне, увы, в ближайшие полгода вряд ли удастся составить вам компанию, перебуюсь эгейской водицей. Напоминаю свой новый адрес: вилла «Гюзель», район Пина, т. и. 661, Измир. Рекламные образцы выслал. Привет! Твой Эл Бр.»

Записка произвела впечатление на хозяина особняка, ибо он, Соваж, новоявленный фруктовый бизнесмен, не только периодически вел переписку с этим турецким предприятием, но и навещался туда с целью заключения и продления контракта.

Подпись «Эл Бр.», несомненно, означала «Эл Броуди». Мистер Броуди уже несколько лет подвизался в Измире в качестве влиятельного заокеанского советника и посредника упомянутой консервной компании.

Почерк в записке совпадал с почерком в тех посланиях, которые сам Соваж имел честь получить от мистера Броуди в числе прочих былых информации и запросов торговых партнеров.

В бумажнике белого джентльмена, схваченного ночью, оказались также удивившие Соважа и его помощников разрозненные микрофотографии четверки

явно не позировавших перед снимавшей их камерой людей, двух женщин и двух мужчин. Одного из мужчин бывший артиллерист хорошо знал лично.

Однако самый сильный эффект произвел найденный в потайном кармашке внутри рукава черного пиджака пленника очень маленький, совсем крошечный пакет.

Отпечатанная на синьке, по-видимому, какая-то зашифрованная инструкция была сложена до размеров спичечной картонки и перехвачена склеенными крест-накрест полосками тонкой серой бумаги с грифом, разобрать который можно было лишь через лупу.

«УПК, Л., ЮС.

На основании РБ (доктрина III) — РХ («МК-ультра»).

Строго конфиденциально — только для группы «Ойл-Афр».

Не цитировать».

Трое переглянулись. Отошли от стола и опустились в кресла. Как по команде уставились потухшими взорами в пространство за открытой дверью балкона. Молчали. Над пышными верхушками пальм уже светлело небо.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил наконец Соваж у старшего из двух своих близких помощников, обеспокоенно теребя бородавку.

— УПК — это, конечно, Управление политической координации, или, попросту говоря, руководитель всех тайных операций, Л. — вероятно, Лэнгли. Кое-что слышал о МК-ультра. Если не ошибаюсь, что-то связанное с контролем за умственной и психической деятельностью. Странный гриф...

— Давайте вскроем, — предложил младший помощник.

— Не смей! — рявкнул Соваж. Он вскочил с кресла и, подойдя к балкону, сделал несколько глубоких вдохов, затем потер ладонями влажное, отяжелевшее лицо. И произнес уже негромко: — Не смей даже прикасаться. Это серьезно, ребята, очень серьезно. Боюсь, придется выпутываться с кровью...

— Но, шеф, кто бы мог подумать! Ночью, как вор... а что, если бы он вас...

— Не думаю, — сказал Соваж, — во-первых, у него никакого оружия, даже какой-нибудь модерняги вроде той штуковины, что выплевывает сакситоксин.

— А? — вскинув брови, воскликнул младший помощник.

— Ампулы с ядом из моллюсков, — пояснил Соваж, — это их новинка, тихий выстрел — моментально к богу.

— А...

Соваж продолжал:

— Во-вторых, зачем? Какие у них со мной счеты? Нет, это не враг. — Кивнул на стол с документами. — Он человек Броуди, не сомневаюсь. Но почему здесь? Так противоестественно, крадучись, с дракой... Что ему нужно? Надо объясниться.

— Давайте прикончим — и концы в воду, — предложил младший помощник.

Соваж размышлял несколько минут с закрытыми глазами в полной тишине. Вдруг, словно очнувшись, вскинул сверкнувшие гневом очи на маловозрастного советчика и прошипел:

— Еще одна такая идея — двину в челюсть.

— Все, я молчу, ни звука, решайте сами, — обиженно молвил тот.

Соваж повернулся к старшему.

— Как он?

— Нормально, шеф. Обошлось без уколов.

— Взбешен?

— Нет, шеф, уже спокоен. Проглотил два сэндвича и большую чашку кофе. Требуется вас, заладил, как попугай. Простите, назвал вас... ну и ругань у этого белого! Такая же крепкая, как и кулаки!

— Требуется с руганью? — Соваж напыжился, фальшиво улыбнулся и бодренько приказал: — Тащите его сюда, слушаем перед сном.

— Засиделись до утра, спать охота, голова прямо раскалывается, — подал голос младший помощник и тут же осекся, поймав уничижительный взгляд хозяина.

— Иди за гостем, — приказал тот повторно, — только деликатно, без вольностей, голову оторву! Чтоб не раскалывалась.

Когда младший помощник двинулся исполнять приказание, старший бросил вдогонку:

— Пусть вернут ему одежду и все остальное.

Рассвет заявил о себе внезапным и дружным птичьим хором. На нижнем этаже хлопнула дверь, кто-то зычно зевнул, зашипела, ударив в посудину, струя из крана, перекинулись спросонья парой ворчливых фраз

кухарки, зашаркали по дорожке подошвы садовника. По дальнему шоссе проехал первый грузовик, направляясь в сторону плантаций.

Хозяин взглянул на стеллаж, и помощник, покинув кресло, подался к полкам, выдвинул ящик-бар, извлек сифон, стеклянную флягу с ромом и стаканы, поставил все это на журнальный стол.

Вошли младший помощник и «Человек в черном костюме». Сели. Соваж протянул пленнику стакан и произнес с максимальной любезностью:

— Должен принести извинения за все неудобства, которые вам пришлось испытать в этом доме. Мои люди приняли вас за грабителя. Я надеюсь, что у вас хватит рассудительности, чтобы понять и простить их, дорогой Килдаллен.

«Человек в черном костюме» помахал поднятым указательным пальцем.

— Мистер Ли Джоунс Килдаллен, — поправил он, — или сэр.

— О, конечно, мистер, — сказал хозяин.

— О'кэй. А ваших обезьян я понял и простил. Будем так считать.

Соваж жестом водворил на место привставших было помощников.

— Мистера Килдаллена можно понять, ему причинили физическую боль и моральные страдания. Мы все глубоко сожалеем, — изрек он, играя желваками, затем помолчал с минуту, наблюдая, как белый подозрительно принюхивается к стакану. Коротко хохотнул и воскликнул: — Ямайский ром! Пейте без опаски, вы у друзей! Право же, забудем о случайном недоразумении, желанный гость!

— В такую рань предпочел бы прохладный сок.

Тотчас же подали манговый сок и салфетку.

— Как себя чувствуете? — спросил Соваж.

— Благодарю, великолепно, — ответил «желанный гость», на щеке и шее которого были пластыревые наклейки, — в жизни не видел более радушного приема.

— Уместно спросить, почему не воспользовались естественным входом, а вторглись в частное владение таким странным способом? И уж если оказались под моими окнами, отчего не вошли в дом, а таились под темной стеной, как злоумышленник? Согласитесь, мистер Килдаллен, что я вправе задать эти вопросы.

Пленник-гость спокойно выслушал эту тираду и сказал:

— Естественный вход мне не понравился из-за телекамеры. Не люблю фигурировать на видеопленке. А отчего сразу не вошел в дом... хм, все равно не поверите.

— Отчего же?

— В ангаре кто-то развлекался музыкой Лестера Янга. Я, представьте, тоже страстный поклонник Янга. Заслушался.

— И набросились на оказавшегося рядом парня с намерением убить, чтобы не мешал слушать музыку? — хохотнул хозяин.

— Нет. Просто этот сопляк оскорбительно поманил меня пальцем, будто шлюху на бульваре, и я взорвался, — сказал гость ледяным тоном, — не выношу хамства. Хохота в лицо тоже.

— Простите, я не ищу ссоры, напротив, мечтаю о взаимном дружеском расположении, — заверил хозяин. — Отметил ваше благообразие еще на теннисном корте. Выгодно отличались от кучки прочих, далеких от спорта зрителей.

— Чертовски устал, — отдуваясь, признался гость.

— Сочувствую, мистер Килдаллен. Если у вас нет ко мне доверительного дела, если вы забрались сюда просто послушать ночную музыку, можете спокойно взять свои документы, они лежат вон на том столе в совершенно нетронутом виде, и отправляйтесь отдыхать в отведенную для вас комнату.

— Сомневаюсь.

— Помилуйте, в чем?

— В том, что они не тронуты.

— Паспорт и обычные бумаги — да, но остальное, вы меня понимаете, совершенно не тронуто, клянусь сыном!

— Послушайте, подполковник, это правда, что парень, помявший ночью мои старые кости, ваш сын?

— Что... что вы сказали, сэр?

— Я поинтересовался, не сын ли Мариба Голд-Амаду тот юный великан, что сокрушил меня под окнами. На некоторое время воцарилась пауза.

— Да, сын, — произнес наконец хозяин, — единственный наследник. Но... забыл представиться, я Соваж, Мануэль Соваж, частное агентство по экспорту кокосовых продуктов, бананов, ананасов и прохладительного фруктового напитка «Соваж», владелец сель-

скохозяйственного участка, по-вашему — ранчо, также «Соваж». Моего наследника, за безрассудное поведение которого приношу тысячу извинений и, если хотите, столько же монет, зовут Каро Мануэль Соваж-младший.

— Хочу. Коллекционирование нестаринных монет — мое хобби.

— И забудем все недоразумения?

— Согласен, Соваж.

— Вот и отлично, Килдаллен!

«Человек в черном костюме» поднял указательный палец и покачал им.

— Какого дьявола расселись! — рывкнул хозяин на восседавших с чрезвычайно важным видом помощников. — Подайте мистеру Килдаллену его документы и убирайтесь!

Когда, стремительно исполнив хозяйскую волю, оба помощника исчезли, вновь воцарилась пауза.

Словно не замечая пристального, выжидательного взгляда крупного, теребящего свою жидкую бороденку пожилого уже человека с остатками былой армейской выправки, гость молча сидел, закинув ногу за ногу, и рассматривал корешки книг на стеллаже.

Потеряв терпение, Соваж сказал:

— Мы одни, не будем играть в прятки. Пора объясниться — и отдыхать. В нашем возрасте перегрузки особенно вредны, не правда ли?

— Мне приглянулся ваш наследник, — лениво произнес гость, — потрясающая подвижность при такой комплекции, великолепная реакция, безупречная школа каратэ, и, по-моему, очень неглуп. Ценный мальчик.

Соваж оцепенел, челюсть его отвисла. Похолодевшими пальцами он нащупал стакан, поднес ко рту, глотнул и поперхнулся.

— Оставим в покое наших детей, — откашлявшись, прохрипел он.

— Напрасно, — сказал гость, — на вашем месте я не мешал бы ему выбиться в люди. Послал бы, например, в Штаты. С прицелом на будущее. Поверьте, одними железными мозолями на ребрах ладоней мальчик не проложит себе дорогу наверх.

— Проложит с помощью семейного капитала.

— Я о другом, Соваж, совсем о другом, не о материальной стороне.

— Ни о чем другом, кроме чисто коммерческой карьеры сына, не помышляю и слышать не желаю, —

медленно, членораздельно произнес не на шутку встревоженный хозяин кабинета, в котором повеяло вдруг враждебностью и опасностью, — и прошу вас, отведите от мальчика свои и чужие глаза. Сын вне политики. Учтите, я на все пойду, чтобы уберечь его, на все.

— Учел. И все-таки хотелось бы заметить, что, к слову, за три тысячи долларов, скажем, в «Кобрее» под Паудер-Спрингс, штат Джорджия, из мальчика сделали бы мужчину, супермена.

— Повторяю, сына не троньте. Нет, Каро вы не получите!

— Гм... Вы случайно не знали некоего Банго Амеля? — спросил гость. — Только откровенно.

— Впервые слышу, — последовал ответ, — не имел чести. Кто это?

— Да так, между прочим. У него тоже сын. Остался сын.

— Намек? Угроза?

— Успокойтесь, Соваж. Я приехал не для того, чтобы заполучить вашего отпрыска для учебного заведения, к которому, признаюсь, имею некоторое отношение. Мое признание насчет школы Вер-Белла в Джорджии должно объяснить вам, почему я вообще обращаю внимание на способных ребят по ходу любого дела. Так что Каро ваш, вам и определять его судьбу.

— Благодарю вас. Невольно взглянув на некоторые позаимствованные у вас вещи, я сразу пришел к заключению, что мы договоримся, мистер Килдаллен, о чем бы ни зашла речь.

— Разумно.

— Прошу взаимного откровения, сэр.

— Логично.

— Скажите, они... вы чем-то недовольны?

— То есть?

— Возникли какие-нибудь претензии ко мне лично?

— Нет.

— К моим людям?

— Нет.

— Вы действительно приехали не за Каро?

— Действительно.

— Тогда в чем дело?

— Мне не нравится ваша суетливость, — сказал гость, — не нравится слишком броская таинственность вашего жилища, не нравится, что вы в течение нескольких часов наделали столько глупостей, что у меня

возникли колебания относительно моего... нашего дела к вам, подполковник. Позаботьтесь, чтобы меня доставили на вокзал к четырехчасовому поезду на Момбасу.

Соваж задышал тяжело, ноздри его задрожали. Он воскликнул:

— Хотите обыскать мою виллу? Какого черта, в конце концов! Что вы себе позволяете! Вы в моих ру... в моем доме, сэр!

— Во-первых, кроме вашей виллы, в Момбасе есть порт, в порту теплоходы, в теплоходах каюты, одна для меня. Во-вторых, после избиения у меня прохулись нервы, и я могу невзначай выломать вам челюсть, если еще раз повысите голос на несчастного, покалеченного здесь джентльмена. В-третьих, вам известно, как поступают с любителями шарить в тайниках чужой одежды, если они не каются?

— Любого можно убрать тихо и бесследно.

— Со мной тихо не получилось бы, — с улыбкой заметил гость, — если бы меня не оказалось на теплоходе из Момбасы, все тут взлетело бы в воздух с густым и вонючим дымом. А тот, кому повезло бы в день взрыва, все равно получил бы свою дырку в лоб в день последующий. Таковы наши правила игры, приятель.

— Знаете, мистер Килдаллен, я слишком уважаю мистера Броуди, чтобы обидеть его друга.

— Броуди? Не знаю такого! — Гость от души рассмеялся, развалясь в кресле. Он почувствовал, что собеседник уже «поплыл».

— Не знаете Эла Броуди! Как же! Впрочем, понимаю.

— Что вы понимаете, Соваж?

— Конечно, вы его не знаете. Я тоже.

— А с чего вы взяли, будто я друг названного господина?

— Записка в бумажнике. Напрасно вы обвинили меня в... Я не делаю глупостей, — промолвил хозяин бесцветным голосом.

— То, что вы сунули нос в недозволенное да еще вместе с двумя посторонними недоумками, серьезная, непростительная ошибка.

— Послушайте, я уже клялся Каро, — позеленев, процедил Соваж, — могу повторить клятву. В недозволенное никто не совал нос. Извините, я очень устал.

— Я тоже, — сказал гость, — велите принести кофе, пожалуйста.

— Вы полагаете, нам есть еще о чем поговорить?

— Вот именно. Сомнения относительно целесообразности делового контакта несколько рассеялись. Не пугайтесь, Соваж, это недолго. Скорость решения задачи зависит от вас.

— Хорошо, распоряжусь насчет кофе. Один момент.

Хозяин со вздохом покинул кресло и, тяжело передвигая занемевшими ногами, подошел к двери, открыл ее и отдал негромкое приказание кому-то из телохранителей, дежуривших в прихожей.

Бывший инспектор выложил на журнальный столик четыре микрофотографии, придвинул поближе торшер, поскольку утренний свет был еще недостаточным в кабинете.

— Будьте любезны, Соваж, захватите лупу, — сказал он, — я видел ее на вашем письменном столе. Благодарю. Теперь взгляните на эти снимки. Кого из четверых вы знаете?

— Вот этого. С остальными незнаком. Хотя... лицо женщины в шляпке... впрочем, нет, не припомню, где мог встречать эту толстуху.

— Постарайтесь вспомнить.

— Уверен, что она мне незнакома, просто заурядное лицо, такие встречаются на каждом шагу. По-вашему, мистер Килдаллен, я должен ее знать?

— Необязательно. Но возможно. Поэтому и выясняю.

— С ней незнаком. С остальными тоже. Кроме этого. — Соваж посмотрел в глаза гостю. — Перестаньте наконец считать меня идиотом.

— Полноте преувеличивать! Не суетитесь, ради бога! Не пристало такому опытному специалисту морщиться от обычного стиля работы.

— Допустим, но ведь вам наверняка известно, что это человек Эла Броуди, а не мой. Уже давно не мой, следовательно, связи с ним больше не поддерживаю и никаких сведений не имею.

— Точно?

— Еще бы, черт подери! Не знаю, в чем дело и что у вас на уме, но передайте Броуди, с таким дерьмом, как Рык или как там вы его называете для конспирации, я потерял всякую связь. Понятия не имею, где он. И не хочу иметь. Так и скажите Элу, я условие не нарушаю.

— Соваж, давайте договоримся, что меня вы тоже перестанете принимать за идиота.

— Вы несправедливы, мистер Килдаллен. Двойной игры не веду и людей своих тщательно контролирую в этом смысле.

— Ну что ж... — произнес гость, пряча микроснимки и поднимаясь из кресла, — извините за вторжение. Надеюсь, мне удастся подкрепиться в этом доме, прежде чем ваш «ягуар» доставит меня на вокзал. Обязательно должен выехать четырехчасовым, чтобы успеть в Момбасу до отплытия «Каролины». Что поделаешь, меня ждут в Южной Африке к восемнадцатому, не позднее. А что касается моего визита к вам... очень благодарно с вашей стороны не держать при себе бумаг, связанных с Рыком. Так и доложу. Конечно, кое-кто огорчится... но лично я рад был познакомиться, Соваж, весьма рад, несмотря на инцидент под балконом.

— Погодите, — сказал хозяин, покусывая губу и теребя бороденку, — возможно, в архиве и завалялись кой-какие его расписки, счета, письма и некоторые старые бумаги деликатного свойства, всего не упомнишь. Если они понадобились Элу, могу поискать. Я правильно понял?

— Вот как! Ну, знаете, приятель...

— Сию секунду, мистер Килдаллен. — Соваж снял зеркало, за которым оказался вмонтированный в стену сейф, отпер, повертел барабан, отыскал нужную секцию, извлек папку, запер сейф, повесил зеркало, подошел к гостю: — Прошу, они ваши. Но дайте гарантию, что не станете впутывать в наши дела моего сына. Плевать мне на Черного и прочих Рыков, только не трогайте Каро. Обещаете?

— Мы уже договорились.

— Рассчитываю и на будущую нашу дружбу, мистер Килдаллен. А сейчас, если угодно, ванна или душ, всё в доме к вашим услугам. Охотно составлю вам компанию за завтраком, сам отвезу, куда прикажете, дорогой друг.

— Отлично! Благодарю вас!

Когда «ягуар» прикатил на вокзал, отставной инспектор сразу заметил носильщика с широким, увешанным побрякушками кожаным набрюшником и украдкой подмигнул ему.

Ровно в четыре часа дня поезд тронулся, направляясь на юг страны, к порту на берегу океана.

«Человек в черном костюме», высунувшись из окна, помахал рукой прощально и кисло улыбавшемуся бывшему подполковнику Марибу Голд-Амаду, то бишь нынешнему бизнесмену Мануэлю Соважу, который лично доставил гостя к поезду и лично проследил, чтобы тот благополучно отбыл.

Человек с оригинальным набрюшником повел себя странно для носильщика, он тоже сел в поезд, незаметно смешавшись с толпой отъезжающих. Более того, он пробрался по вагонам в конец состава, дождался в пустом тамбуре белого джентльмена, молча и быстро сфотографировал кой-какие документы в руках последнего и побрел по вагонам обратно, явно маясь от скуки.

На первом же полустанке отставной инспектор выпрыгнул из поезда и торопливо зашагал к автомагистрали, ведущей обратно к Найроби, рассматривая полученный от носильщика авиабилет.

Он стоял на обочине шоссе с поднятой рукой в нетерпеливой надежде остановить попутную машину, в которой нашлось бы для него место.

Движение на трассе нельзя было назвать интенсивным.

Проезжавшие мимо автомобили, как назло, были заполнены до отказа. А водители грузовиков и автофургонов в рекламно-фирменной раскраске почему-то вовсе не обращали внимания на одинокую фигуру с поднятой рукой. Быть может, грузовикам с товаром запрещалось подбирать попутчиков, да еще в безлюдном месте, кто знает.

Он тщетно голосовал у дороги в клубах пыли от проносившихся мимо колес ровно сорок шесть минут, пока какой-то парень не остановил свою колымагу, сжавшись над ним.

Перестав озабоченно поглядывать на часы и считать минуты, человек в черном, правда, теперь скорее в сероватом, костюме обрадованно нырнул в музейный экспонат на колесах и возбужденно спросил:

— Успеешь дотащить до международного аэропорта к половине восьмого?

— Сколько?

— Этого хватит? — Показал купюру.

— Успею.

Начальник четвертого зонального управления уголовной полиции капитан Даги Нгоро, выглянув из кабинета, пригласил к себе проходившего по коридору полицейского, плотно затворил дверь и по-отечески обратился к служивому, изрядно озадаченному столь ласковым вниманием командира:

— Как поживаешь? Как служится? Хорошо?

— Так точно.

— Заступил на дежурство?

— Никак нет.

— Значит, свободен?

— Так точно.

— Да ты... вольно!

Полицейский ослабил одно колено. Нгоро сказал:

— У меня к тебе доверительное поручение.

— Слушаюсь.

— Ты, пожалуй, один из тех, кому можно доверить небольшое, но важное и секретное дело.

— Рад стараться.

— Оправдаешь мое доверие?

— Так точно.

— Тебе, конечно, известно, что всеми нами уважаемый сержант Ойбор явно увяз, похоже, увяз безнадежно в расследовании обстоятельств гибели инженера-нефтяника и нашего рядового из отряда охраны дипломатов. Полагаясь на твою неболтливость, признаюсь, что во имя чести и престижа нашего управления я, уже можно сказать, успешно завершаю параллельную, негласную работу по раскрытию этого преступления. Негласно, чтобы не обидеть заслуженного ветерана. Ты понял?

— Так точно.

— Интересы правопорядка дороже всяких психологических нюансов.

— Так точно.

— Вот я и хочу просить тебя о содействии. Внеси сильный вклад в святое дело поимки преступника. Доставь сюда малолетнего свидетеля для дачи показаний. Только аккуратно, тайно, чтобы, повторяю, не задеть самолюбие нашего старика. Вот адрес. Ясно? Никому ни звука.

— Так точно.

— Исполняй.

— Слушаюсь.

Не прошло и часа, как посыльный вернулся в управление из городской окраины, постучался в кабинет начальника, вошел и доложил:

— Мальчишки на месте не оказалось, гражданин капитан. Судя по свидетельству его дворовых дружков, он вообще не появлялся дома уже несколько суток. Одни утверждают, что суток трое, другие — не меньше пяти. Его мамаша спокойна, но наотрез отказалась что-либо сообщить. Поскольку относительно мамыши не было никаких указаний, я незамедлительно отбыл к вам, гражданин капитан, чтобы доложить, что мальчишки на месте не оказа...

— Я понял! Благодарю.

— Рад стараться.

— Ай да Киматаре Ойбор! Упрятал! Молодец наш сержант! — воскликнул Даги Нгоро с восхищением. — Учитесь, учитесь у ветерана, как надо работать! Вот вам проверка действий сержанта! Он выше всяких похвал!

— Так точно!

— Кто-нибудь видел, куда ты ходил?

— Никак нет.

— Смотри, братец, не распространяйся, как мы контролировали старика. Этот эксперимент — наша с тобой тайна.

— Так точно.

— Еще раз благодарю. Ступай.

— Слушаюсь.

35

В кабинете особняка северного пригорода кенийской столицы зазвонил телефон. Соваж быстро снял трубку.

— Алло! Момбаса? Слушаю!

— Да, шеф, это я. Белый, о котором вы говорили, из вагона не вышел. Его вообще не оказалось в поезде из Найроби. Не появился он и в порту. «Каролина» действительно уплыла в Южную Африку, в Дурбан, но без него. В списках пассажиров Ли Джоунс Килдаллен не значится.

— Это точно?

— Да.

— В поезде по пути никаких происшествий?

— Никаких, проверено.

- И с «Каролиной» все точно?
- Да.
- Ладно. Спасибо. Возвращайся.

«Международная.

Элу Броуди, вилла «Гюзель», район Пина, т. и. 661. Измир, Турецкая Республика.

Дорогой мистер Броуди! Радушно принял вашего друга уважаемого мистера Ли Джоунса Килдаллена и выполнил вашу просьбу с готовностью и впредь быть вам полезным. Подтверждаю свою готовность также обсудить условия дополнительных поставок вашему торговому предприятию в этом году. Желаю вам всяческих успехов. Искренне ваш М. Соваж.

Имение «Соваж», Север, 23, Найроби, Кения».

«Международная.

Мануэлю Соважу, имение «Соваж», Север, 23, Найроби, Кения.

Настоящим извещаем, виллы «Гюзель» в районе Пина не существует, указанному адресату вручить телеграмму не представилось возможным. Начальник районной почты Мустафа Вейсал.

Пина, Измир, Турецкая Республика».

«Международная.

Элу Броуди, отель «Этап», 107, Измир, Турецкая Республика.

Дорогой мистер Броуди! Радушно принял вашего друга Ли Джоунса Килдаллена. Всегда готов быть вам полезным. Интересуюсь переговорами о дополнительных поставках нашего товара в этом году. Желаю успехов. Искренне ваш М. Соваж.

Имение «Соваж», Север, 23, Найроби, Кения».

«Международная.

Мануэлю Соважу, имение «Соваж», Север, 23, Найроби, Кения.

С Ли Джоунсом Килдалленом незнаком, о таковом не слышал. Если этот господин провел какое-нибудь дело от моего имени или директората фирмы, немедленно

свяжитесь с нашим торговым представителем в Накуру. Немедленно. О поставках товара позже. В случае необходимости оповестим сами. Эл Бр., коммерческий эксперт-консультант.

Отель «Этап», 107, Измир, Турецкая Республика».

«Международная.

Элу Броуди, коммерческому эксперту-консультанту, отель «Этап», 107, Измир, Турецкая Республика.

Глубокоуважаемый мистер Броуди! Приношу извинения за ошибочный текст предыдущей телеграммы. Досадное недоразумение. Клерк перепутал мои указания по деловой переписке, случайно смешал строки, предназначенные вам и совершенно другому лицу. Не беспокойтесь, все в порядке. К вам я обращался лишь по поводу дополнительных поставок вашему предприятию, заинтересованность в которых снова подтверждаю. Шлю свои неизменно дружеские пожелания. Всегда ваш М. Соваж. Имение «Соваж», Север, 23, Найроби, Кения».

— Что же ты все-таки думаешь на этот счет? — спросил Соваж.

— Боюсь сказать, шеф, — проямлил старший помощник. — Может, как-нибудь предупредить этого, как они его прозвали... Рыка, а?

— Ни в коем случае!

— Но, похоже, ему что-то готовят... заполучить такие документы... ему крышка, чувствую. Да, ловок этот Килдаллен...

— Вот что я тебе скажу. Никто, кроме тебя, ничего, в сущности, не знает. Если хоть кому-нибудь, хоть что-нибудь просочится, ты не жилец на этом свете, клянусь. Забыть и помалкивать.

— Можете на меня положиться, как всегда.

— Надеюсь, обойдется, — сказал Соваж, — если не для Рыка, то хотя бы для нас.

— Да, шеф.

Внезапно в кабинет ворвался Каро Мануэль Соваж-младший, тяжело дыша, прошептал:

— Полиция. Дом окружен. Их не меньше сорока. Уже идут сюда.

Киматаре Ойбор и старый его товарищ, который добыл для сержанта сведения о тайном банковском вкладе с девизом «Магда-Луиза» и пытался добыть в баре на улице Капуцинов коробку греческих сигарет, снова встретились у кинотеатра «Колоссеум».

Он, товарищ Ойбора, только что вернулся из Най-роби.

То, что удалось ему узнать и о чем он поведал сейчас Ойбору, произвело на последнего сильное впечатление.

Вручая сержанту привезенные документы и фотографии, неопровержимо доказывающие принадлежность гражданина их страны к резидентуре заокеанского шпионского центра, агента, получившего там кличку Черный Рык, бывший инспектор буквально дрожал от негодования и с горячностью восклицал:

— К стенке его! Брать и под суд! Довольно тянуть с арестом!

— Тише, тише, — одернул его Ойбор, — мы не в пустыне. Я хочу отыскать и второго участника нападения на площади в ту ночь. А с этим поступлю, как считаю нужным. Тебя же прошу уже не вмешиваться и не реагировать бурно, что бы ни произошло в дальнейшем. Ты мне веришь?

— Я-то верю, но...

— Вот и хорошо. И спасибо тебе за все.

— Но он может еще что-нибудь выкинуть, этот зверь!

— Не выкинет, — заверил Ойбор, — ровным счетом ничего больше, это уже моя забота.

— Хватит и того, что им сделано. Даже слишком!

— Повторяю, мне нужен и второй. И все остальные. Ты сам убедился, как опугали они не только наш континент, но и множество других мест на планете своей гнусной паутиной.

— Да, трудно даже представить себе!..

— Вот именно. Потянешь одну ниточку, а она — целую сеть. — Киматаре Ойбор вдруг вернул товарищу сверток обличительных документов. — Сам передашь это в комиссариате, твое право. При мне, пожалуй, не стоит находиться такой, хм, драгоценности.

— Хорошо, передам. Комиссар назначил мне на час дня.

— Думаю, получив информацию, кенийские власти не замедлили вскрыть язву. Представляю, чего только не насмотрятся наши тамошние коллеги, когда захватят архив этих мерзавцев.

— Знаешь, Кими, Соваж-Мариб не так умен, как мы предполагали. Мне даже было неинтересно, слишком легко и просто.

— Неисправимый хвастун. — Ойбор легонько взял его за подбородок, повернул к солнечному свету то одну сторону его лица, то вторую, рассматривая синяки и царапины. — Мда... простота и легкость налицо, сансей.

— Не называй меня больше сансеем, не называй, — грустно молвил отставной инспектор, — опозорил память Окамуры-сан. И перед кем спасовал! Перед мальчишкой! Ста-а-арые мы, Кими, конченные мужи.

— Важен результат поездки.

— Слушай, я бы все-таки не тянул с его арестом, пока не сбежал.

— Да успокойся наконец! Говорю тебе, он под надежным глазом. Все кончится справедливо и правильно, клянусь твоими синяками, великий и неувыдающий сансей в помятом черном костюме! Главное, что вернулся живой!

Бывший инспектор улыбнулся и поправил:

— Полуживой, Кими, а сам ты не подумывал о приятной перспективе и возможности поймать пулю из-за своей затяжной тактики?

— Подумывал, — серьезно сказал Ойбор, — и стараюсь все предусмотреть, не сделать промаха.

— Ну а если вдруг промахнешься?

Ойбор сказал:

— Если не повезет, продолжит Самбонанга. Если не повезет и ему, тогда слово за тобой. Только тогда. А сейчас возвращайся к мемуарам, считай, что путешествовал за материалом для новых глав своей книги.

— А ну вас всех к дьяволу! Твори, как хочешь, я помолчу.

С этими словами отставной инспектор подался прочь, неся под мышкой сверток-трофей. Охраняя его, чуть поодаль вышагивал Самбонанга.

— Значит, договорились, — со вздохом произнес Киматаре Ойбор, проводив их взглядом. И сам поспешил в противоположную сторону.

Подходя к городскому базару, он прибавил шаг,

ибо еще издали заметил крайнее возбуждение и нетерпеливость мальчишки, ожидавшего его у ограды.

«Наконец-то, — подумал Ойбор, — как хорошо, что не сбросил с себя это тряпье».

Малолетний разносчик газет сразу же потащил облаченного в крестьянскую одежду сержанта в самую гущу толпы, захлебываясь шепотом:

— Он здесь, уже давно. Куда вы все исчезли? Как мне быть? Что-то я начал бояться. Может, вы сами?

— Помнишь, как условились?

— Помню, помню, сто раз повторял про себя, а сейчас немного боюсь.

— Не волнуйся, сделаем, как условились. Со мною не бойся.

Вскоре они стояли перед торговцем.

— Верни-и-ите, — канючил подросток, — отец ругается-а-а.

— Вот еще! — возмущался торговец, косясь на Ойбора. — Мало ли барахла прошло через мои руки! Всего не упомнишь!

— Не о барахле речь, — грозно сказал Ойбор, — Этому паршивцу я уже оборвал уши, чтобы впредь не тащил у собственного родителя, — не глядя, он награбил мальчишку подзатыльником, — а как прикажешь поступить с тем, кто выманивает у несовершеннолетнего ценные вещи за бесценок?

— Какое мне дело! Чего привязались! — Торговец повысил и без того громкий и противный, как у вокзальных информационных радиорупоров, голос в надежде на заступническое вмешательство базарной братии, однако окружающие были слишком заняты своими заботами, чтобы реагировать на призывные вопли какого-то истеричного жестянщика. — Не знаю никаких ценностей! Я бедный человек! Уходите! Не мешайте, не то позову полицию!

— Не знаешь? — рявкнул Ойбор и схватил его за бурнус на груди так круто, что прелая шерстяная ткань затрещала и поползла.

— Зажигалка продана, — испуганно пролепетал торговец, видя, что деваться некуда.

— Кому?

— Не помню. Пусты, сумасшедший, не имеешь права.

— А ты поднатужься и вспомни. — Ойбор помахал перед его носом жилистым кулаком.

— Не помню, говорю тебе.

Тогда Ойбор помахал перед его носом крупной купюрой.

— Вспомнишь?

— Столько! — с проворством фокусника торговец шевельнул пальцами вскинутой руки, и деньги мгновенно исчезли в складках его одежды. — За столько вспомню. Уже вспомнил.

37

В дверь постучали. Даги Нгоро оторвал глаза от каракулей письменного донесения полицейского, стоявшего по стойке «смирно» посреди кабинета.

— Войдите.

С довольным видом вошёл Киматаре Ойбор. Он наскоро отдал честь начальнику, прикоснувшись ладонью правой руки к сердцу, а затем тыльной ее стороной ко лбу, и выразительно покосился на окаменевшего в почтительной стойке полицейского.

— Я разберусь позже. Вызову, если потребуетесь. Идите, — сказал Нгоро полицейскому с таким жестом, каким смахивают фигуры с шахматной доски после неудачной партии.

Когда посторонний вышел, чеканя шаг, как это повелось в управлении после памятной «головомойки» старшего инспектора по поводу слабой дисциплины, Киматаре Ойбор вынул из нагрудного кармана пресловутую зажигалку и протянул ее вышедшему из-за стола Нгоро.

— Этот предмет сделал меня банкротом, гражданин капитан.

— Что это? А... нашли наконец. Та самая?

— Так точно.

— Ну-ка, ну-ка...

Даги Нгоро некоторое время перебрасывал маленькое и изящное изделие из серебра с ладони на ладонь, словно соображал, как поступить дальше, затем повертел перед глазами и произнес:

— Вот она какая, наша улика. Сделано в Гонконге... далеко...

Сержант молчал.

Нгоро вынул из ящика стола лупу и подошел к окну, чтобы рассмотреть зажигалку получше.

Он рассматривал ее, привалившись животом к подоконнику, так внимательно и долго, как, вероятно, изучает фанатичный биолог неведомую бациллу, внезапно обнаруженную в поле микроскопа.

Киматаре Ойбор наблюдал, как он ее рассматривает. Потом не выдержал и спросил:

— Я вам больше не нужен, гражданин капитан?

— Нужны, — обернулся к нему Нгоро с поощрительной улыбкой, — чувствую, вы мне всегда будете нужны, сержант. Молодцом. Это уже очень серьезная находка. Возвращаю ее вам с уверенностью, что вы знаете, как использовать ее в деле. Пусть немедленно сделают снимки, и приступайте.

— Виноват, мой капитан, но я понятия не имею, как ею воспользоваться. На ней уже ничего стоящего не прочесть после стольких пальцев.

— Полноте, есть другие возможности.

— Уверяю вас, ума не приложу, как все же ею воспользоваться?

— А экспедиция? А подозрительный янки на месте убитого? А его покровитель из «Масаи»? А двадцать шесть процентов белого населения? А девчонка из «Абреже», наш агент в Аномо? А гангстерские гнезда в тайных притонах и открытых борделях под вывесками «салонов для массажа»? А Интерпол? А долгосрочные туристы? А спортивные связи с Викторией и Дальним Востоком вообще? А лавки антикваров? — Нгоро размашисто шагал из угла в угол, как проделывал это всегда в моменты сильного возбуждения. — Достаточно? Или вы все еще будете утверждать, будто не имеете понятия, к чему приложить свой разум и профессиональное чутье?

— Мне казалось, у вас уже заготовлены указания на этот счет.

— Ну хорошо. Начните с экспедиции. Обсудим вместе. Садитесь.

Оба и не подозревали, что в это самое время, сходясь в густой листве высокого дерева, замирая от сознания отчаянной своей смелости, совершенно несвойственной ему, напряженно следил за их окном не кто иной, как папаша Гикуйю, владелец ночного бара на весьма отдаленной от четвертого зонального полицейского управления улице Капуцинов. Бинобль едва не вываливался из его дрожащих рук.

Не успели нефтяники после смены устроиться на длинном, подструганном сверху бревне перед самодельным столом, который чудом держался на коротеньких, рахитичных ножках, а загадочно ухмылявшаяся Джой уже сдернула целлофановое покрывало с большой, как таз, миски, обнажив для всеобщего созерцания огромный, исходивший паром шар из вареного теста.

— Шо воно таке и з чим його идять? — недоуменно буркнул под нос Сергей Гринюк, устало пододвигая посудину с диковинным блюдом.

Джой подалась немного прогуляться в сторонке. Она с чрезвычайно скромным видом тихонько напевала бессловесную песенку и с бессознательным, таким привычно-естественным манером прилежной гимназистки разглаживала ладошками складки на фартуке, интересовалась волнистой линией горизонта.

Не только Сергей, но и прочие чревоугодники, жаждущие обеда, дружно ломали головы, пытаясь отгадать неожиданную загадку юной стряпухи.

— Разваренный хлебный мякиш, — предположил кто-то.

— Нет. Клейкое тесто в масле, — подал голос другой.

— Я, кажется, понял, это священное лакомство ньондусских ватусей.

— Нет, нет, скорее туго скрученные слоновьи уши.

Спор разгорался. И только Сергей да Баба-Тим молча и внимательно продолжали разглядывать диковинное яство со всех сторон.

Сергей сказал наконец, сдаваясь:

— Слопаем, братцы, лишь бы съедобное. Начинай, Тимоша.

— Ты начинай, ты.

— Запросто. Ей-бо, интересно, что оно такое?.. — Сергей крикнул стряпухе, все еще скромненько и застенчиво ковырявшей песок носочком изящной ножки и любовавшейся горизонтом в явном ожидании восторженных комплиментов: — Эй, барышня! Джойка! Что за еда у нас?

— Вареники. Обещанный сюрприз, — торжественно объявила она.

— Сама вареник! — машинально выпалил Баба-

Тим, но тут же сообразил, что она вовсе не дразнит его друга.

Губы Сергея плотно сжались, веснушки на покрасневших скулах поблекли, лобастая его голова затряслась, словно попала под ток высокого напряжения, а в прищуренных глазах маленькие, прыгучие чертики взялись за руки и пустились в такой пляс, что на опаленные ресницы скатились слезы. Дрожащие, сверкающие веселыми огнями капельки.

— Вареник... — зачарованно повторял Баба-Тим ставшее крылатым, почти легендарным, так хорошо знакомое всякому в лагере и такое таинственное для аборигенов словечко всеобщего любимца — дизелиста. — Хорошо пахнет, вкусно, вкусно.

Сергей подергался еще с полминуты, точно маялся от беззвучной икоты, отдышался, сложил ладони рупором и прокричал что есть силы в сторону химической лаборатории:

— Габи-и-и! Скорей сюда-а-а!

— Хорошо пахнет, — бормотал Баба-Тим, пригнувшись к миске, — ка-пи-таль-но.

Габи встревоженно выпрыгнула из автобуса и прибежала к ним.

— Вот это — вареник, чтоб знала, — сказал ей Сергей, — ой, мама родная!.. Сфотографируйте меня с куховарочкой на память!

Впервые за столько дней личико Габи Амели озарилось откровенной широкой улыбкой, нефтяники невольно приутихли, с радостью узнавая в ней былую хохотушку и затейницу.

— Джой, милая девочка, — ласково сказала она, обращаясь к обиженно надувшей губки стряпухе, — ты нарочно, чтоб посмешить?

— Толченый картофель в тесте сварить, облить маслом, измельченный и поджаренный лук... — пролепетала та, подходя поближе, — ты же сама мне объясняла. Вот я и приготовила. Сразу два. Второй думала прибегать для Бориса и остальных ребят. Что же тут смешного?

— Разве я ничего не говорила о размерах?

— Нет, а что?

— Такие годятся для слона, — Габи обняла подружку, — для себя они лепят совсем маленькие, в треть ладони.

— Ну и зря, больше — лучше, и ребенку понятно.

— Конечно, ты права. Ничего не понимает наш Сергей в своих варениках. Вот отберем сейчас, чтоб не насмешничал.

— Боже упаси! — замахал дизелист руками под дружный смех приятелей. — Не отдам! Ну и бабоньки! Еле дождался, а они отнимать! Проглотим с благодарностью! Вперед, нефтяри!

И проголодавшиеся, как зайцы в паводок, нефтяники разом набросились на кулинарное творение приободлившейся кормилицы, предварительно разрубив его на куски.

Габи тоже попробовала и сказала:

— Действительно вкусно, только картошка внутри очень соленая.

— Он не любит сладкую, — оправдывалась Джой, кивая на Сергея.

— Сойдет, — откликнулся дизелист, — есть почти можно, не кукуруза.

— Мне тоже уже надоело бесконечное пошо, — сказала Габи, — а уж нашим мужчинам и подавно.

— И Борису, — подхватила Джой, — он сказал, что мелкая кукурузная мука похожа на глинистый порошок для раствора. Он мне сказал.

— Я пошо люблю, — промычал Баба-Тим с набитым ртом. — Люблю. И бобы. И мясо всегда люблю. И вареник. Теперь. Неси второй.

— Тот ребятам. Ешь лепешки.

— Я лепешки люблю. И бананы. И сок. И финики, — бубнил Баба-Тим, поглощая все, до чего дотягивались его длинные, как удилища, руки, с быстротою хорошо отрегулированной молотилки.

В разгоревшейся помаленьку затрапезной дискуссии о достоинствах той или иной кухни не приняла участия лишь сама стряпуха.

Она заметила, что на территории лагеря появился посторонний.

Человек в длиннополой белой одежде ехал верхом на муле, тщетно стараясь подбодрить меланхолично плетущееся животное толчками пяток и пощелкиванием пальцев свободной от повода руки.

Джой узнала седока, однако не подала вида перед друзьями.

— Скажите, — вдруг обратилась она к Сергею, — когда вы перегоняли трактор, кто-нибудь был поблизости?

— Ты о чем?

— Вы отогнали трактор. До аварии с насосом, да? Кто был при этом?

— Я один, отогнал и все, кому оно надо. А тебе зачем?

— Никого не было поблизости? Матье, например. Все присутствующие удивленно уставились на нее.

— Нет, — сказал Сергей, — я был один.

Джой слегка растерялась под пристальными и неодобрительными взглядами, поспешно проговорила:

— Пожалуйста, не подумайте плохого, я просто так, между прочим.

— Мастер Ники лишнего шага не ступит, — сказал Баба-Тим.

— Он спасал палатку, — добавила Габи, — я видела, и Даб может подтвердить.

— Почему интересуетесь? — впервые обращаясь к девчонке на «вы», спросил Сергей Гринюк.

— Да нет же... я просто...

— Просто-запросто не надо, барышня.

— Мир вам и радости! — громко поприветствовал нефтяников пожилой наездник в белой одежде, спешиваясь неподалеку.

Радужно галдя, обедавшие высыпали из-за стола, бросились к неожиданному гостю, окружили его и принялись наперебой пожимать ему обе руки и поглаживать равнодушно глазевшего на людей запыленного мула.

Джой поступила как все, с трудом скрывая беспокойство, вызванное появлением Киматаре Ойбора.

— Вы из ближайшей общины? — спросил Сергей.

— Нет, — ответил Ойбор, — я сам по себе.

Он передал поводья услужливому Бабе-Тиму, подошел к столу.

— Милости просим, батя, перекусить с дороги, — красиво изрек Сергей с поклоном.

— Спасибо, я сыт.

— Вы кто, гражданин, кто? — настойчиво интересовался Баба-Тим.

— Оттуда, — Ойбор неопределенно махнул рукой, — мы обслуживаем национальный парк, огромное заповедное пространство. Кто ни проезжает, обязательно толкует про вашу работу. Очень любопытно посмотреть на ваше чудо вблизи, где еще такое увидишь. Но, если нельзя, я уеду. Отдохну и уеду.

— Что вы, что вы, уважаемый, мы гостям очень рады, — сказала Габи.

— Само собой, батя, — заверил и Сергей.

— Если никто не возражает, я с удовольствием показала бы дорогому гостю наше хозяйство, — сказала Джой, приглашая его следовать за ней.

Баба-Тим обхаживал мула с трогательным вниманием, кормил лепешкой с руки, гладил по холке и обнимал, точно случайно встреченного доброго друга. А скотинка, напротив, вела себя крайне высокомерно и неблагодарно, угощение пожирала, презрительно оттопырив нижнюю губу, ответной ласки не проявляла, только фыркала и надменно передергивала ушами.

Киматаре Ойбор и Джой шли по лагерю.

— А что советует русский? — спросил он.

— Решила пока не посвящать. Не нужно, мне кажется, взваливать на него наши заботы, здесь и без того сущий ад. Восхищаюсь им... восхищаюсь их работой.

— Странно... старший инспектор убежден, что вы с ним заранее все обсудили. Насколько я понял капитана, обермастер Корин сам намекнул ему об этом еще на прежнем месте.

— Недоразумение. Но вы, пожалуйста, не разубеждайте его, прошу вас. Признаться, я провинилась. Это я виновата, что мы разминулись.

— Провинились?

— Представьте, как дурочка, увлеклась купанием в озере, позабыла обо всем на свете. А он приезжал, чтобы передать портативную рацию.

— Он сказал, что русский уверял его, будто ты уехала в город по какому-то срочному делу. Проверка установила, что это неправда.

— В город ездил второй мастер, — сказала девушка. — Что-то они напутали. Я задержалась на озере. Только это между нами, пожалуйста.

— Ох, Магда-Луиза, ребенок ты еще, — Ойбор укоризненно покачал головой, — а ведь он возлагал на тебя надежды. И комиссар тоже о тебе отзывается очень тепло.

— Извините, вы, кажется, забыли мое имя. Я Джой Маллигэн. Вы только что оговорились, если я не ослышалась.

— Да? Простите. Здесь невозможная жарница. И вообще к старости я просто замучился с памятью.

— Прошу вас, не говорите мне «вы», ужасно неприлично. Или это вместо выговора за купание в тот день?

— Простим за давностью преступления, — рассмеялся Ойбор, и в его смехе девушке почудилось какое-то душевное облегчение. — Хотя твое увлечение озером обернулось лишними хлопотами для нас. Впредь не подводи так нашего капитана, не то он изменит свое высокое мнение о Джой Маллигэн. И, чего доброго, пожалуется окружному, достойному покровителю сотрудницы «Абреже».

— Мне приятна благосклонность капитана Нгоро, хотя, признаться, и удивительна, поскольку он знает меня не больше, чем вы. Кроме привета, он ничего не передал?

Ойбор вынул из кармана зажигалку и вручил ей со словами:

— Велено передать тебе с приветом... от преступника. Хитроумная вещица, — сержант показал секретное устройство, — смотри не потеряй.

— Наконец-то. Устала от бездействия. Если что, тут хорошая связь с городом, не беспокойтесь.

— Старший инспектор сказал, что настоящему репортеру рация не в диковинку. И вообще это его идея. Честно говоря, я готов был предположить, что вы с ним уже работали вместе. Словом, желаю удачи.

— Спасибо.

— Только осторожно. Спокойно и разумно. Не люблю слишком навязывать свое мнение, но на твоём месте я посоветовался бы с русским мастером.

— Нет, — сказала Джой, — пока нет. Ему забот хватает.

— Чудовище, — сказал Киматаре Ойбор, рассматривая рычащую громадину буровой установки, — ревет, как живая.

Свободные от вахты рабочие готовились ко сну: через семь с половиной часов им предстояла новая гонка в недра, требовавшая постоянного обновления сил и энергии.

Прибытие далеко не молодого гостя, отважившегося на довольно утомительное путешествие по голой песчаной равнине верхом на строптивом муле ради короткого, но лестного знакомства с нефтеразведчиками, внесло заметное оживление в сравнительно однообразную жизнь лагеря и породило новые разговоры тех, кто

искренне верил, что прибывший — служитель заповедника и весь путь оттуда тряся на жесткой спине ушастого гибрида лошади и осла.

— Заповедник в мертвой пустыне, надо же, — простодушно удивлялся Сергей, — хоть бы что путное, так нет, охраняют ящериц, пауков и прочую ползучую гадость. Я понимаю, беречь крупный и ценный дикий скот от браконьеров, к примеру, буйволов там разных, носорогов. Крокодила. Вот меня возили хлопцы с электростанции на экскурсию, опять же к примеру, смотреть тех же носорогов — прямо красота. Носорогов — жуть, здоровые — во, глаза, как у алкашей, злые, бегают по траве — аж машину трусит за полкилометра. И что характерно, ихние же охранники от них же тикают. Редких животных и редкую природу надо сохранять, известное дело, даже в ООН заседать стали по этому вопросу, в газетах пишут, а на кой сторожить пустыню? Что, сюда браконьер полезет за пауком или гадюкой? Пустыня, она пустыня и есть, никому не нужна. Разве что научным работникам. Да нам, нефтярям.

Внимательно и сочувственно, как и всякую иную речь своего дизельного наставника, выслушал Баба-Тим засыпающего великана, помолчал для приличия, дескать, всякую услышанную мудрость должно переваривать не спеша, добротнo, и лишь потом и себе порассуждал, клонясь к надувной подушке:

— В саванне хорошо, в песке плохо. Настоящая пустыня далеко. Мы находимся на малых песках, на малых. Большие пески — целый сухой океан. Мы работаем на клочке песка, оторванном от океана, как в лагуне. С настоящей пустыней нас разделяет зеленая полоса, зеленая. Там, далеко-далеко, заросли агавы, слоновой травы. Сразу после дымов Аномо. Там есть роща кофейных деревьев, там есть источники, большой ручей, как река, там много ценных животных, больших и маленький, больших... и ма... и маленьких... больших... хрр...

Обнаженный до пояса, сложенный, как мифический Аполлон, парень в модных синевато-дымных очках-фильтрах и хрустящем при движениях резиновом фартуке отпустил положенную дозу горючего, с подчеркнутым достоинством, чуть ли не с неохотой, не пересчиты-

вая, не пробуя на зуб, не рассыпаясь в благодарностях, не намекая на чаевые, принял плату и, приподняв над головой фирменную шапочку левой рукой, выхватил правой из-за пояса лоскут замши и символически помахал им над задним стеклом уже отъезжающего автомобиля.

И только когда машина скрылась, тщательно пересчитал монетки, проверил на зуб, громко пожелал скряге гвоздя в шину и опустил деньги в жестяную коробку с прорезью в крышке.

Выдалась пауза, пока никто не подъезжал к бензоколонке.

Сухой, горячий, изнуряющий день висел над городом, нагревая дома, как печи. Деревья тянули опаленные ветви к небу в немой мольбе о живительной влаге.

Заправщик подошел к будке и укрылся в узкой полоске тени от козырька. Он стоял и тихо насвистывал, водил головой во все стороны, опираясь на прилавочек отведенными назад локтями и выпятив плоский живот.

Вероятно, он очень гордился тем, что как бы являлся полноправным представителем известной заморской фирмы, протянувшей свои соски-щупальца, источающие бензин и ощупывающие карманы владельцев автомобилей, во многие страны, лишенные собственного горючего.

Будка сверкала лаком желто-красной окраски, над ней возвышался большой круглый щит с броскими литерами «ESSO».

Заправщик был молод и наивен в своем дутом тщеславии. Ему нравилась яркая будка, нравилась яркая бензоколонка, нравилась яркая шапочка, нравились яркие автомобили, бессильные без его кормушки. Ему нравился он сам, независимый, стройный, красивый настолько, что ему улыбались даже молоденькие белые пассажирки приезжавших и отъезжавших машин.

Сейчас машин было мало, такое время дня. Заправщик в минуты затишья развлекался перепалкой с недавно обосновавшимся неподалеку башмачником.

— Эй, конкурент! Не надоело чесать глаза об мои моторы?

— Его моторы... ты хоть раз сидел в салоне авто, чучело? — с готовностью отозвался скучавший старичок. Он томился, как арестант, в переселенной не по

его охоте мастерской, которая представляла собой натянутую на четырех палках вылинявшую холстину от солнца, легкий раскладной стульчик, перевернутый вверх дном массивный ящик, коробку с инструментами, тяжелую чугунную лапу и писанную от руки вывеску.

— Мне и так хорошо, не то что некоторым, — огрызнулся парень.

— Ему хорошо, — хмыкнул башмачник, — ряженое чучело.

— Завидуешь. — Заправщик сдвинул темные очки на лоб и потер переносицу с важным видом преуспевающего хозяина. — Не выдержишь конкуренции, напрасно подсел ко мне.

— Нужен ты мне, как же.

— Неспроста подсел, завидуешь, завидуешь мне, старикашка.

Башмачник на миг оторвался от работы, вприщурку посмотрел на юного соседа.

— Угадал, тебе все завидуют, даже те, что в машинах.

— Я предупреждал старого бизнесмена, — насмешливо продолжал парень, — тут ни черта не заработаешь.

— Отвяжись.

— Жалко смотреть на тебя, старый, ей-богу, жалко. Я сразу приметил, как текут у тебя слюнки, когда я загребаю денежки.

— Он загребают... осел! Да я плюю на те денежки! У меня свои водятся!

— Враки. Так бы и проглотил меня и моих клиентов от зависти. Думаешь, не вижу? Глаз от машин не отрывает. — Заправщик вновь опустил очки на нос и поправил фирменную шапочку. — Бьюсь об заклад, это твоя ведьма спровадила тебя с площади в такую даль. Сама небось наставляет тебе рога в это время, а?

— А вот я тебя, сопляка, сейчас огрею по башке молотком за язык твой шелудивый, поговори еще.

— Ой, страшно! Ой, боюсь! Боюсь, что сам рассыпешься! — гоготал глупый парень, красивый как Аполлон.

— И откуда берутся ослы? — спросил старик у неба.

— Ругайся, хоть лопни, все равно я загребаю денежки, не ты.

— Лакей, он загребают денежки... Для кого? Сам-то ты ел хоть что-нибудь с утра?

Сергей Гринюк и Лумбо чистили вибросита работающей буровой. К ним подошел Ник Матье, он только что сменился.

Длинные и волнистые его волосы, стянутые ремешком, как у древних викингов или киноиндейцев, утратили каштановый оттенок под палящими лучами неугомимого светила, черты загоревшего до черноты лица заметно обострились, придавая какую-то особенную суровость всему картинно-мужественному облику плечистого, мускулистого и рослого человека, и лишь глаза по-прежнему светились синими вспышками.

— Отбарабанил свою восьмерку? — сочувственно молвил Сергей. — Поешь и заваливайся на боковую.

— Мне хватает и шести часов, — обронил Ник. — Кувалда из кремня.

— Борис всем советует строго держать режим, в режиме легче.

— А он не может предсказать, когда конец света?

Сергей посмотрел на него и снова занялся скребком, смолчал.

Ник Матье побрел к цистерне с водой, открыл кран, подставил шею, затем лицо под освежающую струю, сделал несколько быстрых глотков, точно оторвал зубами от струи несколько равных кусков, и вернулся к виброситу, не прикрутив, ослепленный стекавшими с волос ручейками, кран до конца.

Сергей заметил это и сказал:

— Ты не закрыл кран как следует, Ник, вытекает.

Матье обернулся на цистерну, досадливо махнул рукой и, опускаясь на доски в тени, бросил Лумбо:

— Сбегай.

Тот вскочил, но был остановлен Сергеем, который распрямился во весь рост и повторил, обращаясь к Матье:

— Ты не закрыл кран как следует, Ник. Вода вытекает.

Удивительной синевы были глаза у Матье. Просто необыкновенные.

Ник Матье разжал кулаки и рассмеялся.

Так, смеясь, он поднялся и пошел закручивать вентиль. И вернулся опять на свое место в тени, в которой все равно не было спасу от зноя.

Сергей и Лумбо перебрались от вибросита к подпа-

лубку вышки, принялись сгребать лопатами пересохшие и тарахтящие, как горох или крупная дробь, катыши шлама, выброшенного на поверхность долотами грунта.

Недавняя буря намела целые горы грязи к основанию вышки, которая стояла на широких, похожих на лыжи полозьях.

Ник вяло зажег сигарету, и она быстро сгорала в сжатых его губах, источая непрерывную струйку дыма, тень от которой ползла коричневой змейкой по песку у его ног. Он, казалось, забыл о сигарете, тупо смотрел на полозья буровой.

— В двенадцать лет от роду я не имел равных среди сверстников в Массачусетсе по скоростному катанию на водных лыжах. Дважды отхватывал Малый кубок Кейп-Кода... — вдруг проронил Ник.

— Здорово, — добродушно отозвался Сергей, — у нас на Днепре тоже взяли моду гонять на лыжах. В отпуск насмотрелся. К нам на соревнование понаехали со всего Союза. Такие фортели выделывают мальцы за глиссером и на трамплине — голова кружится. Но я не пробовал. Я уважаю с удочкой в камышах.

— Вода и скорость — это для мужчин. Это, конечно же, только для них...

— А я скажу, брат, сам видел, девушки там гоняли не хуже пацанов. Малявки, меньше нашей Джойки, а гоняли на лыжах с такими фокусами — аж смотреть страшно. Не-е, с удочкой бабу не увидишь. Редко.

— Шагнуть бы в море и не вылазить...

— Успеем, — сказал Сергей, — куда ему деваться.

— Получу монету — в тот же день на самолет... Домой. Будь что будет. Все, что было и не было, все выплуну к черту с желчью и кровью...

Сергей и Лумбо как по команде подняли на него глаза.

Ник тупо глядел в одну точку, сидя на корточках со сложенными на коленях руками и уткнувшись в них подбородком, съежившийся в неподвижный ком перед струившейся тенью сигаретного дымка, точно факир перед змеей.

— Все выплуну к черту, — повторил Ник Матье, — будь что будет, но вернусь на Кейп-Код.

— Поешь и ложись-ка отдыхать, друже, — посоветовал ему Сергей.

Ник согласно покивал головой, ухмыльнулся вне-

запно, сунул окурок в песок, подобрал и откинул упавшую на лицо прядь волос и сказал:

— Можно с тобой начистоту?

— Здрасте.

— Все хочу раскусить вас... Ну, они — это объяснимо, — Ник повел рукой в сторону палаток, где различимы были фигурки послевахтовых рабочих, — а вы ради чего?

— Договаривай, раз начистоту, — сказал Сергей.

— Вот я и спрашиваю себя: ради чего два отличных парня роются здесь на износ за тысячи миль от дома? Ты и Борис. Чужбина, будь она проклята, глотаешь воздух, как утюги... Ради чужого бензина? Я слышал, в России он дешевле лимонада, хоть топись в нем. Это правда? Неужели это правда? Неужели хоть топись?

— Горючки у нас, конечно, навалом, имеет место, как говорится. Но ты чудной мужик, прямо скажу. — Сергей оперся на шишковатый держак лопаты и так постоял подумал, ковырнул ногой грудку комковатой породы перед собой. — Им же надо позарез, им же строить и строить. Кому они нужны, злыдни... А как без горючки в наше время? Не-е, братец-новобранец, картина ясная, надо, хоть лопни. Чем скорее, тем лучше.

— Кому?

— Чего — кому?

— Кому нужно, хоть лопни и поскорей?

— Да им же, вареник ты лапотный. Вот, к примеру, у нас. После революции, после гражданской ни хрена, считай, не было. Историю изучал? Так вот. Разруха. И народу — миллионы. А кто зажиточный тогда подсобил со стороны? Только гавкали. — Сергей с силой вогнал лопату в грудку породы. — Все сами. Все своим горбом подняли наши деды и отцы. И стоим выше высокого. А раз сила есть, как не поддержать малых братьев, покуда не окрепнут на голом месте, не вырастут капитально. Без подмоги погано на голом месте. Земля, она общая, надо держаться гуртом. Как у нас.

— В Советском Союзе все племена живут как один род, — вдруг единым духом выпалил Лумбо, отступив от Ника на шаг, — наш Банго тебе объяснил бы, мастер Ники.

Матье только рукой отмахнулся от него, не отводя от Сергея синих, чуть прищуренных глаз.

— Не обижайся, но, похоже, это красненькая про-

паганда, а договаривались начистоту, — сказал он дизелисту.

— Э, вот как?.. Тогда отвали, не отвлекай, раз для тебя светлое — это темное. Знакомая поза, видали. Читал я у Чехова рассказ, там один дубоватый мужик пишет письмо ученому, хочет показать себя выше и умней, отрицает напропалую железные истины, заявляет: этого не может бЫть, потому что этого не может быть никогда.

— Лично я ничего не собираюсь доказывать, — примирительно сказал Ник. — Просто мне интересно узнать, что у вас на уме.

— Всем должно быть хорошо. Нельзя, чтобы, к примеру, дети одних грызли кулак со слезами, а другие отрывали от обжорства. На земле должно быть хорошо всем. Хорошо и справедливо. Для нас это первое дело. Вот и вся пропаганда.

— Первое дело — белому укатить из дому, чтобы с этим парнем, — Ник кивнул на Лумбо, — валяться в мазуте, жевать песок и вялиться на сумасшедшем солнце. Хоть бы было что взять с них...

— Опять двадцать пять! — Сергей шлепнул себя по колену. — Отвали! Ты что, прикидываешься? Белый, черный, желтый, малиновый, в крапинку... ты же вроде не гад какой, не крохобор, рядом пуп надрываешь, стало быть, понимаешь равенство и справедливость. Кончай дразнить!

— Не дразни его, мастер Ники! — воскликнул Лумбо.

— Я не расист, — поспешно произнес Ник, — и не политик.

— А что люди между собой непохожие — это же замечательно, — продолжал, увлекаясь нахлынувшими мыслями, Сергей Гринюк, — исключительно симпатично, что мы разноцветные, как цветы! Разве нет?

— Да, — с ухмылкой кивнул Ник и полез за новой сигаретой. Прикурил. Спихватился, протянул сигарету Сергею и Лумбо. Те не отказались, как и положено среди товарищей, хотя предпочитали собственные.

Помолчали.

— Ну и жарыща, — сказал Сергей, — вот мир устроен...

— Да, хорошо, — сказал Лумбо.

— У вас там только морозы и снег? — спросил Ник у дизелиста. — Лето холодное?

— Что ты, бывает как здесь. Пошабашим — приглашаю в гости. Приезжай в Союз, сам погляди. На словах не то. Можно оформить вызов чин чинарем, погостишь — любо-дорого, порыбачим на зорьке. Эх, зорька ясная, рыбалка классная!.. Днепро... в камышах холодок, краснопер косяками, а на глубинке в течку да под добрую закрыху лещи идут как сковородки, хоп — и в посаку. У меня дюралька с «Вихрем», зверь мотор, двадцать пять лошадок. Перед командировкой сам картер расточил, винт усовершенствовал по-своему...

— Меня там ждут с шампанским и оркестром, — Ник резко поднялся и ушел, бросив через плечо: — Антракт, фанатики.

— Сердитый мастер, — пожав плечами, молвил Лумбо и принялся орудовать лопатой с неприсущей его характеру яростью.

41

Причина, побудившая папашу Гикуйю принарядиться и забраться в трущобы пригородного района Шарбатли, была известна только ему, и он отнюдь не собирался поведать о ней даже самым любопытным, что далеко не молча взирали на франта, слонявшегося в лабиринте жалких хибарок, которые лепились друг к другу вдоль зловонных канав.

Усердие, с каким он выискивал кого-то, и явное нежелание отвечать на вопросы встречных всполошили обитателей Шарбатли, главным образом из числа тех, кого принято называть сомнительными типами.

Короче, довольно скоро за Гикуйю увязалась пара угрюмых молодцев, каждый не меньше шести футов ростом. Весом они тоже не были обделены.

Эти детины с расхлябанными походками в конечном счете приперли его к стенке в тихом тупичке, недвусмысленно сунув свои правые руки в карманы замызганных и обтрепанных пиджаков.

Они стояли и рассматривали жертву их любопытства, словно прикидывали, где у такого упитанного человека самое уязвимое место на теле.

Гикуйю же не выглядел перепуганным насмерть, что, вероятно, и спасало его от незамедлительного нападения отвратительных незнакомцев.

Больше, чем их неприглядный вид, претил бармену запах, исходивший из оскаленных ртов громил. Это был

мерзкий, устоявшийся смрад спиртного. Морщась и подрагивая носом, бармен мгновенно определил перегар чудовищного бича беднейших кварталов скокьярма, смеси кукурузного дистиллята с табачным экстрактом и карбидом.

С такими пропойцами Гикуйю умел говорить, помня себя на заре собственных коммерческих начинаний в подобных трущобах Кении, откуда перебрался в эти края всего девять лет назад.

— Не сделайте глупость, — сказал он, — чтобы не раскаиваться всю свою короткую после этого жизнь.

— Сыч? — рявкнул первый тип.

— Что вынюхиваешь, красавчик? — спокойней спросил второй.

— Все в порядке, ребята, — заверил Гикуйю, стараясь держаться поуверенней, — я приятель Кувалды Матье. Пришел порадовать его содержимым вот этой бутылки, — он похлопал по оттопыривавшемуся карману, — да, видно, заблудился среди ваших небоскребов.

— Не припомню, чтобы упомянутый господин водился с такими, — недоверчиво сказал первый.

— Ники сам частенько навещался ко мне. Я держу питейное заведение в центре. Вы единственные на планете не знаете папашу Гикуйю из «Кутубии».

— Верно, это он, — сказал второй, — я бывал в этом баре раз пять, не меньше, шикарно. Это он, хоть и вырядился как священник, не сразу и признаешь.

— Я пришел в гости, — подсказал бармен.

— С какой целью? — менее агрессивно спросил первый. — Только не утруждайся сказочкой про бутылку.

— Давно не виделись, вот я и говорю себе сегодня: уж не захворал ли Матье, если совсем не показывает носа? Ну и, конечно, хотел поделиться кой-какими наблюдениями, думаю, интересными для него.

— Какими?

— Э, ребята, не увлекайтесь.

— Здесь его не ищи, — сказал первый, оставив свой карман в покое.

— До тебя уже интересовались, — добавил второй, — белые панамы все у него перевернули вверх дном, все перерыли. Уноси-ка и ты ноги, если и впрямь вы с Кувалдой приятели.

— А бутылочку оставь, раз притащил, мы помолимся с ней за тебя и за него, — хихикнул первый.

Гикуйю прикрыл карман ладонью и отступил на шаг, прикоснувшись лопатками к стенке. Верзилы переглянулись.

— Я не прочь с ней расстаться, — сказал бармен, — с вами тоже, но по-джентльменски. Предлагаю честную сделку, в обмен на нее вы шепнете мне новый адрес Кувалды. Для его же пользы, не сомневайтесь. В бутылке, между прочим, не какой-нибудь вонючий скокьярм.

Громилы снова переглянулись, разом сунули руки в правые карманы пиджаков, как в самом начале, поиграли желваками и произнесли десятка два ругательств, от которых дрогнул бы даже любой артельный старшина портовых грузчиков. Но папаша Гикуйю устоял.

— Не волнуйся, — сказал ему первый, поигрывая лезвием ржавой опасной бритвы, держа ее так, как держат жеманные дамы рюмку ликера, отставив мизинец, — тут же и похороним аккуратненько и с оплакиванием.

— Все расходы на панихиду берем на себя, — добавил второй, озираясь.

Гикуйю вынул бутылку, поднял ее высоко над головой и сказал:

— Вдребезги разнесу ее об стену, если не перестанете валять дурака.

Такая угроза возымела на них ошеломляющее действие, оба растерянно захлопали глазами и, выразительно переглянувшись в третий раз, отступили с покорностью ягнят.

— Рассказывают, будто видели его в шикарном барахле возле «Массауа». Похоже, он якшается с важными птицами, — сказал первый, пряча бритву и не отводя вожделенного взора от пестрой бутылочной наклейки, сиявшей, как нимб, над курчавой головой бармена.

— Если не оставлю в Шарбатли и капли здоровья, буду рад угостить вас разок-другой в своей «Кутубии». — С этими словами папаша Гикуйю опустил бутылку в сомкнувшиеся перед ним четыре ладони и поддал вон.

Выбравшись из клоаки предгородни, он нанял такси и поехал в центр.

Отпустил машину, немного не доезжая до высокой ограды с чугунными вензелями над калиткой, рядом с которой красовалась строгая черная дощечка из мрамора с золотистыми надписями, вверху — «Частный пансион «Массауа», мадам и месье Бланш», 1940, па-

тент № 133» и внизу по-латыни более мелким шрифтом — «Ad valorem» *.

Гикуйю вдруг оробел. Он ощутил неприятное нарастание холода в животе, а руки вспотели от неосознанной тревоги.

Сквозь прутья ограды проглядывались пальмовая аллея, два крошечных квадратных бассейна с фонтанами, теннисный корт и широкая, словно открытая палуба океанского корабля, поднятая на дугообразных опорах площадка азариума с пустующими шезлонгами, прилегавшая к добротному белостенному жилому сооружению в тяжелом романском стиле.

Бармен облизал губы, расстегнул пуговицу выходного пиджака, чтобы был виден дорогой полосатый жилет, достойный эстрадного конференсье, и почтительно подергал висячую ручку колокольчика.

Вскоре перед ним с очаровательной улыбкой предстала изумительная девушка в белоснежном переднике и наколке. Она точно сошла с рекламного проспекта Всеафриканского бюро путешествий. На кукольном ее личике отражались неопикуемый восторг и счастье в связи с приходом толстогобго незнакомца. Она была вся внимание.

— Кувалда у вас? — ляпнул бармен от растерянности.

— Простите?

— Это... я ишу... э-э... господина Матье. Ника Матье, пожалуйста.

— Матье, вы сказали? Матье... Да. Ник Матье, эксперт по горному оборудованию! Сожалею, но он уже не живет в пансионе мадам Бланш.

— А где?

— Очень сожалею, но это нам неизвестно. Он давно уехал с каким-то государственным чиновником и больше не возвращался.

Папаша Гикуйю воровато огляделся по сторонам, шумно вздохнул, зажмурился, как перед неизбежной пощечиной, слепо вскинул руку и потрепал эфемерное создание по щеке. Выждав секунду, ущипнул. Снова выждал. Открыл глаза. Она по-прежнему сияла от счастья и восторга.

Гикуйю удивился так сильно, что ушел не попрощавшись.

---

* Сообразно цене (лат.).

Примерно полчаса спустя бармен толкнул входную вертушку отеля «Масаи».

Его не оставляло ощущение холода в животе. В пригороде Шарбатли ему не было страшно. Ему было страшно на пороге фешенебельного отеля.

— Я хотел бы повидать журналиста по имени Вуд, — сказал он портье, утираясь рукавом и посматривая искомса на присутствующих в холле.

Портье уставился на него, как контролер на «зайца» в поезде.

— Он вас ждет?

— Тебе что за дело? — Гикуйю решился на смелые действия. — Где его номер? Как туда пройти?

— Он вас ждет, человек, которого спрашиваете?

— Так и будем швыряться вопросами? Я тебя пока что вежливо спрашиваю, где номер журналиста по имени Вуд?

— Момент, — портье порылся в регистрационной книге, — прошу вас, прямо по коридору, налево, вверх по лестнице. Вторая дверь. Лифтом дольше, лучше пешком.

— Он у себя?

— Ключа нет, и я не помню, чтобы он выходил.

— Спасибо.

Бармен поспешил, куда было указано.

Поднимаясь по ступеням боковой лестницы, споткнулся и чуть не упал. Ему почудилось, что за спиной прошуршал диск телефона, однако впопыхах он не придал этому значения.

Лестница привела на огромную безлюдную веранду, утопавшую в цветах. Цветы насмешливо покачивали головками.

Ничто не нарушало здесь покоя.

Сообразив, что его примитивно надули, Гикуйю спустился вниз, задыхаясь от ходьбы и гнева.

— Нижайше прошу извинить, — осклабясь, портье бросился ему навстречу с обезоруживающим раскаянием в голосе и с громкими пощелкиваниями пальцев обеих рук у собственных висков, что означало высшую степень презрения к самому себе, — досадная ошибка. Я спохватился, но вы так быстро исчезли, что не успел вернуть. Не та, а, наоборот, вот эта лестница. Второй этаж, номер двадцать девять. Еще и еще раз прошу извинить.

Гикуйю хрипло подышал ему в лицо, раздувая нозд-

ри, как конь после затяжной скачки, и беззвучно шевеля своими толстыми губами, после чего уже не столь торопливо отправился по другой лестнице на второй этаж.

Дверь двадцать девятого номера находилась напротив округлой ниши с гипсовой копией тоскующей безрукой и незрячей девушки, той самой, которую зовут Венера Милосская и которую в далекие-предалекие времена передравшиеся из-за нее французские и греческие матросы утопили в заливе Климас, уронив за борт прославившегося после этого случая кораблика с названием «Эстафета».

Не будь бармен так поглощен своими тяжкими мыслями, он, возможно, не преминул бы окинуть восхищенным оком классические формы статуи. И возможно, мысленно или вслух осудил бы неизвестных негодяев, походя гасивших окурки на ее библейском месте. И уж наверняка очень и очень удивился бы, обнаружив за постаментом девушки Венеры торчащие носки чьих-то нечищенных штиблет мужского фасона.

Тщетно скребся папаша Гикуйю в безответную дверь. Потом обернулся на шорох и обомлел.

Из-за классической гипсовой статуи бочком вылез крепыш в подтяжках и с физиономией, достойной кирпича. Он приставил шестизарядный никелированный «смит» к окончательно обледеневшему животу бармена как раз между второй и третьей пуговицами полосатого жилета, считая с любого конца, и прошипел:

— Так это ты поднял шум, образина?

— Мне... я хотел... хозяина нет, а мне показалось... я видел в бинокль, это его вещичка... предупредить...

— Выражайся яснее.

— Я хочу... мне нужно повидать господина журналиста.

— А кто ты такой?

— Владелец бара на улице Капуцинов.

— Хо! Выходит, из-за какого-нибудь должка Вуда ты набрался наглости беспокоить его? Пошел вон!

— Да нет, мне нужно...

— Всем нужно. Мне тоже всегда нужны монеты. Пошел!

— Поймите, хороший человек, вы не даете мне открыть рта. Я бежал сюда во весь дух, чтобы встretиться лично с господином журналистом, он должен...

Крепыш в подтяжках снова оборвал его, зеленея от бешенства;

— Должен? Тебе? Заткнись! И вот что, когда победишь во весь дух обратно, постарайся начисто забыть сюда дорогу. Или тебя вынесут вперед ногами с проломленной башкой. — Он подбросил револьвер и поймал его за ствол, превратив таким образом в подобие молотка. — Считаю до двух. Раз!

Гикуйю сам подивился бы своей прыти, мигом очутившись на лестничной площадке между этажами, но было не до этого: виски оглушительно стучали, сердце билось в грудной клетке, как взбунтовавшийся узник, ноги подкосились, и он опустился на колени, уткнувшись локтями в ворсистую мягкость ковровой дорожки, помутившимся взором уставился вниз, где посреди холла лежала черная, огромная, лакированная кобура пистолета. Он долго не мог сообразить, что это рояль.

Спустя некоторое время, пошатываясь и всхлипывая, как незаслуженно обиженное дитя, папаша Гикуйю побрел к выходу и, пнув со злостью ни в чем не повинную вертушку, вывалился из отеля на площадь.

Швейцар что-то крикнул ему в спину по поводу вертушки, но бармен ничего не слышал. Он вообще ничего не слышал и не видел вокруг. Через возбужденный мозг проносилась цепочка лихорадочных мыслей: «Они на крючке у полиции. Я связан с ними. Решил рассказать Вуду, посоветоваться. Не вышло. Что делать? Вуд — сила. Матье — ничто. Я не повинен ни в чем. Они использовали бар для обсуждения своих делишек. Это может бросить тень на меня. Нужно себя обезопасить. Как? Пойти в полицию? Продать? Вуд — страшная сила. Матье — ничтожество из Шарбатли. Так что же делать? Как мне поступить?»

42

Услыхав тихую девичью песенку, Ник Матье на четвереньках вылез из палатки и, щурясь от яркого света, поискал певунью глазами.

Он обогнул тент склада, за которым находился импровизированный душ: бочка на высоких, грубых столбах, обтянутых куском брезента.

Сквозь небрежно задернутую прореху-вход была видна обнаженная, безмятежно купающаяся Джой, она весело напевала под тихий плеск падавшей на нее воды.

Небольшого росточка, совсем еще юная, по-спортивному ладно сбитая и подвижная, в струйках воды и

солнца, ласкавшего ее сверху, она напоминала упругую форель, резвящуюся в чистом горном водопаде.

С Ника Матье слетели клочья ватного сна. Сердце ударило в горло, а глаза налились свинцовой тяжестью.

Пела Джой, не подозревая, что рядом, притаясь, мужчина жадно смотрит на нее. Джой пела, может быть, чуть лучше, чем всегда.

— Ты прекрасна, — чуть слышно сказал Ник Матье.

Девушка испуганно вскрикнула, сдернула с гвоздя платье, нырнула в него и возмущенно вышла из тесного убежища.

— Ты прекрасна, Джой, — повторил Ник.

— Стыдно, Ники!

— Ты сама не знаешь, как прекрасна, — сказал он, проведя языком по пересохшим губам. — Послушай, я не прокаженный и не сифилитик в конце концов. Ты мне нравишься. Очень.

— Как вы смеете! — Она порывалась уйти, но Ник преграждал ей путь.

— Оставь, детка, я ведь все время натыкаюсь на твои глазки.

— Стыдно, Ники, стыдно, не ожидала от вас. — Джой убрала со лба мокрые волосы, провела по ним ладонями, выжимая воду.

— Я не слепой, давно замечаю, как ты посматриваешь на меня, — сказал Ник, — но, кажется, тебе еще один приглянулся, а?

— Нужны вы мне, как же.

— Хм, водишь за мной глазками, это уж точно. Хватит обманывать себя. Я тоже все эти дни только и делаю, что ищу тебя глазами.

— Чепуха.

— Ничуть. Все правильно. Со мной, во всяком случае. А вот с ним... Ему первому и жратву, и улыбочку, и рубаху постирать. Собственными ручками. Даже Габи не подпускаешь. — Ник за плечи рывком придвинул ее к себе. — Что ж, Борис творит чудеса и не болтает попусту. Он в порядке, этот парень, у которого далеко-далеко, дома, полный комплект. Я знаю. Нет, Джой, так не по правилам. Не ищи другой берег, прибейся к моему сразу, он надежней. Не надо хитрить, Матье этого не переносит. Матье предпочитает прямо, без зигзагов, особенно в мире, где мужчины и женщины.

— Габи в лаборатории, она может услышать всю эту гадость,

— Габи, Габи... — проворчал Ник. — За какие заслуги вы носите ее на руках? Эта ваша Габи скулит по ночам, как пятнистая гиена, а днем и не заподозришь. Оставим вашу Габи, поговорим о нас с тобой, давно пора.

— Она потеряла мужа, самого дорогого человека. Если еще хоть раз позволите себе о ней... если вы.. я не хочу вас знать!

— Ого! Отсохнет мой язык, если коснусь ее хоть мысленно.

— Что это с вами сегодня, Ники? Ну как вам не стыдно бросаться такими гадкими словами?

— В гневе ты еще прекрасней, Джой.

— Габи удивительная, — сказала она, высвобождая свои плечи из цепких его рук, — никогда не смейте говорить о ней так. Это ужасно.

— Мне нет до нее дела. Мне нужна ты.

— И этого не хочу слышать.

— Правда? Вот уж не ожидал. Напрасно ее вспомнил, некстати, да? Серьезно, мне она безразлична. В самом деле, какое мне дело? Пусть выплачется потихоньку. Блаженны плачущие, ибо они утешатся, как выразился Предвечный, а за ним и один мой знакомый литератор за стаканчиком в баре. И еще он учил: «Возлюби ближнего». Христос, конечно. Тот литератор не слишком силен в любви к ближним.

— Зачем мне вся эта галиматья? Отойдите, Ники, мне нужно готовить еду на вечер. Да пустите же, как вам не стыдно! Хотите, чтобы мы с вами поссорились?

— Погоди, малышка. Грешно отталкивать учение святейшего. Возлюби ближнего. Джой, не кошунствуй. Я ближе всех. — Он потянулся к ее талии, но девушка неожиданно для него ловко, резко взмахнула ребром ладони, будто острым секачом.

Со смешанным чувством удивления и восхищения Ник Матье провожал ее взглядом своих пронзительно синих глаз, потирая весьма ощутимо ушибленную руку, на которой отчетливо виднелась татуировка.

43

— Вот здесь, — похлопав себя по руке, заискивающе рассказывал папаша Гикуйю, — две пальмы, между ними верблюд, как на коробке старых «кэмэл» или на

бутылочке французского коньяка... вам принести как-нибудь бутыл... парочку бутылок из давних запасов? У меня еще есть. Для особых случаев. Только прикажите.

— Татуировка.

— Да, да, виноват, вот здесь, на правой, две пальмы, верблюд и подпись насчет африканского сувенира.

— Ну и что?

— Уверен, господин офицер...

— Гражданин.

— Да, да, гражданин офицер, вам не нужно объяснять, что руки с такими картинками чаще держали карабин где-то на севере, чем стакан в моем лояльном заведении. Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Я вас слушаю, продолжайте.

— Когда кое-кто из недобитых наемников пробирался сверху через весь континент в Преторию и в старый, я хочу сказать, прежний Солсбери, когда он еще был Солсбери, некоторые оседали в наших краях.

— Не будем пока ворошить далекую историю, — перебил бармена Даги Нгоро, — есть злободневные вопросы. Например, что вы можете сказать по поводу сухой лагуны справа?

— Как вы сказали?

— Сухая лагуна справа, — повторил Нгоро.

— Не понимаю, что вы имеете в виду?

— Сухую лагуну справа, черт возьми! Теперь слышно?

— Впервые слышу, гражданин офицер начальник.

Капитан прошелся из угла в угол. Подошел к двери и выглянул в коридор. Затем, плотно притворив дверь, вернулся за стол. Задумался.

— Вы кого-то ждете? — заерзал Гикуйю на стуле. — Я бы хотел без лишних свидетелей. Войдите в мое положение, уважаемый начальник.

— Быстро и точно отвечайте на мои вопросы, — резко сказал Нгоро, — старайтесь не рассуждать без нужды.

Гикуйю вдруг насупил, сказал, глядя в сторону:

— Осмелюсь напомнить гражданину офицеру: я пришел добровольно, с намерением оказать возможную пользу уважаемой полиции, как честный, ни в чем и никогда не провинившийся человек. У меня и удостоверение личности в порядке, — он полез во внутренний кар-

ман пиджака, — меня все знают, каждый на улице Капуцинов поручится за меня.

Даги Нгоро махнул рукой, отстраняя протянутый ему документ.

— Спрячьте, я уже видел. Так... значит, о сухой лагуне вы не слышали. Хорошо. Тогда припомните, кому из ваших друзей принадлежит легковой автомобиль марки «рено». Или принадлежал. Желтого цвета.

Произнеся это, Нгоро впился в бармена взглядом, до хруста сжав пальцами край стола и подавшись вперед.

— По правде говоря, у папаши Гикуйю никогда не было друзей. — Гикуйю шумно высморкался в платок и покашлял, потеряв горло. — Друзья... Где их взять, настоящих?

— В «Кутубии» всегда бывают некоторые лица. Постоянные.

— Постоянные более или менее. У меня двери открыты для всех.

— Я о тех, кто заглядывает к вам чаще прочих, — сказал Нгоро, буравя бармена глазами, в которых не было ничего доброго.

— Прежде всего, они мне не друзья, с вашего разрешения. Посетители бара, не больше. Очень прошу не забывать, что я пришел с самыми лучшими намерениями, рассчитывая на благородную беседу, а не допрос.

— Полиция вам благодарна, — сказал капитан, не меняя позы, — итак, желтый «рено» с форсированным двигателем.

— Позвольте? — Гикуйю плеснул из сифона воды в стакан и принялся отпивать ее маленькими глотками, точно лакал мартини, причмокивая и посапывая.

— Ну? — произнес Даги Нгоро, дождавшись, когда он утолит жажду.

— Думаю, такая машина водилась у одного господина. Но месяца полтора назад я случайно услышал, как он жаловался, что ее украли. Угнали прямо на улице. Правда, рассказывая об этом, он не выглядел слишком расстроенным.

— Почему, вы не можете сказать?

— Откуда мне знать, гражданин офицер, я просто решил тогда, что он не очень-то горюет о пропаже, вот и все.

— Давайте-ка будем откровенными, а то наш допрос, простите, благородная беседа рискует затянуться до ночи. Мне, как и вам, не терпится домой.

— Я откровенен, клянусь, вполне откровенен с вами, — заверил Гикуйю, — иначе зачем бы я приходил сюда.

— Я вам верю. И все же, простите мою настойчивость, отчего ему не было жаль автомобиля? Он нашелся?

— Я не сказал, будто не было жаль, я сказал: не выглядел слишком расстроенным. Возможно, оттого, что у него хватает машин и без этой.

— Откуда вам известно, что машин у него много?

— О, господи!.. Извините. У меня профессиональный нюх на богачей.

— Машина нашлась?

— Понятия не имею, гражданин начальник полиции. Ничего я не знаю. Пришел к вам по поводу вызывающего подозрение, как мне кажется, бродяги по кличке Кувалда, а разговор все время уходит в сторону. Этак недолго раскаяться, что пришел.

— Вы сказали, что слышали про украденную машину полтора месяца назад. Кому он говорил об этом?

— Не помню, клянусь создателем. В баре столько народу.

— Хорошо. — Нгоро встал и подошел к вспотевшему бармену. — А почему вы до сих пор так и не сообщили мне, кто был тот счастливчик, у которого угнали авто? Тоже не помните? Что-то мне не нравится ваша забывчивость. Уж не с двойным ли дном наш добровольный осведомитель?

Гикуйю чуть не подпрыгнул от обиды. С минуту он глотал воздух, разевая рот, как выброшенная на берег рыба. Потом кое-как взял себя в руки и пояснил:

— Не осмелился о нем распространяться. И не осмеливаюсь.

— Осмелишься, — грозно молвил Нгоро, — захотим — живо осмелишься.

— Очень важный иностранец, — выпучив глаза, скороговоркой, перейдя на шепот, сообщил Гикуйю, — консул. Иногда меня приглашают туда обслуживать банкеты и приемы, если не успевает управиться собственная прислуга. — Он помедлил, но затем все-таки произнес имя иностранца.

Это имя прозвучало в его устах едва-едва слышно. Но Даги Нгоро не попросил повторить, он его расслышал, это имя. И сразу же спросил:

— Вы уверены, целых полтора месяца назад шел разговор в баре о его машине?

— Да. С тех пор не удостаивал «Кутубию» чести своим посещением. Поскольку я бывал в консульстве в качестве временного прислужника, я могу поручиться, что его вообще не было в стране последнее время.

— Вы слышали об убийстве на площади Освобождения?

— Конечно, гражданин офицер, только и говорили вокруг. Да и сейчас еще толкуют об этом несчастье.

— Консула не стало в стране, как вы утверждаете, до или после происшествия?

Гикуйю уставился на капитана с крайним удивлением. Сказал твердо:

— Не знаю, почему вас это интересует, но, как перед богом, мне абсолютно точно известно, что господин консул вылетел из страны по своим делам за много дней до упомянутого убийства и еще не вернулся. У меня там приятель садовник. И кстати, мне уже прислали предупреждение, чтобы не отлучался, могут понадобиться мои услуги на предстоящей вечеринке в честь его прибытия. Когда вернется.

Всю тираду Гикуйю произнес не только твердо, но и не без гордости.

Даги Нгоро сказал:

— Что ж, благодарю вас за все. Уже поздно, нам с вами пора прощаться. Признаться, у меня был нелегкий день. Да и вас недостает сейчас в «Кутубии», не так ли?

— Да, да, я пойду, — более чем охотно согласился Гикуйю, быстро встав со стула и направляясь к двери, — прощайте, очень уважаемый начальник, прощайте.

— Последний вопрос, — задержал его Нгоро любезным голосом, — самый последний. Вы никому не говорили о своем намерении посетить нас?

— Нет. Никому. И вас прошу сохранить все между нами.

— Разумеется. Прощайте. Могу вас подвезти, если не против.

— Нет, нет, благодарю. С удовольствием пройдуся.

Густые сиреневые сумерки окутывали столицу, в теплом воздухе, словно капли молока в чернилах, растворялись первые вечерние огни.

Уже выплескивали на людные тротуары зазывную музыку распахнутые жерла кафе и ресторанов, уже тя-

нулась молодежь к излюбленным местам своих сходов, как пчелы к борти на закате трудового дня, смеясь, перекликаясь.

Толкуя о всякой всячине, попыхивали трубками и сигаретами принарядившиеся старики на скамьях, с небрежностью лордов провожая прохожих глазами.

У тумб, рекламных щитов и заборов размахивали клейкими щетками ловкие подростки, вывешивая к завтрашнему утру свежие афиши и объявления.

Городскую копоть и гарь пронизывали тонкие запахи душистых масел и пряностей. Голоса становились добрее и вкрадчивей. Привычная жизнь обычного вечера набирала разбег.

К неторопливо шагавшему сквозь веселую толпу центральных улиц Гикуйю постепенно возвращалась тихая радость мироощущения, которая еще недавно казалась ему безнадежно утраченной. Он не думал больше или по крайней мере старался не думать ни о чем дурном, ни о своих, ни о чужих поступках.

И он не хотел сейчас думать о своем баре, о проблемах, о бестолковом помощнике, который, наверно, терялся в догадках в связи с долгим отсутствием хозяина накануне открытия заведения. Он расслабился после минувшего напряжения.

В кои-то времена брел он по сумеречному празднику, шаркая подошвами и засунув руки в карманы вместо того, чтобы трясти ими опостылевший миксер, брел себе и все, бездумный, отрешенный, опустошенный извечным и порой беспричинным страхом.

Вот и последний поворот, за ним его улица, на дальнем углу которой тускло светились два рубиновых глаза безлюдной пока «Кутубии».

Он остановился, смотрел на свое детище издали, будто видел впервые. И снова к нему подступали тоска и страх, презрение к себе и другим. Он почувствовал острую жажду.

Быстрел был глухим. Гикуйю упал.

Ночью гул буровой казался особенно громким. Лязг и скрежет, звонкие удары металла, скрипение тросов на барабане лебедки и визг вращения, тарахтение водонасоса и дизельный рык, вскрики рабочих и отрывистые команды бурильщика — все смешалось и уносилось в

короткую звездную ночь бесшабашным сонмом звуков, порожденных колоссом, что был виден далеко-далеко, озаренный скрестившимися лучами прожекторов.

Борис Корин, Лумбо и Даб шагали к вышке, чтобы принять эстафету работы. Восемь часов отдыха промелькнули как восемь секунд. Впереди — восемь часов труда, долгих, как восемь лет.

— Шевелись, нефтярики! Шевелись! — подбадривал Корин помбуров, все еще продиравших глаза со сна.

— Шевелись, Лумбо! — крикнул Даб и, дурачась, нахлобучил на него каску.

Лумбо не из тех, кто остается в долгу, он тут же выхватил молоток из кармана и одним ударом пригвоздил полу спецовки Даба к деревянному перильцу ограждения отстойника, мимо которого они проходили.

— Шевелись, Даб! — хохотал Лумбо, оглядываясь на силящийся освободиться от удерживающего гвоздя силуэт своего дружка. — Даб ленивый, опять отстает, бвана.

— Сколько раз предупреждал, — рассердился Борис, — я не бвана, а товарищ. Еще обзови бваной — я те покажу, лопухому.

— Товарищ Егорович Корин Борис! — догнав их, с шутилой назидательностью воскликнул Даб над ухом Лумбо и снова надвинул ему каску на нос.

Корин сменил Матье. Молча, сосредоточенно, будто и впрямь на этапе марафонской эстафеты.

Ник и его подручные побрели к «лежбищу», еще хранившему тепло предыдущего отдыха.

Борис заметил на буровой Габи.

— Почему не спишь?

— Скоро поднимете колонну, жду свежий керн, — ответила она.

— Получишь свою «колбаску», не волнуйся! — крикнул химику Даб, ловко взбираясь на «балкон» вышки. — Наш Лумбо галантный, он вытащит керн из долота, принесет тебе, Габи!

— Я хочу сама.

Шла из горячих недр колонна труб, это «подъем», чередующаяся со «спуском» операция бурения. Ритмично, слаженно трудились нефтяники.

А в стороне от вышки, выждав, пока уснут рабочие его вахты, Ник Матье заглянул в светящееся окошко автобуса-лаборатории и постучал по нему согнутым пальцем.

— Алло, кормилица.

Вышла Джой, посвечивая фонариком и зевая вкрадкой.

— Это вы, Ники? Хотите есть? Только консервы.

— Нет, — сказал он. — Увидел свет в автобусе и вот... посиди со мной минуту, будь добра. Оглохнуть можно над ротором, а тут тишина, звезды... хорошо и спокойно. Посиди, не бойся. — Ник опустил на висячую ступеньку, прижался щекой к тонкому медному поручню и закрыл глаза.

Джой немного поколебалась, затем зачем-то ушла внутрь автобуса и, воротясь очень скоро, присела рядом с Ником.

— Не спится, — сказала она, — душно. Вы устали?

— Нисколько. Хм, я как буйвол весной.

— Отчего вы хотите выглядеть хуже, чем есть?

Матье открыл глаза и поднял голову.

— В каком смысле?

— Вы все время стараетесь выглядеть грубым и пошлым, — сказала она.

— Ну и как, получается у меня?

— Да. Для чего вам это, Ники? Ведь вы настоящий мастер, все так говорят. Я тоже наблюдала вас за работой. Трудно поверить, что человеку с такой прекрасной увлеченностью в деле приятно быть пошлым и грубым с людьми, а тем более с женщиной. Вы красивый и злой, это ужасно.

— Хорошая девочка, что ты знаешь о бедняге Матье... Я запутался в жизни раньше, чем ты научилась вести душеспасительные разговоры с мужчинами, мужество которых принимаешь за грубость.

Они вдруг разом вздрогнули от внезапно затрезвожившего неподалеку будильника. Джой недоуменно спросила:

— Чего он?

— Опять Борис сменил меня раньше времени. Необъяснимое благородство или какая-то хитрость.

— Хитрость и обермастер? Не берусь совместить эти понятия.

— Я понимаю...

— Идите же, остановите звонок, Ники, пока он не разбудил ваших ребят в палатке.

— Сам заглохнет, — отмахнулся Матье, — а за тех не беспокойся, их сейчас и пушкой не поднять.

Трель будильника — смолкла. Ник и Джой молча

смотрели на полыхавшую огнями буровую установку, гул которой снова заполнил пространство единовластно.

— Да, ты пошла бы за ним на край света, — ревниво произнес Ник, — уверен.

— Борис замечательный парень, но это не имеет значения в том смысле, что у вас на уме, — после паузы молвила девушка. — Вы видели фото в его конторке? Она и младенец, русская мадонна. Нет, он мне ни к чему, Ники, можете не сомневаться.

— Наконец-то образумилась, малышка.

— Никто мне не нужен. Здесь, по крайней мере.

— Ты тоже была бы неплохой мадонной, Джой Маллигэн. Моей.

— Что вы, Ники! Только что сами с удовольствием произнесли мое благозвучное девичье имя. Чудесно звучит, не правда ли? А если Джой Матье... Согласитесь, никакого созвучия. Нет, пусть уж останется старое!

— Не смейся. Я не шучу.

Девушка сказала:

— Мы с Габи опять видели стадо лосиных антилоп. Удивительно, здесь целое стадо. Что они едят? Или прибегают откуда-то? Крупные, красивые такие, они кружили совсем близко. Мы с Габи уверены, что узнали некоторых с прошлого раза. Я предложила придумать для них имена. Интересно?

— Самую красивую пару следует называть Ник и Джой Маллигэн, — мягко промолвил Матье.

— Ник Маллигэн? Чепуха. Лучше объясните мне поведение антилоп.

— Твари тянутся к человеку, их тут запрещено бить, — сказал Ник. — А ты... ты должна понять наконец, что мой берег ближе. Ты меня победила, Джой. Ты победила Кувалду Матье.

Джой вновь попыталась отшутиться:

— Вздор! Человек с именем Ник непобедим, ибо в имени этом звучит древнее слово «победа».

— Ох, Джой, не советую дразнить меня.

— Вот и не нужно, Ники, прошу вас, — серьезно сказала она.

— Человек, как и тварь, если тянется к человеку, тоже кружит рядом. Человеку необходимо внимание сегодня, сейчас, он не может ждать. Человек приходит и уходит. То люди вечны, человек нет... Он приходит и уходит.

— Не пойму, к чему это вы заговорили о смерти?

— Просто так, — вздохнул он, — жизнь коротка, вот что. С рождения начинаем искать свое в жизни, бросаемся во все стороны, мечемся год за годом, десятилетие за десятилетием, а случится найти это самое «свое» — за спиной уже не разглядеть линию старта, финиш перед носом. Вот ты, малышка, воспринимаешь меня как препятствие. Сколько вас, умненьких девочек, мчится, перепрыгивая через препятствия, к финишу, чтобы там свалиться и рыдать, жалея о безоглядной прыти на дистанции.

— С нами все ясно, — сказала она. — Дайте-ка мне сигарету.

— Ты ведь не куришь.

— Дайте.

Ник вынул из кармана небольшую деревянную коробку с медными уголками. Джой направила на нее луч фонарика.

— Изучаешь, будто что-нибудь смыслишь в табаке, — ухмыльнулся Ник.

Он протянул ей сигарету, поднес спичку, прикурил сам.

— Слишком крепкие, — она закашлялась и затоптала свою сигарету, — мне казалось, вы курите совсем легкие.

— Нет, только крепкие.

— Всегда?

— Да. Еще лучше — хорошее кубинское веретено, если заведутся лишние деньги. Но сигарами не слишком баловал себя, они кусались, мой карман не обременяли лишние монеты. Не беда, в скором будущем положение исправится, будем тянуть и кубинские.

— Странно, я почему-то думала, что вам нравятся легкие сигареты.

— Мои не слабее, чем у Бориса.

— Вы большой ребенок, именно вы, — улыбнулась Джой, — жаль, что у вас не оказалось приемлемых для начинающей курильщицы. Греческих, например.

— Расходимся во вкусах. Но это не самое страшное. А вообще, не советую начинать, крошка. Ничего нет хуже девчонки, от которой разит, как от пепельницы или табакерки.

— Положим, настойка из никотина и мужчины не лучше.

Ник Матье рассмеялся, даже хлопнул себя по коленям, так ему пришлось по душе ее реплика.

Девчонка определенно нравилась ему все больше и больше. Он совсем позабыл об усталости и режиме. Одно удовольствие разговаривать с красоткой Джой.

— У нас это бич божий, у вас баловство, — сказал он. — Табак сначала ублажает, утешает нас, а уж потом гробит. Чем тяжелее на сердце, тем крепче табак. Я курю этот сорт много лет.

— Много лет тяжело на сердце?

— Не стоит об этом, тебе не понять.

— Ладно, курите, раз утешают и ублажают ваше отяжелевшее сердце. — Джой вдруг торжественно протянула ему зажигалку, полученную от сержанта. — Держите. И впредь не теряйте свою уникальную игрушку. Случайно подобрала. По-моему, она выпала из вашего баула. Разжигала ею спиртовку, а потом устыдилась: серебряную вещь нельзя присваивать даже на время.

Ник удивленно смотрел то на зажигалку, то на девушку, затем радостно воскликнул:

— Ну и хитра! А я-то развесил уши, не возьму в толк, куда ты клонишь насчет курения и все такое. Спасибо, Джой, просто таю от удовольствия.

Девушка вся напряглась, произнесла негромко:

— Она ваша — я удовлетворена.

— Честно, Джой, очень мило с твоей стороны. Твой неожиданный подарок ужасно тронул меня. Откуда у тебя такая диковинка? Держу пари, фамильная реликвия. Угадал? Слушай, а тебе не жаль расставаться с ней?

— Нет, — сказала девушка слегка потускневшим голосом, отдергивая невольно потянувшуюся к зажигалке руку.

— Теперь я верю, ты на моем берегу. Но что бы мне для тебя придумать? Чем ответить на твой милый подарок в пустыне?..

— Она вас удивила? То есть понравилась?

— Еще бы! Я просто поражен! — Ник достал новую сигарету, чтобы опробовать приобретение. — Гм... не получается. Не иначе с фокусом.

— Нужно нажать вот здесь, смотрите, и здесь, вот так. — Показывая, как пользоваться хитроумной зажигалкой, Джой как бы невзначай удерживала ее у себя в руках. Она с трудом скрывала огорчение от того, что нелепо попала впросак, и лихорадочно искала выход. — Знаете, Ники, я вспомнила, на вышке нельзя разводить огонь. Габи говорит, что во время бурения из земли вы-

рывается газ. Неосторожно чиркнет зажигалкой... пусть она останется пока у меня.

— Ерунда! — Матье перехватил серебряную диковинку и бережно спрятал в карман. — Ничего со мной не случится, не волнуйся, любимая. Любимая... Джой любимая, моя маленькая, глупенькая Джой... Я потерял голову, не пойму, что со мной стало. Я ведь всякое повидал, меня не купи... то есть стреляный. Счастье — это ты. Будь я проклят, если не докажу. У нас будет куча денег, уедем подальше, купим хоть целый дворец. Бродяга кончится, все, ни шагу в скитаниях по чужбине. Не могу больше. Мы еще проживем до финиша, все для тебя сделаю, заново, иначе, с тобой. Пойми и поверь. Ты моя, Джой? Джой!..

45

Человек, который вел наблюдение за «Кутубией» и прилежавшим к ней кварталом из дома, стоявшего напротив бара, не слышал выстрела, но видел, как именно упал Гикуйю, поэтому мгновенно нырнул в комнату, схватил висевший на спинке кровати «стен», выскочил обратно и, свесившись через перило балкона, пристально взгляделся в сумрачное ущелье улицы Капуцинов.

Было тихо, безлюдно на улице, увенчанной единственным питейным заведением, час открытия которого еще не наступил. Город глухо шумел в стороне. Силуэт лежащего на тротуаре бармена был недвижим.

Человек быстро вернулся в комнату, повесил автомат на место и бросился к телефону.

— Говорит Постоялец. Только что на моих глазах уложили хозяина бара. Да, конечно. Что? Нет, нет, я бы перекрыл. Похоже, стрелял из-за арки в конце бульвара, с насадкой. Я был снаружи, но не услышал. Туда и машину можно подогнать. Нет, стена. Абсолютно. Лежит на углу, шагов тридцать. Как быть? Понял.

Человек положил трубку, окинул комнату ищущим взглядом и, прихватив первую попавшуюся чистую тряпку, выбежал из дома на улицу, чтобы остолбенеть там в изумлении.

Он был потрясен, обескуражен, растерян и не на шутку встревожен.

Трупа не было. Никаких следов. Ничего.

Бывалый, закаленный профессией человек решил бы,

наверно, что он лишился рассудка, если бы не появилась полицейская машина, которая и должна была появиться после его телефонного звонка. Из нее выпрыгнули Киматаре Ойбор, врач и еще двое с оружием и в форме.

— Только что лежал вот здесь, — произнес человек с бесполезной тряпицей в руках, которая смахивала на белый флаг капитулянта, — видел собственными глазами, наповал вон оттуда. Больше неоткуда, я бы не упустил. А так — закрывает стена. Арка в тени и днем, а в такое время...

— Это ясно, — прервал его Ойбор, — где пострадавший?

— Упал вот здесь, где стою. Наповал, сам видел. Пока звонил и бежал вниз, его не стало. Невероятно!

Ойбор только глянул на полицейских, и оба с оружием в руках помчались к арке, заглядывая на бегу в подворотни. Несколько оказавшихся на улице прохожих с любопытством наблюдали за происходящим.

— Идите к себе, — сказал Ойбор человеку с тряпицей, а сам поспешил в бар, оставив врача у машины.

После довольно долгого и настойчивого стука в дверь и объяснений с кем-то за нею сержанту удалось наконец проникнуть внутрь заведения, где пахло паркетной мастикой, а мебель не была расставлена.

В резком свете «дежурной» лампы обнажилась вся грубая бутафория стилизованного под экваториальную экзотику небольшого помещения.

Долговязый и худенький паренек со шваброй в руках испуганно переминался с ноги на ногу перед сержантом, голова его покачивалась на тонкой шее, как тыква на прутике, нижняя челюсть отвисла.

— Не знаешь, где хозяин? — с ходу спросил Ойбор.

Парень сперва отрицательно замотал головой, рискуя сломать шею-прутик, затем, как видно, одумавшись, утвердительно кивнул и указал на запертую дверцу позади стойки.

Сержант коротко постучал. Молчание. Постучал в дверцу погромче и требовательней. За тонкой фанерой послышался тихий скрип, звякнула сталь топора, задевшего какой-то металлический предмет, прокрались, приближаясь, шаги и раздался дрожащий голос папаша Гикуйю:

— Кто?

— Полиция.

— Кто еще?

— Он из полиции, — громко подтвердил паренек, — их тут целая машина.

Испуг отрока со шваброй был ничто в сравнении с изображением на толстогубом лице бармена, когда он осторожно отворил дверцу.

— Какой-то житель соседнего дома сообщил нам, что случайно увидел из окна минут десять назад, будто с вами произошло что-то неладное, когда вы возвращались с прогулки, — сказал Киматаре Ойбор, удостоверяя свою личность служебным жетоном и официальностью тона.

— Меня убили... хотели убить, — с ужасом зашептал Гикуйю, отбросив в сторону топор и ухватившись за сержанта, как утопающий за спасательный круг, — пуля прошла в дюйме от затылка, чиркнула по волосам. Эти бандиты на все способны. Вы должны меня охранять днем и ночью, иначе прихлопнут, как муху. А за что? За что? Я ничего не делал, кроме добра, всем угождал, всегда, так зачем им это понадобилось? Я пропал... спасите меня, вы должны!

— Бандиты, вы сказали? Знаете, кто стрелял?

— Если бы знал! В том-то и дело, у меня ни врагов, ни друзей, спросите у любого, всегда держался в стороне от всех. Весь день предчувствовал: быть несчастьем. Весь день. А за что? За что? Кому мешаю? Я спрашиваю: кому?

— Но вы упали после выстрела, лежали, как мертвый.

— Что же, по-вашему, я кретин? Ждать, пока прицелятся получше? Грохнулся, как в кино, выждал и скорей сюда. Сам не могу поверить, как это у меня вышло. Моментально. С перепугу? Наверное, оттого, что предчувствовал весь день. Нет, я пропал... За что? Ну за что?

— Вот вы и расскажете мне подробно и о себе, и о тех, кто облюбовал ваш бар, и хорошенько припомните все, что было сегодня. Подробно, ничего не утаивая, если хотите помочь себе и нам. Подумайте, пока я отдам распоряжение своим сотрудникам, пусть уезжают, не уверен, что наш разговор будет коротким.

— Что я могу сказать? — лепетал бармен. — О чем? Для чего? Какая вам польза, если я совсем не понимаю, что происходит вокруг меня?

— Успокойтесь, — сказал Ойбор, — покушение не

повторится, это я вам гарантирую. Конечно, я не могу объяснить почему, не имею права, но гарантию даю полную. После нашего подробного разговора можете жить без оглядки, если, разумеется, у вас действительно нет личных врагов. И еще одно. Не исключено, что в процессе разговора у меня возникнут кое-какие просьбы к вам на ближайшее будущее. В ваших же интересах.

После этих слов Киматаре Ойбор вышел на улицу, отправил полицейскую группу вместе с машиной, коротко пояснив, что вышло недоразумение, бармен жив-здоров, затем вернулся к Гикуйю, и они продолжили беседу, длившуюся почти час, пока не настало время открывать «Кутубию», у входа в которую уже собралось несколько завсегдатаев.

Бармен, немного успокоившийся и погруженный в новые думы после разговора с сержантом, выпустил последнего через запасный выход и приступил к своим ежевечерним обязанностям.

Киматаре Ойбор сразу же, несмотря на позднее время, отправился на общественном автобусе в другой район города, где в новом многоэтажном доме занимал скромную по размерам, но весьма уютную квартиру его начальник, капитан уголовной полиции Даги Нгоро.

Прежде чем впустить сержанта в кабину лифта, консьерж осведомился, кто он и к кому пришел, затем позвонил капитану, обстоятельно доложил и получил разрешение. Ойбор был невозмутим.

Даги Нгоро встретил его на лестничной площадке в купальном халате, наброшенном почему-то поверх служебного мундира. В квартиру не пригласил.

— Что еще стряслось? — спросил Нгоро.

— Прошу прощения за поздний визит, гражданин капитан, но полтора часа назад совершено покушение на владельца ночного бара «Кутубия». В него стреляли, когда он возвращался домой после посещения нашего управления. Я посчитал нужным сообщить вам об этом.

— В неслужебное время?

— Еще раз прошу прощения, — смущенно молвил Ойбор, — я решил, что рискую получить от вас выговор, если отложу это дело на завтра.

— С какой стати, сержант?

— Но ведь он возвращался от вас. Вот я и подумал: нельзя откладывать.

— Да, действительно, этот гражданин приходил се-

годня в управление, у него какие-то неопределенные подозрения относительно преемника погибшего бурового мастера. Я как раз собирался поделиться с вами полученными наконец данными об этом Матье. Кстати, откуда вам известно о моем разговоре с владельцем бара? Бедняга просил не разглашать это.

— Он сам мне рассказал.

— Кто?

— Гикуйю, бармен, на которого покушались, — ответил Ойбор.

— Он жив?

— Так точно. Стрелявший промахнулся, а бармен притворился мертвым.

Даги Нгоро промолвил:

— Счастливчик. Ну и что же он вам рассказал?

— О нападении ничего определённого. Стреляли из укрытия, и было уже темно. Случайный очевидец позвонил нам, прибыли по тревоге, прочесали весь район — впустую.

— Вы допросили, надеюсь, как следует?

— Так точно, — сказал Ойбор, — ничего вразумительного. Он только передал ваш с ним разговор, сам рассказывал мне около часа, хоть я и не требовал. Он был напуган и растерян до предела, все просил передать вам, что надеется на вашу защиту в будущем. Меня, как видно, всерьез не принимал, хотя я и пытался его успокоить.

— Хорошо, разберемся завтра, — сказал Даги Нгоро устало, — а сейчас, раз уж вы пришли, поговорим о буровом мастере Матье. Я провожу вас немного, если не возражаете, охотно пройду с вами по воздуху перед сном.

Капитан швырнул в прихожую халат, нервно запер дверь, и они спустились вниз и вышли на тихую улицу, удаленную от шумного, залитого огнями, пыльного и многолюдного центра.

Это был район новостроек. Повсюду встречались груды строительного материала, под ноги то и дело попадались рывины и свежесасыпанные траншеи подземных коммуникаций, однако дышалось сравнительно легко, ибо движения здесь было мало, как это бывает в местах новоселья по вечерам. Люди не взрывали сор ногами, предпочитая хлопотать в новеньких, только-только обживаемых «гнездышках».

Заложив сильные руки за спину, строгий и подтя-

нутый, Даги Нгоро шагал чуть впереди сержанта и говорил неторопливо, подчеркивая каждое слово:

— Таким образом, опасаясь ареста, Энди Сигбьерн завербовался в иностранный легион. Осенью того же года капрал второго батальона в Эль-Маццоне бежал из гарнизона накануне отправки в Индокитай. Однако в Бен-Гардане, Тунис, он был схвачен патрулем спаги при попытке проникнуть на итальянское торговое судно. Бежал вторично, перебив конвой, за что заочно был приговорен трибуналом к расстрелу. Сражался в Кении против колониальной армии.

— Да, в нашем разговоре Гикуйю тоже упомянул об этом, — сказал Киматаре Ойбор, — они познакомились там, Гикуйю, правда, утверждает, что и в Кении не верил в искренность этого белого, как и сейчас.

— Он и такими воспоминаниями успел поделиться с вами?

— Да, говорил без умолку, его трясло, как в лихорадке.

— Прекрасно, — сказал Нгоро, — он очень любезно позаботился о моем времени, избавив меня от необходимости тратить его на предполагавшуюся беседу с вами по этому поводу. И консула не забыл?

— Не забыл.

— Очень хорошо. Но вернемся к нашим баранам. Итак, Энди-Ник благородно повоевал с колониальными частями, подумать только! Потом, как многие, поддался нефтяной лихорадке. Кочевал по нефтепромыслам на северо-западе континента, где и приобрел квалификацию. Как очутился у нас — пока не установлено. Постараемся выяснить сами. Не беспокоя его пока. Он нужен экспедиции, а она нужна стране, верно я говорю, сержант?

— Так точно, полностью с вами согласен.

— Благодарю, — улыбнулся Нгоро, — окружной комиссар также не возражает. А все-таки жаль, что не установлено, каким образом подобным авантюристам удается проникать в страну.

— Зато доподлинно установлено насчет консула, — вдруг заметил Киматаре Ойбор, — он вылетел из страны задолго до убийства инженера и полицейского на площади. Его алиби смешало кой-какие мои карты.

— Рад, что вы признали мою правоту. Желаю, чтобы вы поскорее и успешно разработали единственно правильную версию. — Нгоро с довольным видом по-

вернулся к Ойбору: — Советы офицера — полезная штука.

— Да. Я был непростительно самонадеянным в первый момент, потом же просто не хватило смелости признать это.

— Отлично! Хвалю! — воскликнул Нгоро и продолжил путь. Он решил проводить сержанта до следующего угла, где виднелся освещенный газовым фонарем пластмассовый козырек автобусной остановки.

— И все же, если откровенно, обидно, что потрачено столько сил и времени напрасно, — вздохнул Ойбор, — я имею в виду все то же консульство. Обидно, что у консула алиби. Не нравится мне его физиономия.

Даги Нгоро рассмеялся:

— Он готов был заподозрить безвинного во всех грехах только потому, что его физиономия, видите ли, не по вкусу! И это произнес сыщик с золотыми лентами! Услышал бы ваши слова окружной — репутация в прах! Святая простота! Спасибо, сержант, я усну с улыбкой.

— Займемся нефтью, — сказал Ойбор, — с вашего позволения.

— Меня он давно занимает, этот тип, — вновь серьезным тоном промолвил Нгоро. — Дезертировал из французского легиона, дрался с англичанами, все это делает ему честь. Но с другой стороны — контрабанда в Алжире, фейерверки в Ливии, тюрьма, служба в «Тексако Галф». Что он за птица?

— Да уж не скучал, судя по всему, не скучал.

— Сколько же ему было, когда записался в легион, лет семнадцать?

— Если не меньше, — сказал Ойбор.

— Долгое молчание Аномо... Передатчик там в порядке? Вы лично проверили?

— Нет, гражданин капитан, обстановка не позволила. Но Джой уверяла, что все в лучшем виде. Пробная связь подтвердила это. Рация у них общая, доступ относительно свободен. Вероятно, ей пока нечего сообщать.

— А что ваш башмачник, еще не сбежал домой?

— Старик молодчина, обещает сидеть сколько нужно, хоть сто лет. Говорит, что и не подозревал раньше, насколько интересна жизнь у бензоколонки. Выглядит помолодевшим, прямо счастливым. Сначала они с заправщиком чуть не дрались, а теперь подружились —

водой не разлить. Заправщик трубит всем водителям, будто его старый друг утратил нос любому автомеханику в мире.

— Матье! — вскрикнула она, пытаясь вырваться из объятий ошалевшего от ее близости Ника. — Пустите! Да пустите же, Матье! Сумасшедший!

— Я уже тридцать шесть лет в своем уме, с рождения. Не тот возраст, чтобы теперь упустить долгожданное. Я буду хорошим мужем, клянусь.

— Оставьте меня! Сюда идут. Какой стыд... Умоляю, пустите.

— Плевать, пусть все знают, ты моя. Иначе нельзя, Джой, малышка, я признаюсь тебе кое в чем...

— Прочь! Животное!

Ник упал на песок, силой увлекая девушку за собой и зажимая ей рот.

Это Борис Корин прибежал на склад, поискал там что-то впотьмах. Вдруг он насторожился, услышал неподалеку возню и приглушенный стон.

— Эй, кто здесь? — спросил он, вглядываясь в темноту. — Братцы-полуночники, где трехкиловаттки? Сгорел левый прожектор. Кто здесь?

— Совать нос в чужой интим — паршивая манера, — зло отозвался Ник.

Борис Корин смутился, засуетился как-то неловко среди коробок, ящиков и мешков, словно какой-нибудь воришка, пойманный с поличным. С удвоенной энергией и торопливостью принялся шарить в складских нагромождениях, растерянно бормоча:

— Мне лампу... куда же их подевали, трехкиловаттки... перегорел... куда же переложили... тут, помню, лежали, с краю...

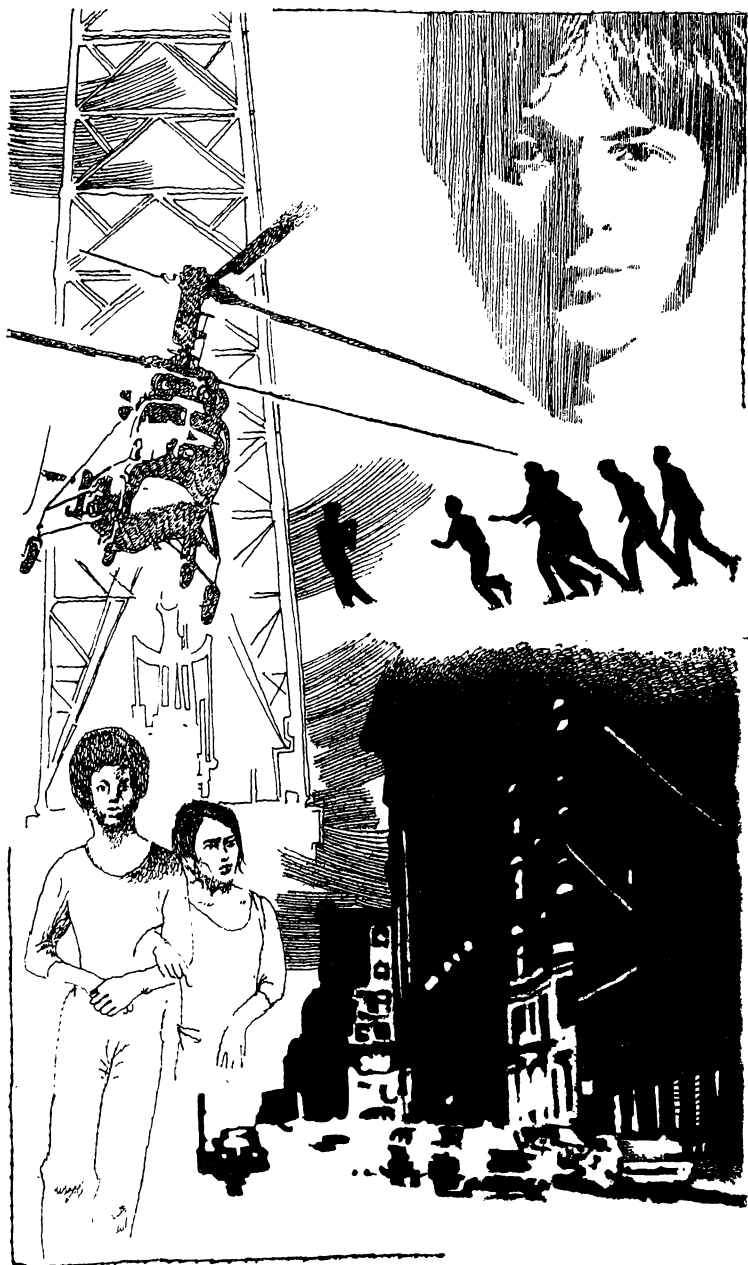
Ник Матье гневно крикнул ему:

— В углу возле входа! Картонная коробка! Бери и сматывайся!

Внезапно сквозь громкие возгласы Матье прорвался сдавленный крик девушки. Борис бросился к ним, рванул Ника за плечи.

— Не смей! Ты что, озверел, гад!

Высвобожденная Джой отбежала на несколько шагов и упала, содрогааясь от рыданий и пережитого страха.

— Как ты посмел! Как посмел!

Борис Корин и Ник Матье стояли друг против друга, тяжело дышащие, взвинченные. Призрачные отсветы ночи выхватывали из темноты их возбужденные, молочно белевшие лица.

— Все, это все, — глухо зарычал Ник, — ну, красный ублюдок, сейчас узнаешь.

— Извинись, немедленно извинись перед ней, — сказал Борис твердо, — и чтоб никогда больше, слышишь, никогда не смел.

Ник Матье улыбнулся, кивнул, отступил на шаг и, резко взмахнув кулаком, послал его... в пустоту.

Обескураженный молниеносной реакцией уклонившегося противника, Матье взвыл в бешенстве, бросился снова, но Корин уложил его наземь встречным ударом в челюсть.

— Борис! — запоздало вскрикнула Джой. — Не надо!

— А вы впредь не теряйте голову! И вообще, если не уверены в человеке... — обернувшись к ней, произнес Корин. — Извините за нотацию, Джой, это по-дружески.

— Он не враг, просто распушенный нахал, — всхлипнула девушка.

Она ушла в автобус-лабораторию и заперлась там.

Ник поднялся с трудом, потрясенный, шатающийся. Отряхиваясь от песка, мотая головой и отплеываясь, он бормотал:

— Бр... браво, парень... Матье споткнулся...

Ник слепо пошарил ногой в темноте, подобрал подвернувшийся обрезок трубы.

— Брось железку, — жестко сказал Борис, — или положи тихонько, пока ребята не увидели.

Ник отшвырнул увесистый стальной обрезок, все еще очумело трясся головой и жмурясь.

— Чем ты ударил, шеф?

— Хватит.

— Чем ты меня ударил?

— Хватит, я сказал.

— Ты ведь не голой рукой, кастетом?

— Дикий, — сказал Борис, — дикий и круглый. Если девушка простит, я тоже, может быть, попробую забыть твою выходку. Но только без глупостей, больше не теряй разум, личность. Лопух, вынудил руку поднять.

— Еще никто не сбивал меня с ног голой рукой, вот в чем дело.

— Все, кончили. Надо быть человеком.

— Она видела, как я рыл носом песок...

— Сам виноват.

— Ладно, — сказал Ник, — возвращайся спокойно, моя песенка спета. Возвращайся, им на станке больше нельзя без бурильщика.

— И ты успокойся, — сказал Борис, — но не забудь потом извиниться перед ней, не хватало нам ссор и вражды.

— Считай, что у меня с твоей девочкой вышла осечка.

— Нет, ты все-таки круглый, братец. Ваши личные отношения никого не интересуют. Если только без подлости и свинства со стороны сильного.

— Лампы в коробке у выхода, — сказал Ник Матье и подал Борису оброненный девушкой фонарик.

Корин отыскал на складе лампу и ушел к вышке, куда действительно ему пора уже было возвращаться, работа не могла долго обходиться без вахтенного бурильщика.

— Ты мне нравишься, парень! Но я тебя ненавижу! — крикнул Ник в темноту, поглотившую Бориса, и добавил негромко: — И все-таки ты мне нравишься. Очень нравишься, обермастер.

Ник задыхался в бессильной злобе. Он обвел цепким взглядом расплывчато, смутно вырисовывавшиеся в ночи контуры лагеря, посреди которого, привычно громыхая и звеня, словно стартующая в клубах яркого пламени космическая ракета, работала в пучке прожекторного света огромная, одна из самых крупных в современном мире буровая установка.

Ник Матье будто слышал тихий, спокойный, откровенно насмешливый голос жующего человека, явственно ощутил щекочущее его дыхание у самого уха, и сладкий хмель, и хрустальные вспышки посуды, и зовущие тени танцующей пары в плывущем баре увидел он, и блаженную лень пансиона, и своды гулкового почтамта, и нору в Шарбатли, и белую каюту теплохода из давно забытой сказки, и такую же, как та, из неотступных грез.

Ночь подмигивала крупными звездами, горячая, душная, как день, вложивший в песок и воздух бесконечный заряд тепла. Одежда прилипала к телу Матье.

Он выволок из склада глухо позвякивающий металлом мешок и скрылся с ним в темноте. Появился вновь уже без ноши. Опять нырнул под тент склада, принялся лихорадочно перебирать инструменты.

Гудела, содрогаясь от напряжения, гигантская буровая. У ее подножия, точно призрак, возник крадущийся Ник Матье.

Прислушиваясь к перекликавшимся голосам буровиков, он обогнул насосный блок, семена на четвереньках, будто по-волчьи, пробрался к тыльной стороне «сарая» и исчез, вскарабкавшись по ребристой его стенке мимо скрытых за парусиной дизелей, где-то наверху.

Спустя несколько мгновений раздался душераздирающий вопль.

47

Сверкающий на солнце лимузин, мягко шурша выбеленными шинами, подкатил к автостоянке международного аэропорта.

Вуд вылез первым. Он поправил галстук и подал руку пожилой даме в строгом твидовом костюме с маленьким цветком на отвороте жакета.

Что-то приказав шоферу, дама взглянула на часы и, прямая как спичка, направилась к приземистому, вытянутому в длину зданию аэровокзала из стекла и алюминия, над которым торчала, ошетинясь антеннами, круглая диспетчерская башня. Вуд торжественно сопровождал ее, поддерживая под локоть.

Вскоре они растворились в толпе встречавших только что приземлившийся воздушный лайнер, что выруливал к краю летного поля, куда катился высокий трап.

Лица Вуда и его спутницы не выражали радостного нетерпения, напротив, были хмуры.

В числе вышедших из самолета пассажиров было трое белых: загорелый солидный господин в светлом шелковом костюме и шляпе а-ля Тироль, худощавый, аскетического вида мужчина с большим портфелем и молодая миловидная женщина в поблекивающем брючном костюмчике и с легкой сумкой через плечо.

В такой последовательности они не спеша спускались по ступенькам, ведущим от серебристого брюха четырехмоторного воздушного корабля к промасленным бетонным плитам тверди, притормаживая пеструю че-

реду ступавших сзади людей и сдержанно улыбались приветствовавшим их пожилой даме и Вуду.

Не совершив рукопожатий, не произнеся и двух слов, даже не задержавшись слегка с приличествующей такому моменту любезностью перед встречавшими, господин в тирольской шляпе подался сквозь аэропортовскую сутолоку напрямик к стоянке автомобилей. Обе дамы, пожилая и молоденькая, составляли его эскорт, в то время как худощавый мужчина с портфелем и Вуд отправились к эскалатору за багажом.

Самбонанга оставил стакан, не допив сок, прилепнул ладонью монетку к исцарапанной клеенке стола и, пожеывая соломинку, небрежной походкой зашагал к телефонной кабине, где снял трубку, набрал номер, выждал несколько секунд и негромко сказал:

— Транзитным самолетом компании «Эр-Моритани», рейс двести шесть. С ним другой, худой и невысокий, но с тем же портфелем. Да. И прежняя секретарша. Ожидают чемоданы. Минуты две-три. Слушаюсь.

Повесив трубку, Самбонанга поспешно пересек зал и вышел из аэровокзала.

На привокзальной площади, чуть поодаль от стоянки для частных автомобилей, среди всякого рода служебных автобусов и фургонов, приютилась неказистая с виду машина, в которой, сложив руки на руль, что-то жуя и неотрывно глядя в переднее стекло, сидел меланхоличный человек в комбинезоне явно с чужого плеча. К нему-то и обратился Самбонанга, подбегая:

— Приказано висеть только на корреспонденте. Только на нем.

— А если они прихватят его с собой? — промямлил тот.

— Вряд ли. Слишком честь велика.

— Точно, — вдруг более внятно молвил жующий меланхолик, — вон и его телохранитель пригнал свою машину, тут как тут.

— Что я говорил, — не без самодовольства произнес Самбонанга.

— А если он увяжется за ними?

— Приказано не спускать глаз до особого распоряжения.

— Ты остаешься?

— Да, — сказал Самбонанга, — возникло тут кое-что. Поезжай, они уже тронулись.

Меланхолик в нелепом комбинезоне не то кивнул, не то проглотил прожеванное и включил стартер.

Самбонанга проводил машину взглядом, отдуваясь от ее выхлопного газа, после чего вновь зацкагал в алюминиево-стеклянное сооружение, загоразживавшее собой ревушее моторами и турбинами летное поле аэродрома.

Проходя через зал к служебному отсеку, он невольно посмотрел в сторону буфета и с некоторым удивлением обнаружил, что прохладительный напиток все еще ожидает его на клеенчатом столике.

В стеклянной коробке аэровокзала было очень душно, несмотря на усердное жужжание кондиционеров.

Самбонанга решительно вошел в служебное помещение, приготовив свой полицейский жетон для представительства и четко помня поручение Киматаре Ойбора, только что полученное от него по телефону.

Самбонанга без труда узнал, что требовалось, и тут же, в секторе закрытой информации и справок, чтобы не забыть, аккуратно записал на клочке бумаги два мужских имени и одно женское Магда-Луиза Янсен.

С сознанием выполненного долга молодой полицейский поспешил в управление, где рассчитывал услышать похвалу из уст учителя, а заодно, если повезет, и разрешение катиться на все четыре стороны до следующего дня.

Настроение у него было отличное. Он не сомневался в щедрости Киматаре Ойбора. Разве сможет сержант отказать расторопному помощнику в нескольких часах полной свободы после его стараний? Нет, конечно.

Но даже чуткому наставнику не признается Самбонанга, для чего ему так необходимо освободиться сегодня пораньше.

Никто из сотрудников не узнает, что у него наконец-то появилась подружка, самая красивая, самая умная, самая добрая, самая веселая, самая-самая-самая на весь огромный мир, и он, Самбонанга, приглашен к ней сегодня для знакомства с родителями. Дело ответственное: Куда ответственнее для него, чем следственные дела всей столичной полиции.

У здания четвертого зонального управления, продолжая мыслями витать на седьмом небе, он чуть не угодил под колеса резвого «джипа» капитана Даги Нгоро.

От неожиданности Самбонанга не отдал честь и похолодел от своей оплошности, сразу вспомнив нашумевший в управлении случай с часовым.

Но капитан, сияющий и, очевидно, витающий мысленно на собственных небесах, умчался, не обратив на него и малейшего внимания.

Встряхнувшись и расправив плечи, Самбонанга придал еще недавно улыбавшемуся своему лицу серьезное, чрезвычайно деловитое выражение и, печатая шаг, насколько позволяли весьма разбитые сандалии, ступил в пропахшее канцелярским клеем и оружейной смазкой родимое учреждение.

48

Маленький, юркий вертолет с опознавательными знаками военно-воздушных сил республики опустился прямо на лужайку перед больницей, всполошив находившихся поблизости горожан, вызвав восторг уличных ребятишек и выманив из больничных коек даже тяжело недужных, которые вслед за «ходячими», держась за стены и всевозможные устойчивые предметы на пути, поползли-поковыляли поглазеть на редкое явление.

Из вертолета, продолжавшего ворчать и размахивать лопастями винта, кругами разгоняя от себя воздушные волны по высокой траве лужайки, выпрыгнул правительственный чиновник, которого Светлана не раз встречала среди нефтяников, когда наведывалась в экспедицию.

Он, этот солидный, седовласый мужчина, споткнулся и упал впопыхах, вскочил и под свист и улюлюканье бессердечных мальчишек, слетавшихся сюда, на лужайку, со всех сторон, как мухи на мед, побежал в здание больницы, которое в эти минуты напоминало встревоженный улей.

— Куда! Без халата! — укоризненно воскликнула Светлана. — Это стерильная клиника, а не стройка!

— Скорее! — вскричал мужчина. — Пожалуйста, бросьте все!

— Куда? Что случилось?

— Несчастье!

— Виктор Иванович?!

— Виктор Луковский уже поехал туда! — Седовласый нетерпеливо подергивал ее за рукав. — В Аномо несчастие! Скорей, пожалуйста, в вертолет, захватите на всякий случай и сыворотку на группу крови! Пожалуйста!

Через три минуты Светлана была готова, а еще через

две минуты вертолет поднялся над городом и полетел прочь.

Зрители разошлись, мальчишки разбежались, собаки всей округи постепенно прекратили лай, сестры и няньки загнали больных в палаты.

Лишь одна бедовая толстуха-санитарка все еще стояла посреди лужайки, потрясая воздетыми к небу кулаками, на чем свет ругала вертолетчика за то, что помял траву.

49

В кабинет Даги Нгоро, коротко постучавшись, вошел дежурный связист и доложил:

— В эфире Аномо. Требуется вас или сержанта Ойбора.

Капитан спешно спустился вниз, к рации.

— Старший инспектор слушает. Прием. Говорите громче. Прием. Хорошо, понятно, но в таком случае не торопитесь, говорите внятно. Прием. Как сами это объясняете? Зачем он туда полез? Прием. Что значит повздорили? Он был пьян или в состоянии аффекта? Где в это время находился второй? Все имеет значение, запомните раз и навсегда. Прием. Так. Не спешите, спокойней. Черт бы их побрал, эти случайности. Я не верю в случайности! Он и раньше торчал? Он должен там торчать, этот кол или штырь, я спрашиваю? Прием. Не понял, при чем тут вы? Почему ему было стыдно перед вами, почему из-за этого взрослый и трезвый человек, как ребенок, полез спать на какую-то брезентовую крышу в самом шумном месте? Утверждая такую чушь, он действительно не был пьян? Еще раз все хорошенько разузнайте. Прием. Мне нужна точная информация и тщательно проверенные выводы. Ваши выводы, а не бред пострадавшего. И последнее. Это очень серьезно? Насколько это может отразиться на дальнейшей работе? Прием. Вы уверены? Прием. Вас понял. Благодарю. Конец связи.

Закончив разговор, Даги Нгоро некоторое время сидел в глубокой задумчивости, подпирая кулаками скулы и покусывая губу, что вызывало у стоявших перед ним в почтительно-предупредительных позах дежурного связиста и еще одного полицейского из радиослужбы легкое недоумение, поскольку не в правилах капитана было рассиживаться вне своего кабинета в самый разгар дня.

Наконец Нгоро встал и вышел в соседнее помещение, где перед небольшим световым табло и огромными, во всю стену, планом четвертой зоны и общей картой города бдительно восседал с наушниками на коротко стриженной, будто у арестанта, голове младший офицер.

— Как семьдесят третий?

— Пока по-прежнему, гражданин капитан.

— Значит, плохо.

Нгоро круто повернулся и зашагал наверх, к себе. Эхо его мощной, хозяйской поступи металось по длинному и уныло выкрашенному коридору, как отзвуки резких пощечин. Голоса за пронумерованными дверями притихли, никто не высовывал носа, пока он не заперся в своей келье.

Солнце уже не било в окно, оно поднялось слишком высоко, и Нгоро отодвинул штору. Он устремил на дома и деревья невидящий взор. Он напряженно думал о чем-то.

Потом решительно подошел к столу, снял трубку телефона менее решительно и совсем уж как-то робко набрал номер.

— Извини, это опять я. Послушай, мне очень... не могу поверить... В чем я провинился перед тобой, ну в чем, скажи, ради бога? После всего, что было между нами... Прошу тебя... ты не могла бы сегодня приехать ко мне вечером, как обычно? Пусть в последний раз, очень прошу. Ну, почему? За что? Я тебе верил... все равно буду ждать тебя дома весь вечер. Что? Но ты должна объяснить мне... Почему вдруг, я имею право знать? Не лги, тут что-то другое. Подожди, я прошу... Я очень прошу тебя, выслушай... Сука! Грязная сука! Ну, ладно...

50

Долговязый, как жердь, Баба-Тим стоял посреди склада и растерянно скреб затылок, когда к нему подбежал всклокоченный дизелист.

— Замечтался, Тимоша!

— Нет, нигде нет, везде смотрел, — сокрушался помбур, — что делать?

— Плохо смотрел, — сказал Сергей, двигая бочонки, ящики и рулоны запасного брезента, — помню, были на месте.

— Я плохо смотрел? Я плохо? — возмутился Баба-Тим. — У меня глаза ястреба. Я в селение бегал, разглянул — и уже знаю каждый камень, каждую собаку.

— Не похваляйся знакомствами, вареник, ищи долотья.

— Ты вареник, я везде смотрел, нигде нет.

Сергей помчался обратно на вышку и доложил бурильщику:

— Как сквозь землю провалились. Вместе с мешком. Что делать, Борь?

— Без этого долота разве нельзя поднять грунт на анализ? — спросила Джой. — Неужели нельзя?

— Попробуем обойтись, — обронил Борис Корин, не прекращая работы. — Уже вызвали КЭТ с базы, вырчит, голубушка. Попробуем, короче. Не робей, нефтярики, носы вверх!

— Кэт? — ревниво произнесла девушка и, озадаченная, отправилась следом за Сергеем в дизельный блок.

Между тем по лагерю торопливо шли Светлана и Габи. Луковский и представитель правительства остались возле вертолета, уважив настоятельную просьбу врача. Оба почти не разговаривали, издали сурово поглядывали на скромные жилища нефтяников, окружавшие автобус-лабораторию, точно несколько оброненных и выгоревших на солнце брезентовых шапок.

Габи безуспешно пыталась перехватить у Светланы тяжелый саквояж и сбивчиво поясняла на ходу:

— Обиделся чего-то на всех, полез отдыхать на крышу «сарая», видеть, говорит, никого не хотел. Обиделся чего-то, дурак. Сорвался в отстойник, там торчал лом. Забыли убрать, наверно. Поцарапал бедро, и только. Очень испугался, когда падал. Очень. Темно, высота большая, внизу чего только не валяется, много металла, острых предметов, всякого. Страшно, конечно. Куда летишь — понять невозможно, кувырком. Я бы тоже испугалась. Да, Сергеевна. Так закричал — у меня кровь застыла. Я была на вышке, услышала — сама чуть не в обморок. Он очень испугался. Мы тоже. Бросились к нему, а он уже выбрался. Оказалось — царапина. Небольшая. Я промыла с дезинфекцией, перевязала. Напрасно беспокоишься, Сергеевна. И тогда, ночью, напрасно мы подняли тревогу. Зря сообщили утром: ничтожная царапина. Везучий он, теперь не умрет до самой смерти. Зачем ты прилетела? У меня же аптечка,

ты сама оставила. Лекарства хватит еще на десять таких лентяев, как он.

— Но ведь он не встает, ты сказала.

— Мужчина... Моего Банго дважды подстерегали в джунглях пули, он и слова не сказал. Мой Банго настоящий мужчина...

— Бывает шок опасней раны, — заметила Светлана, — где наш пострадавший? Не он ли?

— Он. Нежится в тени. Иди сама к этому бездельнику. — Габи махнула рукой и демонстративно остановилась, не доходя до палаток, даже отвернулась с презрительной гримасой.

А в дизельной Джой допытывалась у Сергея Гринюка:

— Плохо? Рабочие в ужасе, Габи тоже расстроена, а вам нипочем. Признайтесь, положение тяжелое?

— Нема такого положения, из которого бы пролетариат не выбрался хоть на карачках! — рассмеялся великан.

— Борис сказал, что придет какая-то Кэт. Кто она, консультант? Ученая красавица?

— Борис не промах, соображает мигом. КЭТ, ба-рышня, это комплексная аппаратура электрокаротаж. Электрической штуковиной определяют сопротивление пластов. У нефти, к примеру, свое сопротивление, индивидуальное. Уловили?

— Не очень, — призналась Джой, она успокаивалась под влиянием его бодрого настроения.

— Главное, что на восьмой сотне метров пошел жиренький шлам, — продолжал Сергей, которому приятно было чувствовать себя всезнающим наставником такой любознательной и прелестной иностранной девушки, — шлам, Джойка, капитальный, пальчики оближешь! Дело пахнет керосином в прямом смысле! Через несколько денечков, если не оплошаем, выйдем на последний рывок. А оплошать не имеем желания, верно?

— Неужели скоро конец...

— Гадаю, еще неделька-полторы — и шабаш, ба-рышня-куховарочка.

— Шабаш бывает только у ведьм.

— Ну, не шабаш, так баста.

— Серж, милый, пожалуйста, просветите меня хоть напоследок. Скоро финал, а я до сих пор полнейшая невежда. Как мы... как вообще, а? Никто не поверит, что я была в нефтеразведке, что я... нефтяник.

Сергей приосанился, степенно вытер замасленные руки ветошью, походил маленько по палубке дизельного своего хозяйства, остановился, заложив руки за поясной ремень, и произнес солидненьким баском:

— Как бы это вам донести до сознания получше... популярно... Дивчина вы умная, сколько классов?

— Образование? Я окончила колледж по курсу классической филологии. Государственный колледж в Блекленде.

— Годится. Оно вроде как техникум, — улыбнулся Сергей. — Я вам по-быстрому, но по-научному, чтоб капитально и понятно.

— Пожалуйста. Только все хочу спросить, отчего здесь то и дело со мной разговаривают по-разному? То просто, как с другом, то вдруг точно с чужой. Вот и вы, еще утром — «ты, дружище», а сейчас — «вы, ба-рышня».

— Обвыкаемся, видать, — с трудом нашелся дизелист, совершенно не ожидавший такого замечания с ее стороны, — такой у тебя возраст, что ли, ломкий. Переходный период, я извиняюсь. То глянешь — дитя дитем, то присмотришься — не, взрослый человек при серьезном пищевом деле, так сказать. Не обращайтесь внимания. А в настоящий момент я тебе объясняю технологию производства. Собираюсь. Я, конечно, не претендую, но знаю порядок. Даже в школах, к примеру, на уроке учитель обращается к пацану: садитесь, мол, Иванов-Сидоров, ставлю вам «два».

Сергей рассмеялся весело, с большим удовольствием. Джой тоже хмыкнула разок-другой и сказала:

— Я три года изучала русский язык, и здесь, как вы с Борисом не раз убеждались, все время ищу возможность и повод совершенствоваться. Я чувствую, что была в те три года бездарной. Вы смеетесь надо мной?

— Та ты что, Джойка! Боже упаси! Тебе я ставлю «пять»!

— В таком случае, — улыбнулась она пуще прежнего, — прошу профессора продолжать. И непременно на своем диалекте. Ужасно интересно.

— Про бурение? Запросто. Значит, так. Сперва определяем точку. Похлебали борща — монтируем вышку. Забурились. По ходу узнаем, какие сверлим грунты и что они имеют между собой. Обсаживаем скважину колонной из труб легированной стали, понадежней. Ну, само собой, цементируем, испытываем на герметичность и

тому подобное. И, само собой же, вдаряем по вареникам в сметане и опускаем перфоратор. Он ка-а-ак бабахнет под землей, понаделает на нужных уровнях в трубе дырок для доступа нефти. Так? Но она ж сама, извиняюсь, не пойдет, ее ж не пускает столб раствора. Мы его трошки откачаем, она и хлынет из штуцера под своим давлением. А на ней арматура, как уздечка на лошадке, чтоб зря не бежала, вроде крана на кухне, надо — откроем, надо — закроем. И тут самое время гулять банкет. Или на худой конец пивка с таранькой. Вся наука, барышня. Извиняюсь, брат Джойка.

— Мерси, профессор, вы любезны. А я бездарна.

— Ну нет, могу хоть сейчас выдать справку с печаткой, что ты теперь настоящий нефтярь. Куда Борису до тебя! Обучена капитально! Могу выдать справку с печаткой...

Девушка прыснула со смеху и взъерошила его чуб.

— Я вас просто обожаю, чумазых!

...Солнце пылало, солнце палило, солнце плавило хрупкую дымку неба. Вездесущие огненные пальцы светила с маньякальным упорством ощупывали песчаную равнину, выискивая все живое, чтобы ужалить, поразить, испепелить.

Где ты, Африка детских грез? Где твои влажные леса, наполненные диковинными звуками и таинственными шорохами, воспетыми на страницах добрых романтиков в иных краях планеты? Где манящая благодать былого сказочного воображения? Где великие горы, сестры снежных Кибо и Килиманджаро, держащие в каменных ладонях альпийские блюдца голубых озер? Где фанфары слонов, тельняшки зебр, начесы львов и перископы крокодилов?

Нет в Аномо экзотических и желанных символов, есть пустыня.

Зверь и птица укрылись в далеких оазисах, там, где дороги людей.

Все укрылось в тени, кроме горстки нефтеразведчиков...

— Все будет нормально, ребята, все будет путем! — кричал Борис Корин так убежденно и часто, словно кричал себе.

Все нефтяники бились с пустыней и солнцем Аномо, в тени укрылся только один.

• — Встаньте, — сказала Светлана, укладывая стетоскоп в саквояж.

Ник Матье нехотя поднялся и повернул врачу обнаженную, бронзовую от загара, прекрасно очерченную спину, решив, вероятно, что осмотр еще не завершен. Но она сказала:

— Одевайтесь. Обрадуйте их, вы совершенно здоровы.

— Увы, 'не могу, — нагло вато разглядывая ее, сказал Ник и снова опустился в вылинявший походный шезлонг под зонтом, — я слишком ослабел. От слез и воздержания. Вот мой диагноз.

Светлана посмотрела в чистую синеву его глаз, как в мутное болото, и ушла, обронив подбежавшей к ней Габи:

— У сменного мастера острый приступ симуляции. Это серьезно.

51

Прием по случаю возвращения генерального консула из длительной поездки в Латинскую Америку близился к концу.

Виновник торжества не обременил гостей своим присутствием. Он пребывал в депрессии. Отобедал и отбыл в покои упомянутый господин.

Отяжелевшие от съеденного, выпитого, услышанного и произнесенного, гости, разбившись на группы, искали убежища от духоты в отдельных помещениях с кондиционерами или на мраморных скамейках вместительной ротонды в саду, где на игорных столиках заманчиво сверкали ведерки со льдом, из которых торчали горлышки сосудов с освежающими напитками.

— Кажется, можно и нам перевести дух, — сказал Гикуйю главному распорядителю, — я готов свалиться. Знобит, в голове шум, вялость.

— У меня самого шумит в голове с утра до ночи, — огрызнулся распорядитель, — чтоб им лопнуть, ненасытным. Сейчас нам самая работа, потерпи.

— Просто невтерпех.

— Собери в малом зале бокалы и сматывайся.

— У вас не найдется хины?

Распорядитель посмотрел на него и сказал:

— Ты свободен.

Папаша Гикуйю оставил в подсобке поднос, снял белоснежную униформу и натянул свою рубаху цвета хаки.

Опустившись по ступеням террасы, он направился

в сторону ворот по боковой гравийной дорожке, утираясь влажным носовым платком. Ленивый говор и смешки в ротонде стали тише.

Ворота были широко распахнуты в ожидании скорого отъезда гостей. Привратник разговаривал с кем-то, скрытый высокой и плотной щетиной аккуратно подстриженного декоративного кустарника. Гикуйю сбавил шаг.

Наконец за спиной послышались торопливые шаги. Гикуйю обернулся и вздохнул с облегчением. Его догнал здешний садовник, приятель бармена.

— Что ты хотел? — сразу спросил он у Гикуйю.

— Тсс... — бармен приложил палец к огромным своим губам, — не ори.

— А что? — насторожился садовник.

— Я просил тебя на пару слов по секрету. Вот какое вышло дело. Недавно я случайно услышал, как один мой клиент жаловался другому, что как-то потерял или забыл на столике в саду, здесь у вас, серебряную газовую зажигалку. Он ужасно горевал: она дорога ему как память о путешествии на край света. Жаловался, будто ему ее не вернули. Говорил, что щедро отблагодарил бы всякого, кто нашел бы его пропажу. Я сразу припомнил твои слова насчет какой-то зажигалки. Мы могли бы заработать.

— Пфе! Вспомнил, когда это было.

— И все-таки, где она?

— Я никогда не был вором, — горделиво молвил садовник, — никогда не присваивал чужого. Я немедленно отдал зажигалку первому же белому в тот вечер с просьбой вернуть тому из гостей, кто хватится, и ничего о ней больше не слышал и слышать не желаю. Это меня не касается. Мне плевать, если ее хозяин пожалел жалкого гроша, чтобы отблагодарить меня за честность, плевать.

— В том-то и дело, что ее ему не вернули.

— Ну и пусть подавятся. Какое нам дело. Плевать. Нужны тебе их паршивые подачки? Из-за этого ты меня звал?

— Думал подзаработать. Да и клиента жалко, прямо горюет до сих пор. Слушай, кто тот белый, которому ты ее отдал?

— Да был тут один, — сказал садовник, — вроде помощника у господина консула. Слим, сущий ангел без крыльев. Хромой, с тросточкой. Слим Нордтон. Никогда не подумал бы, что такой чистюля нечист на руку.

Хотя мне он давно не нравился. Заберется с этой истеричкой Магдой-Луизой в конец аллеи, шепчет ей на ухо, как змея, или водит ее, дуру, по саду, прямо по копаному, всю мою работу испоганят ножищами. Все равно ее бросил, Магду, секретаршу господина консула. Улетел, говорят, насовсем, уже давно. А ее мне не жалко, она тоже штучка, будь уверен, большая мастерица пудрить мозги кому не лень. Все они хороши...

— Я так понял, хромого уже нет?

— Как языком слизало. Примерно недельку спустя после отъезда господина консула в Эквадор. Господин консул очень недоумевал, когда вернулся. Слим ведь улетел без спросу. Черт их разберет. Так что забудь и думать про награду за ту зажигалку. Будь здоров!

Садовник шел, загребая ревматическими ногами.

Гикуйю выждал, когда он скроется. Пригнулся, чтобы снять туфлю и вытряхнуть из нее камешек, затем скосил глаза в одну, в другую сторону и нырнул в гущу зелени, рискуя исцарапать лицо.

Замер среди листвы, дождался, пока не унялась немного колотушка в груди, осторожно вытянул шею, прислушался. Так, словно осмотрительный лазутчик в стане вражеской армии, он простоял чуть дыша довольно долго.

Страх и решимость боролись в нем.

Но вот, отбросив наконец колебания, медленно, стараясь не наступить подошвами на обломок сухой ветки в траве, Гикуйю двинулся в глубь сада.

Он достиг узкой тропинки, которая вскоре вывела его к асфальтовой ленте, вдоль нее-то и продолжил путь уже увереннее, укрываясь за стволами развесистых деревьев, что росли по обочинам.

Интуиция и бывлая наблюдательность не обманули бармена, старый, заброшенный гараж находился именно там, куда он пробрался. Замки сарая не сломать, даже пытаться не стоило, чтобы ненароком не выдать себя шумом, и Гикуйю тихонько, как мышь, обошел уже слегка обветшалое сооружение, выискивая лазейку.

И нашел ее.

На уровне его головы находились похожие на амбразуры окошки, достаточные, однако, в диаметре, чтобы в них протиснулся человек его комплекции. Одно из окошек было без стекла, мятый кусок картона закрывал его.

Гикуйю заторопился. Его словно подстегивал голос

незримого Киматаре Ойбора, старого служаки, которого бармен в душе считал образцом мужества и отваги.

Приставив к стенке старую тачку, в которой, вероятно, его приятель-садовник перевозил землю и удобрения, Гикуйю, предварительно убрав картонную заслонку, проник сквозь незастекленное окно в заброшенный гараж.

Машина стояла в углу за хламом, накрытая грязным, полуистлевшим чехлом, предназначавшимся скорее для грузовика, чем для легкового автомобиля.

Отвернув край громоздкого и тяжелого покрывала, Гикуйю принялся изучать машину привыкавшими постепенно к полумраку глазами, не забывая при этом чутко прислушиваться к наружным звукам.

Бармен не умел водить машину, не разбирался в марках и моделях, но в эти минуты он нисколько не сомневался, что перед ним стояла именно та машина, которой интересовался полицейский.

Машина эта была просто варварски ободрана, краска смыта каким-то неведомым бармену химическим препаратом, однако тому, кто потрудился над ней, не пришлось в голову снять колеса или хотя бы тщательно стереть с них желтоватые потеки.

«Видно, очень спешил, — подумал бармен, — слишком торопился».

Гикуйю благополучно возвратился в сад.

По его лицу обильно струился пот, он обессиленно приник к бассейну и подставил шею под прохладную струю воды затейливого фонтана.

За деревьями и кустами слышались голоса и шаги прогуливающихся по аллее сотрудников консульства и гостей.

Среди прочих голосов бармен легко и безошибочно распознал голос Вуда Коллера, но теперь ему было все равно. Не осталось сил ни на раздумья, ни на осторожность, ни на скрытное отступление.

Папаше Гикуйю показалось, будто и впрямь его доконала болотная лихорадка.

Вуд действительно был среди гостей. Он улучил момент, чтобы переговорить наедине с пожилой леди о причитавшемся ему вознаграждении за вербовку бурового мастера Ника Матье, то бишь Энди Сигбьерна.

— Сейчас лучше не беспокоить господина генерального консула, — сказала в ответ на прозрачные намеки журналиста пожилая дама, — он в бешенстве. Сообщаю

вам это доверительно, дорогой друг. К тому же комисионные обещал не он, а Слим Нордтон. Я вообще не уверена, что генконсул хорошо осведомлен относительно действий своего исчезнувшего фаворита.

— Меня не волнуют тонкости их взаимоотношений, я хочу получить свое, мадам, — заметил Вуд раздраженно.

— К сожалению, пока ничего не могу вам даже посоветовать, мой дорогой. К господину консулу невозможно подступиться. Давайте подождем, деньги невелики.

— Но велик риск, мадам. Меня не оставляют сомнения насчет непричастности хромого Слима к памяtnому событию на площади.

— Фи, как вам не стыдно, — дама поморщилась, — похоже на шантаж глупца. Это исключено. Я устала твердить вам, Вуди, что наши люди не имеют ни малейшего отношения к смерти тех двух черномазых. Я краснею за вас. Не унижайте себя.

— Не люблю быть мячиком. Сам позвоню вашему недосыгаемому боссу.

— Не советую, — сказала она.

— В конце концов, если хотите, я человек независимый, но не настолько богатый, чтобы тратить время впустую.

— Поверьте мне, — мягко молвила она, беря его под руку, — у консула большие неприятности с капиталовложением. Возможно, что он на грани разорения.

— Вот как? — Профессиональное любопытство журналиста мигом наострило уши. — Уж не поэтому ли он так долго сидел в Кито?

— У вас завидная осведомленность, — улыбнулась она. — Значит, вам известно о принадлежащих ему акциях «Эквадориэн галф ойл»?

— Более или менее. А в чем там дело? Я не подведу, мадам.

— Это не секрет. Разумеется, кроме его акций, о них он помалкивает. И вам советую, Вуди, вы же знаете его нрав.

— Я глухонемой, — заверил Вуд с нетерпением, — что в Эквадоре?

— Компания пытается оказать давление на правительство с целью получить дополнительные льготы на экспорт нефти из этой страны и отказывается уплатить Эквадору долг, больше пятидесяти миллионов долларов.

Реакция Кито убийственная. Там заявили, что государственная нефтяная корпорация приберет к рукам все оборудование «Эквадориэн галф ойл» безвозмездно, если компания не заткнется и не раскошелится до тридцатого сентября. Ужас. Консул пытался пробиться к их министру ресурсов и энергетики Варгэсу. Бесплодно. Пока неизвестно, чем закончится конфликт, но консул уже умирает от страха. А вы толкуете о каких-то жалких комиссионных.

— Хорошо, — сказал Вуд, — подожду, пока у него не уладится.

— Вы думаете, там уладится?

— Надеюсь, договорятся как-нибудь. Так и быть, потерплю, пока консул не перестанет дрожать за свои акции. Но, повторяю, я не мячик.

— А вам не кажется, что проиграете с тем строптивым красавчиком? Не слишком ли долго мы ждем утешительных вестей из Аномо? Давно бы пора. А мы всё ждем...

— Признаться, я и сам начинаю беспокоиться. И все же надеюсь на него. Он в моих руках, мадам, будьте покойны. Хотя... если не услышим об их провале в ближайшие дни, сам туда наведаюсь, напомню ему кое-что. Я уже думал об этом.

— Мне важно знать точно. Не исключено, что в случае необходимости я поеду с вами. Не станете возражать? Буду пассивной наблюдательницей. С меня ведь тоже спрос, не забывайте.

— Как вам угодно.

— Ну вот и договорились, — сказала она бесцветным голосом.

— Еще не все потеряно, я всегда бил без промаха, и если уж на то пошло... — Вуд осекся, заметив у фонтана, к которому они вышли, полуживого человека, и, разглядев кто он, удивленно и грозно спросил: — Ты что тут делаешь? Почему здесь? Отвечай!

— Виноват, — с трудом шевеля губами, выдавил из себя папаша Гикуйю.

— Кто тебе позволил полоскаться в бассейне?!

— Мне что-то не по себе, бвана, голова закружилась. Плохо мне.

Вуд сжал зубы и двинулся на него, но дама удержала его за рукав.

— Даже негры не выдерживают своего климата, — проронила она,

Пятьдесят градусов по Цельсию в тени. Казалось, безбрежная пустыня шевелится под прямыми лучами солнца, стонет тихо и заунывно, как отбившийся от каравана путник, обманутый миражем.

Небо будто отекло расплавленной, огнедышащей лавой. Жара в Аномо.

Ник Матье полулежал в шезлонге под зонтом со страдальческой миной на лице. Он сомкнул веки, чтобы не видеть негодующих Габи и Даба.

— Мастер Ники, где ваша совесть? — говорила женщина. — Мы все, все в отчаянии от вашего поступка.

— Смени его, бвана, — вторил ей Даб, — он упрямый, он может умереть, ты будешь виноват, мастер Ники. Смени Бориса Корина Егоровича!

— Я болен, — сказал Ник, не поднимая глаз, — уходите.

— Ты не болен. Ну, пусть ты болен. Давай смеяться, — Даб вдруг подпрыгнул и заблеял козой, — когда заболит охотник, кафры приводят козу, мучают ее, чтобы блеяла. Кафры считают, что крик козы изгоняет любой недуг. Давай и мы. Пошутил, мастер Ники, а теперь иди. Он очень устал.

— Отстань!

— Вы не человек, выродок! — Габи повалила зонт, затоптала его ногами, словно он был в чем-то повинен.

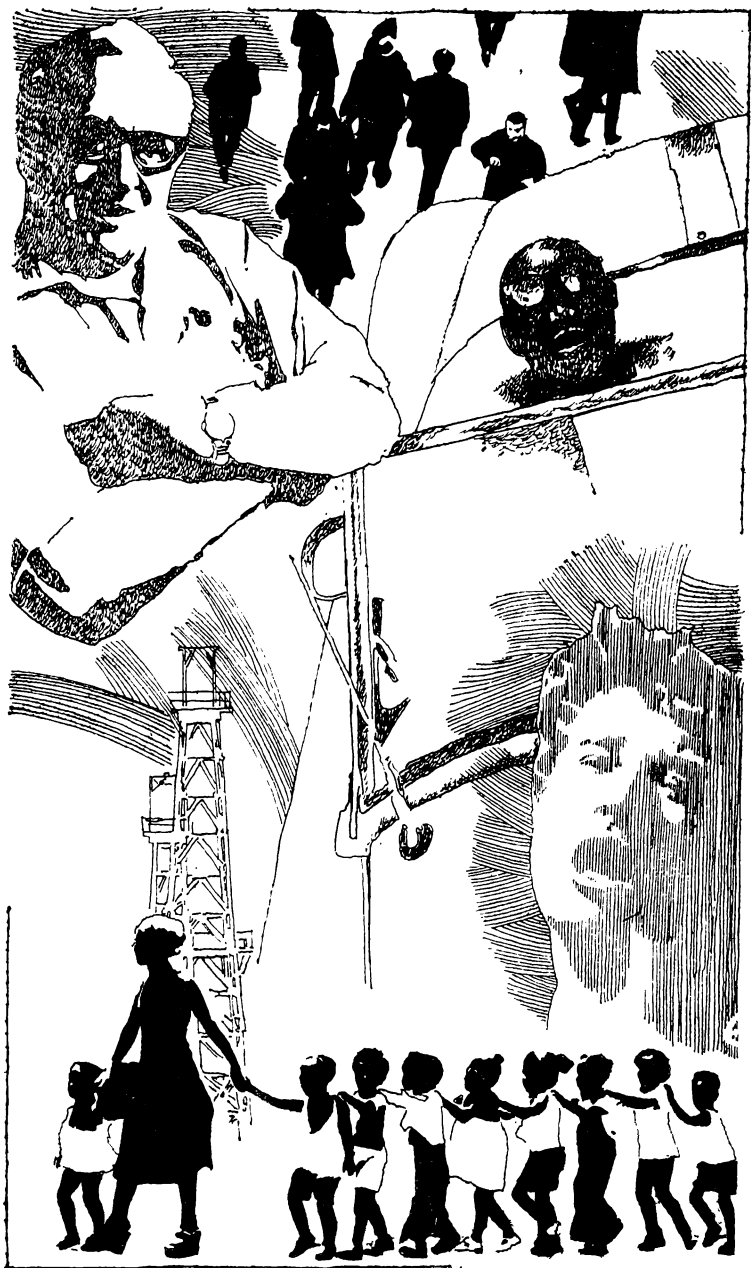
— Проваливайте, мне надо поговорить вон с теми, — процедил Матье, протянув палец в сторону приближавшихся к палаткам Луковского и представителя правительства, — проваливайте, проваливайте, у нас конференция за закрытыми дверями. Ох, как вы все надоели мне.

— Ну, мастер Ники, я тебя задушу, если он умрет и остановят бур, — дрожа от гнева, сказал Даб и отошел в сторону вместе с Габи, обняв ее за плечи.

Подойдя к шезлонгу, Луковский и седовласый африканец, точно сговорившись, взяли по ящику из-под гвоздей и сели на них в тени от складского тента. Оба молча смотрели на притворно дремавшего Ника.

В раскаленном, безветренном воздухе витал ровный, лишь изредка рассекаемый уханьем и звоном металла, привычный, как солнце и горизонт вокруг, гул натужно работавшей поодаль буровой.

Песок возле вышки был изрыт, густо испачкан ма-

зутом и соляркой, видно даже издали. Пятна, вернее, сухие корки, нитролигнина тянулись повсюду, покрывая своими отметинами и серебристые емкости на полозьях, и вылинявшие до белизны чехлы на покорно выстроившихся за водонасосом артезианской скважины тягачах, и даже жилые палатки.

Молчание.

Ник Матье подавил вздох, вынул из нагрудного кармана потускневшей своей шик-ковбойской одежки неизменную коробочку с набойными медными уголками, закурил, принялся по привычке наблюдать, как змеится на песке у ног коричневая тень дымка.

Седовласый поднял растоптанный женщиной зонт, подправил спицы и водворил сей безнадежно уже изуродованный предмет на место, над шезлонгом Ника. Сказал почти спокойно:

— Ваша сиеста затянулась, Матье. Хватит валять дурака. Третьи сутки русский почти не отходит от ротора.

— Я болен и требую, чтобы меня отправили в город, — негромко произнес Ник.

Седовласый сказал:

— Господин Матье, я догадывался, что ваши рекомендации фальшивы, но меня уверили в неподдельности вашего профессионального мастерства и желания оказать благородную помощь моей стране. Я навел справки о вашей работе на различных промыслах, не стану скрывать. Не все у вас было гладко с теми предпринимателями, на которых вы работали в прошлом. Но мне хотелось верить, что помощь республике — совсем другое дело для вас. Не кто иной, как вы сами говорили мне об этом. Да, мы нуждались в вашем опыте и умении, и я на свой страх и риск нанял вас, господин Матье, поручившись перед правительством. Вы известны среди нефтяников, и это придало мне смелости. Прошу также учесть, что вы были приняты более чем доброжелательно и в экспедиции, хотя, в сущности, я нанял вас за спиной наших советских друзей и партнеров. Не позорьте мою седину, господин Матье, исполняйте свою обязанность. Сейчас же смените русского бурильщика.

— Их там двое, ваших благодетелей, — буркнул Ник.

— Дизелист занят по горло, не вам объяснять, — сказал Луковский, — у каждого свои функции. У не-

го — свои, у вас — свои. Дизелист не может стать к пульту. Тем более в таких сложных условиях. — Виктор Иванович был, что называется, расстроен до предела, смотрел на симулянта с едва сдерживаемым негодованием.

Нику Матье что-то и сигарета, как говорится, не пошла, он выплюнул ее и злобно затоптал в песок. Сам вдавился в провисшую спинку шезлонга, будто силился уйти от себя.

— Третьи сутки без отдыха при такой гонке, — сказал представитель правительства, — это страшно. Не ищите проклятия, Матье.

— Я нечаянно упал с вышки, когда хотел помочь ребятам незаметно, без лишних комплиментов, — сказал Ник, — теперь я не в форме, совсем расклеился после проклятого падения. Знаю, что больше не потяну.

— Вы здоровы и полны сил, — прервал его Луковский. — Это называется элементарным саботажем. Чего вы добиваетесь? Чтобы стал бур после стольких усилий, после стольких суток непрерывной работы? Чтобы все, чего уже достигли вы сами вместе с другими в этой пустыне, полетело к чертовой матери перед самым финалом? Вы отлично понимаете, что это значит.

— Я понимаю все, — сказал Ник, — но вы меня не понимаете. Я выдохся. Конец. Я себя знаю. Мне лучше обратиться, не могу больше. Не могу!

Луковский сказал ему:

— Борис Корин не выдержит бесконечной перегрузки. Даже Борис Корин не может такое выдержать. Уже на пределе. Но и слышать ничего не хочет, вы же знаете, какой он. Там ваши товарищи, Матье. Товарищи по труду. Так уж сложилось, но вы, Ник Матье, и Борис Корин как бы одно целое, бурильщики, командиры.

Было видно, что Нику нелегко это слушать, его мучительно терзали какие-то мысли.

— Слушайте, Матье, — теряя последние крохи терпения, сказал седовласый африканец, — давайте прямо, кто вы — сторонник или враг?

— Отправьте меня отсюда. Я не подписывал никаких контрактов, все получилось слишком быстро, я так не привык, не обязан. Поверьте, я не враг, просто хочу покоя. — И вдруг Ник вскочил и заорал: — Покоя хочу! Требую! Будет мне покой когда-нибудь? Не могу больше! Не хочу! — И сорвался на шепот: — Вам не понять, а я устал жить. Да, Матье изверг. Отовсюду из-

вергнут. Давно. Всю жизнь помыкают приبلудным, всю жизнь я корчусь, как шелудивая обезьяна. Однажды споткнулся — и кувырком навсегда. Одно целое, Корин и Матье, он и я... Где мой берег? Где? Я вас спрашиваю. Отвечайте, и поскорей, меня несет течение. Где он, мой берег? Не знаете? Так вот, послушайте, что я вам скажу. Мне посулили хорошенькую сумму... за другую работу. Но я пригляделся к вашим ребятам и понял: они-то уж точно знают, где их берег и куда плыть. А мне что же, прикажете барахтаться по течению? Нет, Кувалда устал барахтаться и хвататься за всякие щепки. Короче, если предложите не меньше — все в порядке. — Ник снова упал в крякнувший под его тяжестью шезлонг, который тотчас же развалился, и нелепо распростерся на песке, засучив от неожиданности руками и ногами, что несколько снизило эффект от его только что произнесенной эмоциональной речи. Он вскочил наконец, отряхнулся и продолжил тираду, повысив голос, чтобы хоть как-нибудь справиться с замешательством, вызванным его неловким падением: — Для ясности, за ту работу мне обещали восемь тысяч и морскую прогулку по моему выбору. Не скрою, мне больше нравятся кругленькие цифры, скажем, десять, но в такой ситуации сойдет и восемь. И конечно, контракт. Твердый, гербовый, настоящий. Уф!.. Вряд ли еще когда произнесу столько слов кряду.

Габи и Даб, все еще наблюдавшие издали за переговорами, словно почувствовали, что наступил критический момент, подошли поближе.

— Ясно, — сказал правительственный чиновник, — классический шантаж. Этот рэкети́р выждал и рассчитал точно.

— Когда-то я читал книжку про одного парня, — невозмутимо продолжил Ник, — он очутился на необитаемом острове и откопал клад. Почему бы и мне не откопать клад в этих песках, раз и я очутился на чужом острове? Вам нефть, мне куш, фифти-фифти. Справедливо?

Виктор Иванович снял очки. Бледность проступила сквозь загар на его обветренном лице. Ника так и подбросило, когда Луковский резко сунул правую руку в карман.

— Эй! — тревожно вскричал Ник и отшатнулся.

Виктор Иванович вынул бумажник, с презрением швырнул его к ногам Матье, снял часы и тоже швыр-

нул, затем стал выворачивать все карманы. Седовласый африканец молча последовал его примеру.

Сообразив, в чем дело, Габи и Даб кинулись в разные стороны и принялись таскать к ногам обалдевшего Ника Матье всяческую утварь, одежду, тряпье, монеты, посуду, объедки, все, что попадало под руки, даже обломки досок и железа, кривые гвозди и обмылки с умывальника.

Габи кликнула Джой, а та — каждого, кто хоть на миг мог оторваться от дела. Ну и картина была, ничего не скажешь. Пятьдесят градусов по Цельсию, а Ника Матье затрясло, как от холода.

Он закричал:

— Какого дьявола! Насмешка? Вы что... при чем тут вы, ребята? — И вдруг убавил голос. — Зачем? Вы не поняли, перестаньте... — Нет, не ждал такого оборота. Злость и смятение, оскорбленность и жгучий стыд охватили его. Сжав кулаки, плечистый, изогнувшийся, словно барс перед прыжком, он бормотал: — Джой... Джой, не надо... Как ты можешь... не смей, Джой, не надо!..

Девушка вытряхивала к его башмакам содержимое своей сумочки и, сощурилась, говорила, глядя в искаженное его лицо:

— У меня еще есть кольцо. Память о маме. Сжальтесь, Ники, оставьте его мне. Помните, вы хотели сделать мне подарок, здесь, в пустыне? Пожалуйста, не отнимайте хоть это колечко, пусть оно станет вашим подарком за все доброе и незлопамятное.

Ник Матье вплотную подошел к Луковскому, глаза в глаза.

— Я проиграл, — сказал он тихо. И побрел к буровой, прихватив по пути каску и рукавицы.

Спустя время, когда Луковский и правительственный чиновник в тяжком молчании шли к вертолету мимо вышки, к ним подскочил возбужденный Сергей Гринюк.

— Виктор Иванович! Борька психует, гонит дублера! Ругается, извиняюсь, поганю! Также обзывает его по-всякому и что не позволит, мол, осквернять память Банго присутствием на его месте всяких... э-э... извиняюсь, тут опять нехорошее слово! А наш ковбойский супермен трусится, весь зеленый, лезет к пульта, как танк! Ну и катавасия! Повлияйте на них! И вы, товарищ уполномоченный, тоже повлияйте!

Все трое поспешили к трапику буровой. Сергей не унимался:

— Ох, жарыща! А Борис молодец, сибирская порода! Столько вкалывать за двоих — и ничего! Меня гонит, и на часок не дал подменить. Ну мужик!

Решительное вмешательство начальства, как и положено, дало результат. Вскоре Борис и Баба-Тим шли к палаткам. Корин покачивался, точно матрос, ступивший на сушу после слишком долгого плавания.

— Теперь я приказываю: ложись и храпи, как насос, — говорил Баба-Тим, — как насос.

— Где, он сказал, в песке за емкостью? — произнес Борис.

— Ложись, я найду, я найду.

Но Корин сам отыскал то место за цистерной с питьевой водой и вырыл из песка мешок с долотами на керн.

— Тяжело, дай мне, дай мне, — тщетно пытался Баба-Тим отобрать у него тяжелую ношу.

Притащив мешок под тент склада, Борис отправился в ближайшую палатку, взял там будильник и, заводя его на ходу, снова пришел на склад, где духота не так донимала, как в малой палатке. Он опустил на циновку под пирамидой из ящиков, приговаривая, словно в забыты:

— Сегодня четырнадцатое?.. Пекло... Зарыл, бандюга...

Баба-Тим смотрел, как шевелятся запекшиеся губы Корина. Сказал:

— Спи, я ушел, я ушел.

— Долото немедленно на буровую. Берите керн. Предупреди химика. Я, брат, малость загнался. Почти готов. Завалюсь на пару часов. Присматривайте там за зверюгой.

Он упал спиной на циновку и уснул накрепко.

Баба-Тим повернулся к подошедшей Джой и сказал:

— Это мой брат, мой брат. Слышала? — Схватил будильник и зашвырнул его подальше в пески. И ушел. Длинный, нескладный, он ушел, размахивая плетками рук, бормоча себе что-то под нос, и огненные солнечные блики вспыхивали на его черных плечах и лопатках.

В стороне, вздымая винтом вихри песка и пыли, взлетел вертолет. Он сделал круг над лагерем, крошечным островком желто-серой равнины, и с трескучим рокотом начал ввинчиваться в знойное месиво неба, удаляясь и удаляясь, пока не превратился в точку, которая вскоре и вовсе исчезла из виду.

Джой отвела взгляд от затихшего неба, осторожно подложила под голову Бориса принесенную с собой надувную подушку, присела, склонилась, несмело, едва касаясь, провела пальцами по колючей щеке, где розовела ссадина, и вдруг... прильнула губами к его губам. Он спал.

53

Сквозь неплотно прикрытую дверь под номером двадцать девять просочился незнакомый мужской голос. «Что такое? — удивленно подумал Хриплый. — Не успел я отлучиться на минуту, а к хозяину уже нагрянули с речами».

Хриплый громко постучался и толкнул дверь.

Торжественный голос лился из радиоприемника, перед которым с внимательным видом сидел Вуд. И, словно испугавшись вошедшего, радио внезапно смолкло, затем из динамика грянул марш. Музыку Вуд слушать не стал, выключил приемник и досадливо причмокнул губами.

— Что-нибудь стоящее, хозяин? — спросил Хриплый.

— Собирайся, — вместо ответа бросил журналист и сам снял со спинки стула свой пиджак.

Через две минуты они садились в малолитражку, стоявшую неподалеку от входа в отель «Масаи».

Всю дорогу от отеля до консульства их сопровождала малоприметная машина, державшаяся сзади на достаточном расстоянии, чтобы не выдать себя. За рулем той машины сидел меланхолично жующий человек в непомерном для него комбинезоне.

Малолитражка осталась возле ограды консульства, ее пассажиры пересели в большой черный лимузин, в котором их теперь стало трое — Вуд, его телохранитель и пожилая дама с вуалью. Постоянного шофера лимузина не было за баранкой, его функцию исполнял Вуд.

Меланхоличный человек в комбинезоне тянулся за ними в хвосте до самой городской черты, выжимая из своей менее мощной, чем преследуемая, машины последние силы.

Потом он, прекратив погоню, поднял трубку радиотелефона, вмонтированного в основание сиденья, и вызвал семьдесят третьего.

— Автосвязь восемь докладывает, — сказал он, —

корреспондент в большом черном автомобиле вместе со старшей секретаршей консула и своим слугой на высокой скорости удаляется в саванну по шоссе номер один.

— Ты где? — спросил голос Киматаре Ойбора.

— На шоссе у Красных Ворот. Я еще вижу их.

— Возвращайся.

— Я поводил их по городу, они меня не засекали. Может быть, еще немного прокатиться следом?

— Не нужно. Все нормально. Возвращайся.

— Очень подозрительно, сержант, они выскочили на загородную магистраль с такой бешеной скоростью, будто мчались к призу межконтинентального ралли, и я подумал...

— Возвращайся к отелю, я говорю! Все!

Меланхоличный человек пожал плечами, жалея, что зря развязал язык, развернулся и повел машину обратно в центр.

Он не понимал, для чего нужно было снова торчать возле отеля, если его «подопечный», судя по всему, укатил на край света и вряд ли вернется к вечеру.

Ему вообще, как и почти всем, кто был придан комиссаром в помощь Ойбору, причем придан со странной таинственностью, скрытно даже от своих, не все нравилось в работе со старым служакой, который почему-то на этот раз только ставил перед помощниками задачу, не объясняя хотя бы элементарно цель и причину.

«Велено «висеть» на журналисте, а для чего? Почему? И лишнего слова еще не скажи. Неприятно. Даже обидно, если вдуматься. Точно с безликими пешками. Только, пожалуй, Самбонангу, этого мальчишку, держит в курсе своих непонятных для прочих ходов. Что обидно, оскорбительно, — противно для бывалых сыщиков. И чего только окружной комиссар носит с этим заумным и самонадеянным, да к тому же довольно поддержанным сержантишкой?..»

Так размышляя, он прикатил на площадь Освобождения и занял привычную наблюдательную позицию вблизи «Масаи».

Как ни ворчи, как ни бухти, а службу знай да исполняй. Жарко было ему и скучно. Станешь тут меланхоликом, будь хоть вулканом с рождения.

А тем временем Киматаре Ойбор докладывал Даги Нгоро:

— Гражданин капитан, поступили сведения, что

группа иностранцев, не вызывающих доверия, с неизвестной целью направляется в Аномо.

— Они?

Сержант чуть прищелкнул каблуками и едва ли не торжественно ответил, сдвинув брови:

— Так точно, гражданин капитан.

— Так и говорите, — недовольно сказал Нгоро, — сведения, группа, доверие... Что это с вами? Будто общаете о начале мировой войны. Давно выехали? И кто? Поименно.

— Журналист, его телохранитель и старший секретарь консульства. Думаю, сможем их достать на пути к лагерю нефтеразведки. Поедете лично? Ваша машина готова.

Нгоро подумал и сказал:

— Да. Идите, я сейчас.

— Слушаюсь.

Киматаре Ойбор поспешил вниз. Самбонанга, взволнованный, как никогда, ждал его возле выведенного из бокса «джипа» капитана. Юноша вопросительно глянул на Ойбора, и тот сказал:

— Вероятно, гражданин капитан сам поведет машину, как обычно.

Самбонанга кивнул и, перемахнув через бортник, сел на заднее сиденье. Киматаре Ойбор наведалься в гараж, быстро вернулся и занял место рядом с пустовавшим пока сиденьем водителя. Даги Нгоро задерживался.

— Там сыпучие пески, застрянем, — сказал Самбонанга.

— Грузовики ходят в Аномо чуть ли не по два раза в неделю. Я видел проложенную ими колею, держит. — Ойбор обернулся к юноше и ободряюще ткнул кулаком в его плечо: — Смотри, недомерок, не оробей.

Молодой полицейский натянуто улыбнулся и сглотнул слюну, кивнул.

С крыльца сбегал Даги Нгоро в шлеме и с допотопным, облупленным «шмайсером» в руке, который он нес перед собой, держа с армейским шиком за ствол, прикладом вниз.

Капитан вскочил в «джип», и машина сорвалась с места.

В который раз сотрудникам управления представилась возможность полюбоваться из окон водительским мастерством своего шефа.

Из ворот гаража тотчас выехала другая полицейская

машина, крытая. Некоторое время она следовала за «джипом», словно тень, затем резко свернула в проулок и скрылась за домами.

Не зря каждый, кто хоть однажды видел Даги Нгоро за рулем, приходил к заключению, что скорость — необузданная его страсть.

Мало того что капитан, как азартный гонщик, швырял свой выносливый и послушный «джип» в повороты, не сбавляя газ, он еще и включил сирену.

Очищая своим жутким воем путь от встречного и попутного транспорта и панически шарахавшихся людей, короткотелая и тупоносая машина стремительно пересекла город и вылетела на трассу, ведущую через возделанные поля и скудные огороды в унылое пространство обожженной саванны.

— Прошу прощения, — крикнул Киматаре Ойбор, — мы уже за чертой!

Даги Нгоро, спохватившись, выключил сирену. Он неотрывно смотрел вперед, подавшись корпусом к лобовому стеклу, на котором расплющивались насекомые, и сжимал баранку, будто гашетки строчащего пулемета. Весь его вид как бы твердил: «Ненавижу их! Дайте только до них добраться — вмиг проучу!»

— Впереди чисто, — подал голос Самбонанга, — никого.

— Их нет, — отозвался Ойбор, — но они были, они впереди.

Мелькала чахлая придорожная растительность, в мгновение ока, точно разноцветные мазки кистей, проносились мимо рекламные щиты, дробно барабанили снизу земляные комья и камешки, долго вприпрыжку гнались за машиной.

— Что, если их все же не было здесь... Впереди абсолютно пусто. — Самбонанга сидел, сильно сутулясь и сложив руки на животе, как уставшая прачка. — Неужели есть моторы сильнее этого?

Киматаре Ойбор отлично понимал состояние юноши. Он понимал его тщательно подавляемое волнение как никто другой, и он опять, обернувшись к съежившемуся помощнику, легонько ткнул его кулаком в плечо, после чего громко сказал уже капитану:

— Они были, у меня надежные информаторы. Проскочили около четверти часа назад. Конечно, лучше бы встретить их там, а не тащиться в хвосте. Мы слишком замешкались.

Нгоро молчал.

Удалился и растаял город в серой дымке.

Лента дороги стала неровной и совсем не ухоженной, хотя и раньше не блистала особой чистотой. Асфальт то и дело захлестывали почвенные наносы, а еще через час-полтора езды он вообще должен кончиться. Потрескавшуюся, изможденную засухой землю сменяют голые пески.

54

...Мощная стремнина Оби проломила тайгу, несет в студеных струях своих знойную синь сибирского запада сквозь иней и ливни седой Югры к ее северной кромке. Вытянув Обскую губу, море Карское ненасытно пьет живую воду великой реки. Скважины от Ишима до Ямала пьют черный мед земли, и несть им числа, тем скважинам...

...Кедры топчут горбатые мхи, полные многоцветья. Мечется пламя в жерле печурки, силится облизать дымными языками вкусное варево артельного котла, и радужными, маслянистыми пятнышками кичится настоящая на торфе лужица в углублении под торчащим веером корней павшей среди бурелома березы, и витают солоноватые шуточки отчаянных парней Сургута...

...Воздух тайги, ее прохладное дыхание, зыбкая, заболоченная земля под ступнями, разлинеенные улицы и дома, сочные луга за околицей, в густых травах которых бродят сытые, сентиментальные коровы с заплаканными от умиления глазами...

...Резной терем детских яселек, вывешенные, как вымпелы, стираемые пеленки и подгузнички коренных сибирчат, что подняли ложками в столовой такой цокот, какой сродни копытам целого кавалерийского эскадрона, а во дворе сохнут на веревках простыни, они шевелятся и вздуваются на ветру, словно луды скачущих росичей...

...Щекастеный бутуз с вихорком пшеничных волос на макушке топают навстречу, радостно распахнув ротик, где прорезалось целых два зуба наверху и два снизу, и сообщает всему миру своим «бу-бу-ба», что признает родителя, держась за руку нянечки. Он поразительно рано начал ходить. Он стоял на своих ногах в семь с половиной месяцев!..

...Сын, сынище кричит: «Папка! Папка плисол! Угадай, сто у меня есь!» Он разжимает взмокший от напряжения кулачок и показывает сокровище, определить ценность которого невозможно, пока сам не объяснит, что это такое: жук, пчела или муха...

...Полурасплетенная душистая коса жены на его груди, ее теплая щека на его плече, колючая тень ее ресниц и смешной шепот: «Так долго? Смотри там, звери у них злые. Дива насмотришься-а-а... Надо же, мой-то непутевый нынче куда наострился, как дипломатник какой... Привези Гошке обезьянку, только выбери какую помельче. Хотя нет, не привози ничего такого. Сам приезжай поскорей. Пробуравите — и сразу домой». За окном, охая на ухабах, ползут «Уралы» с прицепами и гусеничные «атээски», отсветы фар, пробив занавески, скользят по стене и потолку...

...Река под яром разворачивалась широким плесом. Прорезав прибрежные дебри безобидной крапивы-яснотки, круто спускается тропинка. Как хорошо сбросить задубевшую робу и бултыхнуться с разгону в щекочущую свежесть, нырять, кувыркаться на отмели, отфыркиваться моржом и кричать: «Не отставать, братцы! Даешь очередную победную головомойку!» Измазав друг друга свежей, еще теплой нефтью, белозубые, хохочущие, счастливые и молодые хозяева тайги бегут гурьбой, хлопая резиновыми сапожищами, и летят в сторону ватники, рубахи, иссеченные богатырские шлемы с клеенчатыми бармицами, и пенится, вскипает выдавшая виды бабушка Обь. Сколько раз освежали ее объятия разгоряченных нефтяных богов после выигранных ими у подземелья сражений...

— Реюсит! Доволен? — послышалось за спиной.

Исчезло все: и таежная синь, и желанная свежесть реки, и близкие сердцу образы. Борис Корин машинально ответил:

— Да, личность, успех. Все тип-топ, все путем. Будет у них, как хотели, и горючка своя, и кофточки, и пилюли — все. Как ты думаешь, это отлично, если человек стоит на своих ногах, скажем, в семь с половиной месяцев? Отлично!

— Ты нездоров?

— Да, ностальгия.

— Я подонок, — вдруг тихо сказал Ник Матье.

— Не-е-ет, ты у нас личность.

— Повторяю тебе, я подонок.

— А мне что в ответ, — сказал Корин, — зарыдать?

— Послушай, Борис... — Ник запнулся.

— Ну что еще, что?

Матье помолчал, раздумывая. Но так и не сказал, что хотел, а произнес следующее:

— Борис, ты сидишь тут давно, на солнцепеке, а голова не покрыта. Я подарю тебе свою шляпу. У нас на Кейп-Коде это, знаешь ли, символ.

— Очень трогательно.

— Нельзя объяснить... но, поверь, так меня ненавидеть...

— Нет, определенно разрыдаюсь, — Корин поморщился, — но не будем размахивать шляпой на прощанье.

— Я хотел бы объясниться с тобой.

— А я не девушка! Ну вот что, обойдемся без мелодрамы. Ты у всех вот здесь уже. — Корин постучал ребром ладони по собственной шее и встал с бочонка, на котором сидел, намереваясь уйти.

— Погоди, — сказал Ник, — есть деловой разговор.

— Ну, валяй. Только в темпе, мне надо к ребятам.

— Я лучше знаю, что тебе надо.

— Интересно.

— Тебе под силу завернуть настоящее дело. Матье не дурак.

— Еще интересней.

— От нуля до вершины, — продолжал Ник, увлекаясь, — если бы ты согласился выслушать... Серьезно, у меня есть кое-что в голове. Я повидал и пощупал столько земли, что тебе и не снилось.

— Давай без вступлений. О чем собирался потолковать?

— Немного здравого смысла, терпение, доверие ко мне, прогулка по небу или по воде, как будет угодно, а там... остальное беру на себя. Уверен, меня еще помнят. Только бы добраться и разыскать одного маленького, плешивенького кретина и вырвать контракт хоть на сезон для начала. Потом он сам завиляет хвостом, не сомневайся. И уж поверь, мы сумеем достаточно выкачать из земли в свои карманы. Я давно ловлю себя на мысли, что мы созданы для работы на паях. За два года гарантирую обоим золотое место в раю.

— Карлики, карлики, полный рот карликов, — рассмеялся Борис.

— Не понял.

— И не поймешь, я из другого двора.

— Нет, я понимаю, — сказал Ник, — ты не хочешь меня в компаньоны. А я предлагаю забыть ссоры, я предпочел бы не расставаться. Конечно, я не соглашусь толкать для тебя ключ, свинчивать трубы или смазывать лебедку, но я готов вместе с тобой, на равных, сменным сондором, гореть и плавиться. Только на паях. — Ник заглядывал Борису в глаза и не находил в них желанного ответа, и он вдруг почувствовал, что делает что-то не так, неверно, не то, и помолчал, сообщая, и промолвил после неприятной паузы: — Но я подонок... Нет, нет, Матье не скулит перед тобой, он говорит себе: «Ты подонок, ты заблудший подонок и сын подонка».

— Честно говоря, не знаю, как себя вести в подобных ситуациях, не имею достаточной практики общения с вашим братом, — сказал Борис. — Есть у нас дома толковый мальчонка лет под сорок, кум Витя, первый остряк в бригаде. Он где-то вычитал хорошую поговорку какого-то мудреца: «Слова — карлики, примеры — великаны». И, знаешь, с тех пор как услышит галиматю, так и врежет: «Посыпались карлики, братцы». Вельсеньяк, молодец, умница. Вот какой он, кум Витя.

— Как тебя понимать?

— А так, личность, что я и вправду из другого двора, мне по душе великаны. Так что катись-ка ты в... то самое место. Как говорится, не порть песню.

Ник Матье прикрыл глаза, желваки его вздулись.

— Я тебя прощаю и на этот раз, — промолвил он и с силой ударил себя кулаком по бедру.

— Ну вот и объяснились, — сказал Борис Корин.

55

Вместительное чрево автобуса было разделено ширмой на две неравные части.

В большей размещалась лаборатория, обстановку которой составляли достававший до самого полотнища крыши легкий фанерный шкаф с химикатами и приборами на полках, большой разборный рабочий стол, склад разнокалиберной посуды, отнюдь не для трапез, и узкая этажерка с книгами.

Меньшая служила спальней подружившимся Габи и Джой. Их койки из той же плотной материи, что и

крыша, висели одна над другой, как в матросской каюте.

К полотняной обшивке стен были прищиплены цветные фотографии музыкантов и спортсменов, вырезанные из журналов и газет. На тумбочке в расписанной губной помадой и лаком для ногтей бутылке стояла высушенная ветка тамарикса, привезенная Джой из старого лагеря.

— Привыкла ко всему этому, — вслух подумала Габи, — а ведь скоро, совсем скоро покинем Аномо...

Яркая сумка Джой стояла на полу среди разбросанной будничной одежды. Сегодня стряпуха надела самое красивое свое платье и, несмотря на солнце, беспощадно выжигавшее краски, с утра порхала в нем по лагерю, как мотылек, вызывая у замызганных мужчин восхищенные междометия.

Грустно улыбнувшись, Габи собрала валявшиеся на полу вещи и аккуратно сложила в сумку, точно терпеливая мать, привыкшая убирать после взбалмошной дочери.

Габи не могла найти себе места, чего-то ей не хватало.

Она искала глазами, чем бы заняться.

Из кармана клетчатой сумки торчал краешек зеркала. Габи вынула его, поднесла к лицу и вспомнила, что давно не смотрела на себя вот так. Она была молода, родилась всего на четыре года раньше этой девчонки Джой, которая так горячо требовала, чтобы Габи тоже принарядилась сегодня.

Габи смотрела в зеркальце и видела в нем свою старшую сестру. Она сказала себе: «Нет, именно сегодня, когда недра пустыни покорены, когда осуществилась мечта Банго, я должна быть в его рабочей рубашке. Сегодня, как никогда».

Она закрыла глаза, проглотив подступивший к горлу горький комок, и словно ощутила дыхание Банго, расслышала каждое его слово. Он рассказывал ей об этом дне. Как давно и как недавно то было...

Габи вышла из автобуса-лаборатории на свет, ослепительный, как вспышка магния.

Возле буровой сновали фигурки дорогих ей людей. С некоторыми из них предстояло расстаться, они сделали все, о чем их просили, и скоро уедут домой, далеко-далеко, оставив добрую память о себе.

Их страна настолько велика, что на одном ее краю

обжигают такие же пески, а на другом морозят невиданные льды и снега. Суждено ли ей когда-нибудь снова приехать туда, побыть хоть немного в далекой северной стране друзей, в том огромном и светлом городе, где она и Банго Амель оставили кусочек их общего сердца?

Габи сделала несколько шагов по направлению к вышке, когда вдруг послышалось тихое, но близкое щебетание птиц. Она заглянула под тент и обнаружила там Джой.

— Опять играешься с радио? — сказала Габи недовольно. — Борис не разрешал, не дразни его.

— Такой день! — снимая наушники, чуть смущенно воскликнула Джой. — Нужна музыка, Габи!

— Это для связи, какая музыка, он же просил не трогать.

— Тишина. Грустно, как будто весь мир опустел. Чего они так долго копаются?

— Чистят амбар, все проверяют, готовятся, — пояснила Габи, — сама волнуясь, как маленькая. Моему Банго не довелось увидеть...

— Хочешь, я помогу тебе вызвать сюда сына! — Джой снова включила рацию.

— Не балуйся. — Габи присела рядом с подругой. — Даже если бы это было возможно, Арбат все равно ничего бы не понял.

— Поймет, когда вырастет. Важно, чтобы запечатлелось в зрительной памяти. Она у детей изумительная, эта память. Борис говорит, вышки потянутся дальше, быть может, здесь вырастет со временем целый город, завод, хранилище. Представляешь, на карте появится город Банго! Идем к ним. Нужна музыка, Габи!

56

Сегодня они могли себе это позволить. Под грохот таза, что был подобен в руках неистового Лумбо множеству нгом и тамтамов, ликовали нефтяники, хохоча и гортанно выкрикивая.

Даже Ник Матье, державшийся обособленно, невольно притопывал ногой и подергивал плечами, с ухмылкой наблюдая за Сергеем, который старательно и упорно пытался втиснуть свою украинскую «Гоп, куме, не журия, туды-сюды повернися!» в ломаные африканские ритмы.

В самый разгар веселья к лагерю подъехал уже не черный, а светло-серый от покрывшей его пыли лимузин. Он остановился в стороне, там, где еще не кончилась колея утрамбованного песка.

Из автомобиля вышли Вуд Коллер и Хриплый. Престарелая леди осталась на сиденье машины, возможно, оттого, что путь сюда был слишком утомительным или просто не пожелала выставлять себя напоказ.

— О, да тут настоящий праздник! — приветливо воскликнул Вуд.

Подлаживаясь под ритм всеобщего танца, он вихлял туловищем, сверкал улыбкой и приближался к нефтяникам, пыл которых несколько поубавился при появлении посторонних.

— Значит, сообщение радио достоверно! Понимаем и разделяем ваш восторг! Грандиозно! Гип-гип, ура!

Нефтяники, все, кроме Ника Матье, радушно обступили неожиданных гостей.

— Уже объявили по радио? — удивилась Габи.

— Во дают! — вырвалось у Сергея. — Спешат вперед батька!

Вуд пожимал руки, дружелюбно хлопал по плечам налево-направо, пока к нему не подошел Борис Корин, который до этого держался позади своих расшумевшихся товарищей.

— Сам премьер выступал. Докладывал народу о программе развития экономики. Вас вспомнил особо, — сообщил Вуд, вынимая блокнот и авторучку. — Хвала триумфаторам! Лавры!

Нефтяники переглядывались с легким недоумением. Борис Корин сказал:

— Нефть обнаружена, но ее еще надо поднять. Мы не делали никаких официальных заявлений, только поставили в известность, что опорная скважина готова. Вы из газеты?

— Попадание в точку, — Вуд выдернул на миг краешек визитной карточки из нагрудного кармана, — перед вами самые оперативные репортеры.

— Началось. Теперь не будет отбою. — Лумбо с сожалением отбросил свой музыкальный таз.

— От славы не бегут, мой друг. Итак, воспользуюсь правом первого интервью. — Вуд с улыбкой скользил взглядом по присутствующим, выбирая собеседника. — Ну, хотя бы... — взгляд его остановился на Нике, — уделите внимание прессе, гражданин.

— Кажется, меня зовут Ник Матье, — прищурясь, отозвался тот.

— Прекрасно, прекрасно, — сказал Вуд. Он подхватил Ника под локоть и решительно повел к машине, бросив остальным: — Не смею задерживать всех, понимаю, вам сейчас не до газетчиков.

— Правда, братцы, — сказал Корин, — пора испытывать скважину, вот-вот прилетит комиссия.

Нефтяники веселой гурьбой двинулись к вышке, речь их звучала, как диксиленд.

Лишь Джой замешкалась, лицо ее выражало полную растерянность, взгляд метался от удалявшихся спин друзей к Хриплому, что, разинув рот, озирает лагерь, и задерживался на господине, который уводил Ника.

— Не уходите, давайте вернемся. Я хочу... я бы хотела присутствовать. Их нельзя упустить.

— Чудеса, наша скромница стряпуха, оказывается, мечтает попасть в газеты, — рассмеялся Борис.

Джой досадливо махнула рукой и быстро зашагала обратно.

Тем временем Хриплый насытился созерцанием нефтяного лагеря и присоединился к хозяину, который шипел Нику в лицо:

— Ну, недоносок, хорошо ты справился.

— Дальше, — молвил Ник, бледнея.

— Даю тебе последний шанс. Придумай, что хочешь, но сразу же после нашего отъезда все здесь должно рухнуть к черту. Десять тысяч. Учти, я не намерен терять заработок из-за твоего норова.

— Дальше.

— Что ты заладил, парень! — вмешался Хриплый. — Хозяин, он издевается! Я сейчас припомню ему мой зуб в баре!

— Заткнись, — оборвал его Вуд. И Нику: — Твои условия?

— Я вышел из игры, — сказал Ник.

— Стоп, так не пойдет. — Вуд вынул по сигарете всем троем, пальцы его дрожали. — Нет времени на дебаты. Ты хочешь что-нибудь предложить?

Отстранив его сигарету, Ник достал свою, прикурил от зажигалки с секретом, говоря:

— Вот что, щедрый друг, если у этих ребят случится что-либо некрасивое, я, Ник Матье, не ручаюсь за здоровье всей вашей банды.

Вуд между тем изумленно протянул руку к зажигалке, но тут же, спохватившись, отдернул и спросил почти небрежно:

— Откуда у тебя эта вещьца?

— Подарок моей подружки, — последовал ответ.

— Какой подружки? Быстро.

Ник пожал плечами, оглянулся на приближавшуюся девушку.

— Эй, Джой, полюбуйся-ка! Позарились на твою игрушку!

— Я их впервые вижу, — сказала она и, резко повернувшись, побежала в сторону палаток, туда, где стояла рация экспедиции.

Журналист крикнул ей вслед:

— Понимаю ваше бегство, ведь зажигалка ворованная! Стыдно!

— Какого дьявола вы оскорбили девчонку? — взорвался Ник. — Убирайтесь, пока не покалечил!

— Ну ты, потише! Это моя зажигалка, — разъярился и Вуд, — знаю я твоих подружек, как же, рванула — и след простыл. Вонючий сброд!

— Что ты сказал?! — Ник наступал на попятившегося Вуда. — Убью!

— Не тронь хозяина!! — завопил Хриплый, лихорадочно сунув руку за борт пиджака, под мышку. — Назад!!

Вопль этот словно подхлестнул Матье. Вне себя, он схватил Вуда за горло и сжал так, что у того глаза полезли из орбит, а из сдавленной глотки потекло мычание. Грянул выстрел — лицо Ника передернуло судорога, пальцы его разжались.

— А-а-а! Хозяина?! — истерично вопил Хриплый, еще дважды выстрелив в воздух. — Назад, не то прикончу! За хозяина! За мой зуб в баре! Прочь!!

Ник Матье попятился, отступая, возбужденный, испуганный. Вуд оцепенел, с его губ все еще срывалось бессмысленное мычание, будто ему продолжали сжимать горло, он тупо смотрел на пистолет, которым размахивал его слуга, и не понимал происходящего.

Отзвуки выстрелов достигли палаток и вышки, оттуда высыпали нефтяники, бежали к месту происшествия. А далеко справа уже возникла, приближаясь, темная точка, это был полицейский «джип».

— Прекратите! — раздался голос пожилой дамы. — Ко мне! В машину! Вы слышите, Қоллер! Нас могут за-

держат, а этого допустить нельзя, меня не должны здесь видеть! Скорей! Скорей!

— Ну нет, — вдруг произнес Ник Матье, — просто так вы от меня не уйдете. — Сжав кулаки, он шагнул вперед с отчаянной решимостью.

И тогда Хриплый выстрелил в него. Ник Матье, пошатнувшись, схватился за плечо и опустился на корточки.

Случилось необъяснимое, быть может, для самого Хриплого. Он, беспрекословный прежде холоуи, послушная тень Вуда Коллера, посмел совершить этот страшный поступок без приказа хозяина. Он действовал будто в каком-то кошмарном забытии, ослепленный ненавистью к Нику Матье, ко всем на свете.

— Идиот! Что ты наделал! — придя в себя, вскрикнул в ужасе Вуд и, отмахиваясь от ошарашенного своего лакея, панически бросился к лимузину.

Хриплый несколькими прыжками достиг автомобиля и, опередив журналиста, нырнул в него и полез на место водителя. Едва Вуд успел хлопнуть за собой дверцей, машина сорвалась с места.

— Убийцы... я не имею ничего общего... кошмар... — лепетала пожилая дама, сжавшись в комок и забившись в угол, — я ни при чем... никакого отношения...

— Я тоже не виноват, — сказал Вуд даме, — меня задушили, вы свидетель, я абсолютно ничего не сделал. Я только зажигалку... вы свидетель.

— Молчать! — заорал Хриплый обоим, не оборачиваясь. — Еще слово — задавлю, как блох! Впереди, не иначе, машина сычей, если что — стреляйте из своего бульдога! Вы слышите, Вуд?

Вуд лег на сиденье и зажмурился.

Дама вдруг сказала Хриплому почти без волнения:

— Подпустите метров на двести и резко уходите влево, за тот гребешок, потом снова на колею, их машине не развернуться сразу, а у нашей — табун лошадей. Не стрелять. Они тоже не должны, еще ничего не знают. Боже мой, я как во сне...

Лимузин и «джип» сближались.

— Похоже, гостей спровадили без нас, — сказал Самбонанга.

— Остановим? — спросил Киматаре Ойбор.

— Пусть убираются, — сказал Даги Нгоро, — узнаем, что им тут было нужно.

— Осмелюсь заметить, — сказал Самбонанга, —

скорее всего испугались и удирают. Что-то нечисто... Уходят.

Даги Нгоро кивнул, притормозил, вскинул свой «шмайсер» и дал короткую очередь в воздух, приказывая этим самым черной машине остановиться. Лимузин уже успешно их обошел, полускрытый песчаным гребнем, и начал удаляться, набирая скорость.

— Ладно, — сказал Нгоро с досадой, — с дипломатами поговорим в городе.

Ойбор молчал.

Между тем потрясенные случившимся нефтяники сустились возле раненого Ника Матье. К счастью для него, пуля прошла сквозь мякоть предплечья, не задев кости. Габи и Джой с помощью походной аптечки сделали все возможное, чтобы остановить кровотечение, и это им удалось. В сущности, рана оказалась неопасной, но вызвала у пострадавшего сильный шок.

Из подъехавшего «джипа» выскочил Самбонанга, за ним торопливо подошли Ойбор и Нгоро. Они поглядели на перевязанного Матье и недоуменно обвели присутствующих глазами.

— Кто? — коротко спросил Ойбор.

— Послушайте, — всхлипнула Джой, обращаясь к Даги Нгоро, — тут были двое. Одного из них я встречала в нашем клубе.

— В каком клубе?

— Да в нашем же, в клубе журналистов.

— Продолжайте.

— Заподозрила неладное, побежала к рации, а они... Ребята ушли работать к вышке, были уже далеко, слышали только выстрелы, а я видела собственными глазами. Ничем не могла помочь мастеру Ники. Ужас. Нет, я больше не выдержу, с ума можно сойти!

— Прошу всех соблюдать спокойствие, — сказал капитан.

— Догнать? — быстро спросил Самбонанга у Ойбора и ринулся было к «джипу», но сержант удержал его, отрицательно покачав головой.

— Его встретят у отеля. Не уйдет, — сказал Ойбор капитану, — их бегство — безумие обреченных.

В небе возник, нарастая, рокот вертолета.

— Все вы предусмотрели, кроме этого, — сердито молвил Нгоро, кивнув на раненого.

— Да, этого я не учел, не предвидел... — отозвался Ойбор.

— Много шума из-за пустяка, — негромко заговорил Матье. — Вон вертолет, в нем наверняка та женщина, русский врач, если надо, посмотрит мою царапину, хотя уже в полном порядке. Надеюсь, она теперь будет считать меня мужчиной, а не тряпкой. Верно, обер-мастер?

Суровые, обветренные, опаленные лица нефтяников обращены к Борису Корину. Они еще не осознали до конца всего, что случилось. Честные, мужественные люди, они не в состоянии были осмыслить, постичь подлую логику вражды и жестокости.

Что мог сейчас ответить Борис Корин, их опора и совесть? Он молча провел ладонью по своему почерневшему от солнца лицу, ставшему от горячего дыхания чужеземной пустыни почти таким же темнокожим, как и у людей, ради которых он был здесь, выдернул из-за ремня рабочие рукавицы и твердо зашагал к скважине. Ребята двинулись за ним.

— Вы можете уехать с нами, — сказал Даги Нгоро, обращаясь к Джой.

— Я прошу... я останусь с ними, — сказала она, — дело Банго еще не закончено.

Спустя несколько минут, рыча и вздымая снопы песка и пыли, «джип» увозил полицейских, торопясь поскорее выбраться на твердь трассы.

— Чертовщина какая-то, — сквозь зубы процедил Даги Нгоро, — такое чувство, будто мы сделали глупость, будто все произошло из-за того, что мы затеяли эту погоню. Представьте, даже не знаю, сумею ли объяснить окружающему этот ужасный спектакль.

Вертолет, должно быть, уже опустился в нефтяном лагере, доставив туда государственную комиссию, и она, вероятно, выслушивала новости, омрачившие радость успешного бурения, когда полицейская машина выбралась наконец из песков.

Самбонанга наклонился к Ойбору и шепнул:

— Все думаю, вы хотели, чтобы все они увиделись?

Сержант молча кивнул и оттолкнул юношу плечом.

Он был какой-то окаменевший, сержант Киматаре Ойбор, глаза налились свинцовой тяжестью, губы сжались, а руки, вцепившиеся в скобу перед сиденьем, напряглись.

Там, где грунтовая дорога переходила в асфальтированное шоссе, Даги Нгоро прибавил скорость и сразу

почувствовал свою стихию, откинулся на спинку сиденья, сняв шлем, перестал чертыхаться.

— Да, не все получилось... — сказал Ойбор.

Машина летела как бешеная, загребая под себя колесами километр за километром. Кое-где показывались первые островки зелени, пустыня сменялась саванной, глухой и безлюдной.

В своем начале шоссе дважды разветвлялось. Метров за триста до второй развилки Самбонанга, взглянув на сержанта, внезапно вскрикнул:

— Меня укачало! Остановитесь!

Капитан Даги Нгоро сбросил газ, остановил машину и удивленно обернулся. Самбонанга мгновенно нанес ему сильный удар по голове рукоятью револьвера. Нгоро обмяк и завалился на бок.

57

Крытый полицейский грузовик подъехал к аэропорту, из него высадился отряд оцепления. Незадолго до этого несколько человек были оставлены на железнодорожном вокзале и автостанции.

Заблаговременно были блокированы и все прочие выезды из столицы.

Даже в пригородных районах типа Шарбатли находились усиленные патрули, поскольку, как показывало прошлое, нередко преступники на первых порах пытались найти укрытие в головоломных лабиринтах трущоб.

Грузовик опустел, и шофер согласно инструкции повел его в центр, к одной из самых известных всем водителям бензоколонок, у которой с некоторых времен обосновался престарелый башмачник.

Раскладной стульчик башмачника был на месте, вывеска, ящик-стол, инструменты и горка рваной обуви тоже, сам же старичок в стороне, привязавшись к владельцу заправляющегося автомобиля, рассуждал о том, что только осел может обременить легковую машину таким прицепом.

Аполлон-заправщик хохотал во все горло, получая какое-то странное удовольствие от занудливых проповедей башмачника перед автовладельцами.

Водитель полицейского грузовика крикнул:

— Алло, отец! Давай-ка грузить твою фабрику! Велено доставить тебя обратно на площади!

Башмачник оставил в покое владельца легковушки с прицепом и засеменил к грузовику.

— Чего разорался? — строго просипел он.

— Давай не задерживай, — сказал полицейский, — где твоё барахло? Я помогу. Кончилась служба, возвращайся к своей старухе.

— Вот ещё! Никуда отсюда не уйду, мне здесь хорошо. А что, бандитов уже поймали?

Водитель грузовика сплюнул, махнул рукой и укатил восвояси. Башмачник тоже сплюнул и махнул рукой, затем не спеша подался к заправщику, который уже подпирал спиной свою будку, кончив дело, и сказал:

— Видал? Хотели нас разлучить. Полиция. Я его быстро спровадил.

— Чего это они? — спросил парень.

— Ты умеешь хранить тайны?

— Конечно! — возмутился заправщик, который и понятия не имел, что такое держать язык за зубами.

— Тогда я, так и быть, расскажу тебе кое-что.

58

— Слушай, — сказал старый служака Киматаре Ойбор, — слушай, собака, раз настаиваешь. Будем считать, исполню твоё последнее желание. Я тебе всё доложу, как приговор. И про Нордтона вместе с твоей Магдой-Луизой, и про Эла Броуди, и про Мариба — Соважа, и про всю вашу банду, и про ночь на площади.

— Я слушаю, — с трудом шевеля губами, заговорил Даги Нгоро, — и жду, когда вы оба опомнитесь, безумцы. На кого подняли руку!

— На убийцу! На подлую собаку! Не нравится? Но ведь это не я, а твои заморские хозяева дали тебе собачью кличку — Рык. Черный Рык, продажная шкура!

— Не желаю слушать бред обезумевших бунтовщиков.

Сдерживая ярость, Киматаре Ойбор, бросив на притихшего Самбонангу подбадривающий взгляд, вновь произнес, обращаясь к поверженному врагу:

— Нет, ты выслушай, Нгоро, это приговор!

— Не надо, — прохрипел Нгоро. — Чего вы хотите? Приму любое предложение в обмен на жизнь. Пойду на все ради жизни.

Сержант Ойбор, откинувшись на спинку сиденья «джипа», упирался ногами в прижатые к лобовому стеклу плечи разоблаченного преступника.

Автомат был направлен в тяжело дышащую грудь Нгоро, на сером и вспухшем после оглушительного удара лице которого отражались и страх, и отчаяние, и злорадство, и ненависть, и мольба.

Самбонанга встревоженно смотрел на сержанта, на то, как напряглись до белизны его руки, сжимавшие автомат, как налились его глаза каким-то страшным, пугающим смыслом.

Никогда еще не видел молодой полицейский своего учителя в таком состоянии.

Ойбор сказал:

— Я старый человек, да, можно считать, старый, если не всей обиходной лет, положенных человеческой жизни, то здоровьем, полусотней серьезных ран за сорок два года службы между ножом и пистолетом таких подонков, как ты, Рык Нгоро.

— Послушайте, сержант, не валяйте дурака, — хрипел Нгоро, — у меня столько денег, что вам и этому молокососу хватит на...

— Молчи, собака, когда человек говорит! Не перебивай! Так вот, я отдал всю жизнь охране людей, и мне дороги надежда и вера свободных людей моей родины в новую жизнь, несравнимо лучшую, чем та, которая досталась уходящему поколению. Моему поколению. Я их люблю, людей моей свободной родины, и не могу допустить, чтобы их враг, убийца лишнюю минуту дышал тем же воздухом, что и они. Ты недостойн жизни.

Самбонанга настороженно встрепнулся:

— Гражданин сержант, я вас прошу... что вы задумали? Нужно ехать, гражданин сержант.

— Молчать! — вне себя вскричал Ойбор.

— Слушаюсь. Но, гражданин сержант... учитель, прошу вас...

— Я дорожу доверием народа ко мне, к тебе, Самбонанга, ко всем, кто честно исполняет свой служебный и гражданский долг. Нельзя, чтобы проходимцы бросали на нас тень. Так что, Нгоро, суда над тобой не будет, не будет огласки, для непосвященных ты — павший на посту. Постараемся похоронить тайну здесь я и Самбонанга.

— Блюстители закона преступят закон?! — завопил Нгоро.

— Это я отнесу на свою совесть, — сказал Ойбор.

— Нет! — вдруг закричал Самбонанга. Его бил озноб, взгляд округлившись глаз метался от сержанта к Нгоро, скользил по глухой и безлюдной окрестности и возвращался, суматошный, отчаянный. Дрожащие его руки вцепились в ремень автомата, направленного в грудь Нгоро, однако он все-таки не решался потянуть за ремень, не хватало духа отвести готовое покарать оружие от человека, которого человеком уже не считал. Горло распирали невыносимо горячий ком, сухой, как белое небо Аномо. Он проглотил этот ком, облизал губы, повторил уже негромко: — Нет. Так нельзя. Нет, нет, нельзя, самосуд — преступление. Отказываюсь участвовать, гражданин сержант.

— Мой Самбонанга перестал быть мужчиной? Возьми себя в руки! — прикрикнул на чрезмерно разволнованного парня Киматаре Ойбор. Однако поведение и слова ученика все же произвели на него отрезвляющее действие. Он сказал уже спокойно: — Неужели мне не дано взять на себя этот акт возмездия? Рискну присвоить себе это право, рискну. Ты должен понять меня, Самбонанга.

— Согласен на любое условие, только жить, — вновь прохрипел Нгоро, с надеждой глядя на молодого полицейского, — жить!

— Его нельзя сейчас убивать, гражданин сержант, вы знаете это лучше меня, вы, учитель, опытный защитник, — возбужденно говорил Самбонанга, обращаясь к Ойбору, — его нужно показать всей стране. Пусть все увидят, услышат, узнают про эти банды. Их надо судить громко.

Поколебавшись с минуту, сержант Киматаре Ойбор убрал автомат, защелкнул на Даги Нгоро наручники и процедил сквозь сжатые зубы:

— Просто не могу видеть живым бешеного зверя. На меня как затмение нашло. А ты хорошо сказал, Самбонанга, всех их надо судить громко, на весь мир. Ты прав, мой мальчик.

Зал, в котором проходила пресс-конференция, был заполнен до отказа. В лучах телевизионных осветительных приборов плыли нити табачного дыма. Вспыхива-

ли блицы фотоаппаратов, щелкали турели кинокамер, шуршали блокноты.

Комиссар полиции только что сделал сообщение для прессы. Сидя за столом, уставленным микрофонами, он обратил глаза к залу, ожидая вопросов.

Опередив всех остальных присутствовавших журналистов, с места встала девушка и громко произнесла, пересиливая волнение:

— Джой Маллигэн, отдел хроники «Абреже». Гражданин окружной комиссар, что вы можете рассказать об упомянутом в вашем вступительном слове агенте иностранной державы по кличке Черный Рык? Как случилось, что он сумел проникнуть в полицию и служил в вашем ведомстве, занимая весьма высокую должность?

Комиссар вздохнул и осушил стакан с водой, стоявший перед ним. В зале произошло некоторое движение, кое-кто даже ухмыльнулся при виде столь выразительной реакции комиссара на вопрос девчонки-репортера.

Выждав тишину, комиссар рассказал следующее:

— Офицер армии свергнутого диктатора Даги Нгоро бежал за границу вместе с группой военных из окружения бывшего подполковника Мариба Голд-Амаду, кстати также привлеченного сейчас к ответу за целый ряд тяжелых преступлений как в нашей стране, так и за ее пределами. Этот бывший главарь бывшей четвертой дивизии незаконно и тайно обосновался на восточном побережье континента с фиктивными документами на имя нейтрального коммерсанта Мануэля Соважа.

Так вот, как я уже сказал, Даги Нгоро из компании этого отщепенца. Органы безопасности нашей республики располагают данными, из которых явствует, что за границей Нгоро провалился с крупной валютной аферой и, спасаясь от тюрьмы, с помощью Соважа и поддельного паспорта бежит в Турцию, где попадает на глаза резиденту ЦРУ Элу Броуди.

Установлено документально, что Нгоро получает там некоторую сумму в твердой валюте, кличку Черный Рык, радужные обещания на будущее и, завербованный, переправляется обратно в нашу страну в качестве шпиона-диверсанта.

В это время еще идут ожесточенные сражения, гражданская война в разгаре, но всякому неглупому человеку уже ясно, что победа революции близка.

Убедительно доказав свою личную непричастность к

былым кровавым операциям армии диктатора, военный специалист, офицер, добровольно заявляет о готовности всеми силами помогать борющемуся за свободу народу.

Ему поверили, как поверили, и небезосновательно, многим кадровым военным, искренне перешедшим на сторону повстанцев, которые, надо признать, своим профессиональным умением и знанием ратных наук внесли известный вклад в дело нашей общей победы.

Ему поверили еще и потому, что, сражаясь на стороне народа, он даже проявил храбрость, особенно показал себя как специалист по борьбе с разведкой противника.

Как вы сами понимаете, это был хитрый и тонкий ход, разработанный его зарубежными хозяевами, разгадать который, к сожалению, в то горячее время не удалось.

Они, Рык и его хозяева, пошли на такой маневр, понимая, что дни старого режима все равно сочтены, что им остается лишь попытка прицелиться на будущее.

Итак, его заслуги в завершающем году войны, образование, опыт, а также ряд случайных обстоятельств помогают ему после победы занять пост начальника полицейского управления одной из городских зон, тем более что с кадрами в сфере охраны порядка тогда ощущался острый дефицит.

Нгоро доволен. По служебной линии старается не делать осечек, и это в известной мере ему удастся. Его прошлое кануло в забвение, все занято днем сегодняшним, построением нашего завтра.

А между тем его хозяева начинают приступать к своим давним планам. Агента по кличке Рык приобщают к разработке и осуществлению диверсий экономического и политического характера.

В независимый банк на его тайный счет, трогательным девизом которого стало имя любовницы, сотрудницы одного западного консульства, поступает кругленькая сумма, плата за кровь патриотов, за попытку бросить тень на наших советских друзей и распространение провокационных слухов, за покушение на владельца бара, знавшего хозяина разыскиваемого автомобиля и догадавшегося о заговоре против экспедиции в Аномо, за все, что содеяно и должно было еще совершиться.

Нгоро не назовешь трусом или глупцом, но он жестокий, подлый прихвостень извечных врагов любого сво-

бодолюбивого народа. Алчный, продажный, он поклонялся только наживе.

Тот, кто ненавидит преобразования в пробудившейся, решительно рвущей цепи векового рабства Африке, кто ненавидит и нашу республику, кто ищет возможность подорвать нашу политику и экономику, в конце концов находит путь к таким ренегатам, как Даги Нгоро, распознав не только их слабость к деньгам.

После этих слов комиссара в зале некоторое время царило молчание, нарушаемое лишь жужжанием кинокамер и скрипом перьев.

Но вот поднялся элегантный мужчина с воспаленными глазами. Зажженная трубка во рту, к немалому удивлению присутствующих, не помешала ему отчетливо произнести:

— Жан-Луи Девалье, «Пари-матч» и «Атлас». Вы намекнули на интимную связь между убийцей и мадемуазель из некоего дипломатического представительства. Будьте любезны, подробней.

В рядах представителей прессы послышался смех.

— Но, месье... — молвил в ответ комиссар и развел руками, с трудом подавив невольную улыбку. И повернулся к следующему журналисту.

— Павел Бърнев, «Работническо дело». Уважаемый гражданин комиссар, не могли бы вы уже сейчас осветить обстоятельства и детали дела по раскрытию заговора против нефтеразведки, которая ведется с помощью советских специалистов в пустынном районе Аномо?

Комиссар сказал:

— Следственные органы еще готовят материалы к предстоящему судебному процессу, поэтому я не уполномочен делать какие-либо официальные заявления на этот счет. Однако в порядке частного высказывания, имея в виду некоторые сведения, известные лично мне как абсолютно подлинным, и связывая их с ответом на предыдущий вопрос сотрудницы «Абреже», могу рассказать кое-что с полной ответственностью.

Я уже говорил, что один из арестованных, агент, проникший во вверенный мне округ, принимал участие в заговоре против экспедиции, организованной революционным правительством с братской помощью русских нефтяников.

Заговорщики решили подкупить нашего специалиста Банго Амеля, а в случае неудачи уничтожить его физически и заменить своим человеком.

Сотрудник западного консульства Слим Нордтон, кстати оставивший на месте преступления окурки своих любимых греческих сигарет, ночью подкарауливает инженера.

Подкуп, понятно, не удался. Во время вспыхнувшей схватки Рык, или Нгоро, спешит на выручку Нордтону и сбивает инженера Амель машиной.

Я забыл сказать, что до этого он, Рык — Нгоро, наблюдал за площадью, сидя в «рено» иностранца. Замечу, он вообще прослыл мастером вождения автомобиля. Вероятно, те из вас, кто вел или писал репортажи с автогонок, вспомнят его выступления за спортивный клуб полиции.

Короче, оба преступника скрываются, не подозревая, что невольным свидетелем трагедии был случайно выглянувший из окна горожанин, которому, правда, не удалось как следует рассмотреть скрывшихся.

Забегая немного вперед, скажу, что именно этот старик свидетель сообщил о случившемся полиции, позвонив из телефона-автомата на той же площади.

В газетном киоске ночевал мальчик-разносчик, он видел, как вскоре Нгоро вернулся на площадь — он потом узнал его на фото — и подбросил на место преступления зажигалку одного журналиста-иностранца, которая в тот момент оказалась у Нордтона.

Этого Нгоро показалось мало, и он решил для отвода глаз угнать автомобиль, принадлежавший неподалеку расположенному русскому посольству, попутно устранив охранника, знавшего его как офицера полиции.

Слим Нордтон, по-видимому, беспрепятственно покинул страну. Это плохо, это не дает нам покоя. Жаль, если ему удастся уйти от ответа за соучастие в убийстве. Поиски Интерпола пока безуспешны.

А Даги Нгоро спокоен, ибо всем в управлении известно, что в момент происшествия он находился в Блутовне по делам службы, хотя сам капрал Бвераму из блутовнского отряда понятия не имел, что именно у него гостил и тесно сотрудничал с ним инспектор из столицы.

Но Даги Нгоро просчитался. И не только с подставной красоткой от дипломатии, которой он уже стал не нужен, не только в попытках запутать и увести следствие по ложному следу, жертвуя для этой цели даже некоторыми малозначительными лицами, так или иначе причастными к заговору против нефтеразведки, он

просчитался во многом с самого начала, потому что другого удела у наших врагов нет и не будет.

Вскинув руку, вновь поднялся Жан-Луи Девалье с дымящейся трубкой во рту.

— Позвольте еще раз привлечь ваше внимание к любопытству моих читателей, месье окружной комиссар.

— Прошу.

— В деле фигурирует загадочная зажигалка некоего аккредитованного здесь корреспондента, находящегося под следствием. Кой-какие слухи мне известны, но хотелось бы узнать что-нибудь от вас.

— Историю с зажигалкой можно, пожалуй, отнести к разряду курьезных, — сказал комиссар. — Не скрою, что я знаком с протоколами предварительных допросов. В общих словах. Садовник иностранного представительства нашел дорогую серебряную зажигалку, отдал Нордтону, полагая, что тот вернет ее владельцу. Никто не заявил о пропаже, и Нордтон оставил зажигалку у себя, решив, что она утеряна давно каким-нибудь проезжим бизнесменом или туристом. Мало ли кто наведывался? Так он и сказал Нгоро, когда капитан однажды заинтересовался этой оригинальной вещицей с пометкой «Сделано в Гонконге», увидев ее в руках Нордтона. Подбросив «улику» на место преступления, Нгоро пытался подтолкнуть следствие к достаточно темной личности Ника Матье, который немало побродил по свету, бывал и в Гонконге. Ни Нгоро, ни Нордтон не подозревали, что зажигалка принадлежала их сообщнику. Вот в чем курьез. Если позволительно так выразиться в данном случае.

— Илтон Скок, телекомпания Эн-би-си. Сэр, как вы объясните инцидент в пустыне Аномо? Я имею в виду покушение на бурмастера Матье. Правда ли, что коллега из местной газеты, очаровательная мисс Маллигэн, была непосредственной участницей этой драматической сцены?

— Джой Маллигэн была свидетельницей, а не участницей. В качестве свидетельницы выступит и на процессе, поэтому настоятельно рекомендую не осаждать ее тщетными расспросами до судебного разбирательства. Она соблюдает положение законодательства, — сказал комиссар, — а относительно причин, сути и участников этой, как вы назвали, драматической сцены могу посоветовать одно, мистер Скок: потерпите до процесса.

— Раши Сингх, «Пиплз демокраси». Как вы расце-

ниваете, господин комиссар, уже появившиеся многочисленные и абсолютно противоречивые комментарии средств массовой информации на тему Аномо?

— Отрицательно. Цель пресс-конференции как раз и заключается в том, чтобы остановить ложные домыслы и вздорные суждения.

60

Мальчишка — разносчик газет приплясывал на главной площади столицы, названной площадью Освобождения, прижимая к груди кипу пахнущих типографской краской листов утреннего выпуска.

— Новости! Новости! Блестящее будущее мертвых песков Аномо! Братская дружба крепче земных глубин! Новости! Свежие новости! Раскрыт преступный заговор агентов Запада! Враг не уйдет от ответа! Мы на пути прогресса!

Звонкий мальчишеский голос летел над городом, который, как и вся страна, как и весь многострадальный континент, являл собой строительную площадку, где рядом еще уживались сор и творение, грязь уходящего и новь пришедшего времени, где глинобитное жилье соседствовало с белокаменным, где вечно зелень и вечно солнце...

ИБ № 3075

Игорь Васильевич Коваленко

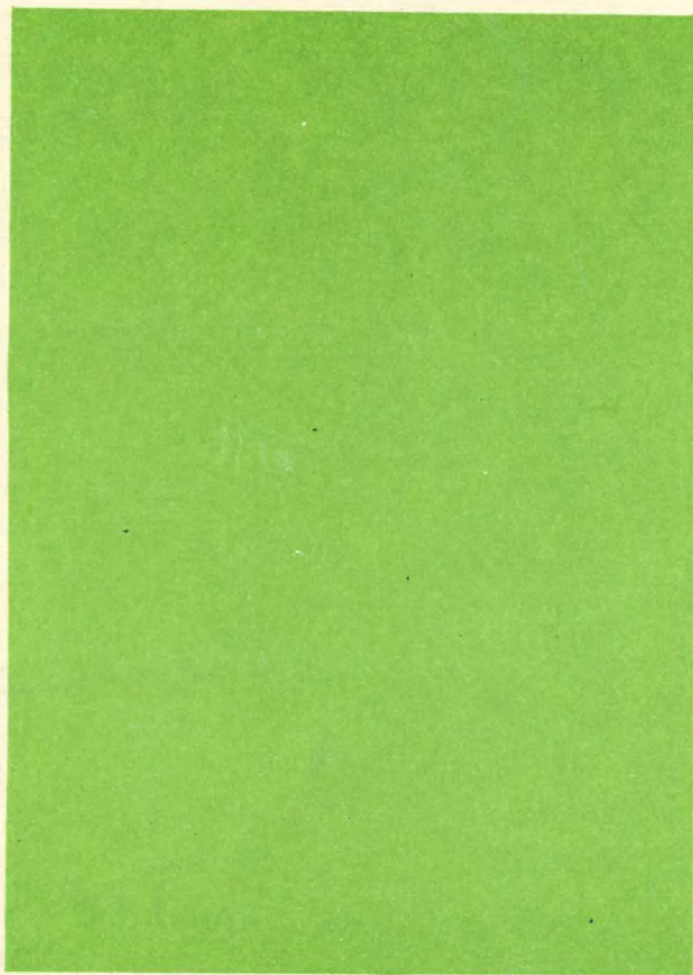
ЖАРА В АНОМО

Редактор **Т. Костина**
Художники **Б. Жутовский, И. Бисти**
Художественный редактор **Б. Федотов**
Технический редактор **Г. Прохорова**
Корректоры **В. Авдеева, И. Тарасова**

Сдано в набор 06.01.82. Подписано в печать 13.05.82. А03299.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 14,28. Учетно-изд. л. 15,3. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 10 к. Заказ 2234.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцневская, 21.

1 р. 10 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ